

СТАН ЗОЛОТОЙ КРОВИ

ОТ ЛЮБВИ
СТРАДАЮТ
ДАЖЕ
БОГИ

НАСТАСЬЯ ДАР

18+

Настасья Дар

Стан золотой крови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69691945

SelfPub; 2023

Аннотация

За основу данного романа были взяты реальные легенды восточной сибери. Как думать о будущем, не зная ничего о своем прошлом? Не зная даже своего имени... Хрупкая рыжая девчонка с амнезией и кучей страшных ожогов по всему телу, брошенная кем-то в зимнем лесу у подножья гор – вот и вся моя история. Это и было моим прошлым и настоящим. Но лишь до того дня, пока горы не открыли мне все свои тайны... И пока в моей жизни не появился он – тот кто с первого взгляда возненавидел меня. Тот кто привел в "стан золотой крови" и этим навсегда изменил мою жизнь. Мистический роман о легенде, воплощенной в жизнь.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	47
ГЛАВА 5	60
ГЛАВА 6	76
ГЛАВА 7	94
ГЛАВА 8	109
ГЛАВА 9	123
ГЛАВА 10	138
ГЛАВА 11	155
ГЛАВА 12	167
ГЛАВА 13	178
ГЛАВА 14	191
ГЛАВА 15	210
ГЛАВА 16	223
ГЛАВА 17	238
ГЛАВА 18	254
ГЛАВА 19	268
ГЛАВА 20	279

Настасья Дар

Стан золотой крови

ГЛАВА 1

– Кара!!! Вставай немедленно!

Дверь чулана, служившего мне спальней, распахнулась, и на пороге появилась Далана, которая и издавала эти ужасные громкие вопли.

– Что вы так кричите? – простонала я, с трудом раскрыв заспанные глаза.

Женщина с чувством выругалась на своем родном тувинском языке, и бросив в меня моими же штанами, висящими на ручке двери, уже на чистейшем русском гаркнула:

– Ты совсем уже ошалела?! Восемь утра, а она дрыхнет как сурок! Забыла кто сегодня приезжает?!

Я села, и встряхнула головой, пытаюсь удержать сознание, стремительно уплывающее обратно в объятия морфея. Разглядев сквозь один прищуренный глаз свою опекуницу, разодетую в самое лучшее платье, наконец вспомнила:

– Мажоры! Черт, совсем из головы вылетело!

Стремительно подскочив с постели, стала натягивать на себя одежду под неодобрительное цоканье тетки Даланы.

– Ай-яй-яй! Не мажоры, а сыны очень многоуважаемых господ!

На это замечание я лишь тихо фыркнула, и под гневное бормотание подгоняющей меня тетки, вылетела из комнаты, по пути получив звонкую оплеуху.

Потирая покрасневшее правое ухо, которому почему-то вечно доставалось от Даланы, я быстренько умылась, и побежала готовить дом для высокопоставленных гостей. Времени до их приезда остается совсем мало, так что про завтрак лучше даже не заикаться, а то тетка совсем озверевает.

Далана уже семь лет является моим официальным опекуном.

Как так получилось?

Она нашла меня едва живой в зимнем лесу, неподалеку от своей туристической базы. Когда женщина подошла ближе, то увидела, что вся правая сторона тела, найденного ею ребенка, оказалась полностью сожжена. Она позвала кого-то на помощь, и забрала меня на свою базу, потому как дороги перемело, и до ближайшей больницы было километров двести. В такой снегопад никто не рискнул бы сунуться на тракт.

При помощи мазей, выданных местными травниками и последующей пересадки некоторых участков кожи, меня, конечно, вылечили, но вот безобразный ожог, изуродовавший половину тела, остался со мной навсегда... И никто не знает, как он мне достался. В том числе и я.

Дело в том, что я не помню себя до десяти лет. Вообще...

Ни имени, ни родителей. Первое мое воспоминание – это боль от ожога, и запах горелой кожи, смешавшийся с ароматом заиндевелой сосновой хвои, на которой я лежала. Ну и лицо Даланы, склонившейся надо мной.

С того самого дня я и живу на ее турбазе. Не знаю, почему Далана решила меня удочерить, скорее всего ради бесплатной рабочей силы, но все равно я ей за это благодарна. Неизвестно, что ожидало бы изуродованного ребенка в детском доме...

Моих родителей искали ровно год. Но, к сожалению, так и не нашли. Сотрудники полиции и психологи не раз пытались заставить меня вспомнить хоть что-то, но все было без толку. Моя память до десяти лет была как чистый лист. Я даже имени своего не знала, а Карой меня назвала тетка Далана, которая все время твердила, что я божья кара, посланная на ее бедную голову.

Не сказать, что жизнь в приемной семье была совсем ужасной, но и легко мне тоже не было. Далана не баловала родительской любовью, но исправно кормила, выделила чулан на первом этаже, и даже отдавала вещи своих двух дочерей, которые изнашивались или становились им малы.

Образования меня, к сожалению, лишили. Ну как лишили, официально я проходила домашнее обучение, но на деле... На деле вместо уроков я убирала комнаты отдыхающих, и следила за порядком в доме самой Даланы. Меня научили лишь читать, писать, да считать. Все остальное я пыталась

узнать из редких книг, которые появлялись у тетки дома, да от старой учительницы начальных классов, работающей поваром в столовой турбазы.

Тяжелее всего было осознавать, что на самом деле ты в этом мире совсем один, и никому не нужен... Случись со мной что-нибудь – никто даже не заплачет. Лет до тринадцати я каждую ночь, лежа на скрипучей раскладушке в чулане, представляла, как приезжают родители, и забирают меня домой. Но вскоре пришло осознание, что если бы мои родители действительно были живы, то уже нашли бы свою дочь. В общем мечтать я разучилась довольно рано...

– Эй, аккуратнее! Юрродивая!

Сын Даланы, приехавший из университета к матери на летние каникулы, брезгливо скривился, глядя на свои белые кроссовки, на которых отчетливо виднелся след от моих изношенных кед.

– Извини, задумалась, – мимоходом бросила я, надеясь, что Амир просто отпустит меня.

– А ну стоять! Ты считаешь, что простого извини здесь будет достаточно?

Парень больно дернул меня за локоть, разворачивая к себе, и я слегка поморщилась, пытаясь вытащить руку из цепких пальцев.

– Да брось, Амир, это же просто кроссовки! – раздраженно выпалила, глядя как этот великовозрастный оболтус водит по-моему телу сальными глазенками, – Оставь в ванной,

я вечером постираю.

Остановив взгляд на моей груди, обтянутой серой водолазкой, которая уже год как стала мне мала, парень широко оскалился, и произнес:

– У меня на тебя другие планы, ущербная. Идем.

Не обращая внимания на мои попытки вырваться, Амир затащил меня в гараж, построенный рядом с домом, и прижал к холодной бетонной стене.

– Руки от меня убрал, а то я сейчас закричу! Давненько от матушки по тылке не получал?! – сердито воскликнула я, пытаюсь увернуться от мужских рук, сжимающих мои бедра.

– Давай, кричи. Тебя все равно никто не услышит. Все уже ушли в дальний домик, готовиться к приезду гостей, – прошептал Амир, опалив мою щеку горячим дыханием, жутко пахнущим тувинской аракой, – Знаешь, а ты неплохо подросла за этот год. Особенно в определенных местах. Если бы не уродские шрамы на теле, то я даже счел бы тебя симпатичной. С натяжкой, конечно.

Его вторая рука начала стремительно задираť вверх край закатанной водолазки, и я похолодела, понимая, что мне никто не поможет, и что только приставаниями это явно не закончится!

Судорожно шаря взглядом вокруг себя, в поисках хоть чего-то, что можно будет использовать в качестве оружия, я одновременно пыталась оттолкнуть парня от своего тела. Амиру это не понравилось, и он одной рукой прижал мои запя-

стыя к стене над головой, а колено завел между ног, прижимаясь ко мне всем телом.

Чувство омерзения переполнило меня, и не придумав ничего лучше, я со всей силы врезалась лбом в нос этого извращенца.

Послышался хруст и по-моему лицу потекла горячая чужая кровь. Амир дико заверещал, и согнувшись пополам, прижал ладонь к разбитому носу.

– Тварь! Ты мне нос сломала!!!

Пользуясь тем, что парень сейчас слегка занят, и забыл про меня, я что есть силы рванула из гаража.

Выскочив за ворота турбазы, перебежала широкую гравийную дорогу, и нырнула в густой лес, надеясь, что этот болван не станет искать меня в чаще.

Пробежав еще с километр, я тяжело дыша рухнула на колени у высокой сосны, густо поросшей мхом, и лишь поняв, что оказалась достаточно далеко от базы, немного успокоилась.

Все! Обратно сегодня точно не вернусь! Лучше в лесу ночевать буду, лишь бы не рядом с этим психом! Далана, конечно, убьет меня, когда поймет, что я сбежала в такой день... Ну и пусть! Я не обязана терпеть издевательства ее сына!

Уродка... Ущербная... Чучело... Как же я устала все это слышать! Каждый человек, увидевший обожженную часть лица, шарахался от меня как от прокаженной. Соответственно друзей у меня никогда не было. Зато местная ребятня в

детстве частенько закидывала искалеченную рыжую девчонку камнями и кричала, что я заразная. Среди них были и дети Даланы...

Я не жаловалась. Знала, что идти мне все равно больше некуда, а наказанные матерью маленькие изверги будут срывать свою обиду и злость на мне.

Вместо этого я научилась защищать себя. И вскоре ко мне уже боялись подходить, зная, что можно неслабо получить в ответ. Не смотря на мелкий рост, и торчащие кости, каждый обидчик испытал на себе, насколько у меня тяжелая рука и злопамятный характер.

Стерев с щеки непрощенную слезу, я рывком встала, и направилась куда глаза глядят, чтобы не засиживаться на одном месте.

На самом деле в моей жизни было то, чему я радовалась каждый божий день. Место, в котором я живу – оно удивительно! Туристическая база Даланы находится у подножья горного хребта Ергаки, который является границей между Тувой и восточной Сибирью. Чистейшая первозданная природа, наполненная горными озерами, водопадами, густыми лесами и высокими снежными пиками, которые задевают своими верхушками лазурное небо! Не смотря на жаркое лето, вдоль дороги часто можно было встретить глыбы снега или скопления ледяных сосулек, граничащие с жарками и кудрявыми лилиями. И этот контраст завораживал!

Каждое утро я вдыхала свежий горный воздух, и благода-

рила небеса за то, что оказалась именно в этом месте. Лишь природа служила мне утешением в тяжелые моменты...

Деревья постепенно уступили место низким кустам можжевельника, карабкающегося по скалистой местности, и вскоре перед моими глазами показался ручей. Я частенько бывала в этих краях, прячась от обидчиков или Даланы, которая спешила выпороть меня за очередную разбитую тарелку или испорченную вещь, но к ручью вышла впервые.

Опустившись на колени, и зачерпнув полные ладони ледяной воды, я сперва умыла лицо, выпачканное в крови Амира, и уже потом, дождавшись, когда быстрый поток унесет красные разводы, вдоволь напилась.

Посидев еще с полчаса на скалистом берегу, и окончательно успокоившись, решила пойти на соседнюю базу к одной своей знакомой, надеясь, что та пустит меня к себе на ночь. Завтра к вечеру Амир должен возвращаться обратно в университет, и до этого момента мне домой лучше не соваться.

Поднявшись на ноги, я стряхнула с потертых джинсов налипшую траву, и уже собралась уходить, как услышала громкий цокот копыт.

Сердце тут-же сковало страхом от мысли о том, что это может быть Амир, который решил довести начатое до конца. Судорожно вертясь вокруг себя, в попытках найти место, где можно спрятаться, я поскользнулась на мокрой каменистой поверхности, и не удержав равновесие, рухнула в ледяной ручей, который хоть и в ширину был не больше пары метров,

зато имел приличную глубину, скрывающую меня по шею.

Стараясь не издавать громких звуков, я попыталась ухватиться за острые камни, торчащие на берегу, чтобы течение не унесло меня вниз. Мокрые заледеневшие пальцы все время соскальзывали с влажной поверхности, и в итоге потоки воды утянули меня за собой.

Быстрое течение не позволяло держать голову все время над водой, и вскоре ледяная жидкость начала захлестывать мое лицо, заливая нос и рот. Когда кислород в легких начал уступать место воде, я закричала, испугавшись, что могу захлебнуться и утонуть. Сейчас я была бы рада даже Амиру, но, как назло, никто не спешил доставать меня из воды.

В стремительно гаснущем сознании мелькнула мысль о том, что может Амир все-же стоит на берегу, и просто со злорадством наблюдает за тем, как я барахтаюсь в горном ручье, медленно задыхаясь. Эта картина заставила меня куда активнее бороться за свою жизнь, и я начала как бешеная молотить руками, пытаюсь всплыть над водой, и ухватить хоть пару глотков воздуха.

Только вот у ручья на меня были другие планы...

Устье резко свернуло, и мое тело швырнуло о подводные камни, больно приложив о них головой. Из глаз полетели искры, а из легких вырвался последний пузырек кислорода, и я поняла, что это конец...

Смирившись со своей участью, я уже хотела расслабиться, и позволить течению унести меня на тот свет, но внезап-

но кто-то вцепился в мое плечо, и дернув на себя, рывком вытащил из воды, ухватив поперек талии.

Когда воздух наконец-то хлынул в легкие, я судорожно закашлялась, согнувшись пополам, и избавилась от воды, скопившейся в дыхательных путях. Откинувшись на спину, и тяжело дыша, слегка приоткрыла глаза, и расплывающимся зрением увидела сосредоточенное лицо склонившегося надо мной мужчины, который неверящим голосом прошептал:

– Ты... Не может быть...

На этом мое сознание со всеми попрощалось и кануло в темноту.

ГЛАВА 2

– Ты уверен, что она одаренная?

– Да. Я чувствую запах магии. Ты видишь здесь кого-то еще?

– Нет, не вижу. Но Хан, ей же явно лет пятнадцать! Дархан никогда не забирает таких взрослых.

– Об этом не нам судить, Глеб. Наше дело доставить ее в лагерь. Дальше пусть Дархан решает.

На этом мужские голоса стихли, и до моих ушей вновь доносились лишь звуки природы, да цокот лошадиных копыт. Я уже полчаса притворялась спящей, лежа в руках загадочного Хана, и пытаюсь понять, кто и куда меня везет.

Судя по услышанному, мужчины должны отдать меня какому-то Дархану. И вероятнее всего это главарь секты или чего-то подобного, раз речь идет о магии.

Больше я ничего не смогла понять, и решила, что пора перестать разыгрывать сон.

Распахнув веки, увидела над собой лицо все того-же мужчины, который вытащил меня из реки. А точнее парня, которому, судя по всему, было не больше двадцати пяти.

Хан, как назвал его второй человек, имел очень странную внешность. Раскосые антрацитовые глаза, прямые иссиня-черные волосы длиной до пояса с забранной назад длин-

ной челкой, и на удивление белая кожа, которая не свойственна тувинцам, проживающим в местных деревнях. Больше всего парень был похож на жителя Монголии, который не разу в жизни не видел солнца.

Мое внимание к его лицу не осталось незамеченным, и склонив голову, Хан посмотрел прямо в мои глаза, произнеся:

– Очнулась? Замечательно. Тогда сделаем небольшую остановку, и дальше поедешь сидя. Все ноги отдала уже!

Остановив лошадь, он спустил меня на землю, и следом прыгнул сам. Только тогда я поняла, что главное его отличие от местных жителей не в белой коже, а в высоченном росте и мощной фигуре. Нет, я, конечно, понимаю, что с моих метра пятидесяти все кажутся высокими, но этому человеку я даже до плеча не доставала.

– Чего смотришь? – не особо дружелюбно спросил он, нахмутив брови.

– Кто вы, и зачем я вам? – задала я вопрос, интересующий меня больше всего.

Второй парень – светловолосый и не такой высокий, широко улыбнулся, и аккуратно отодвинув от меня своего товарища, произнес:

– Меня зовут Глеб, это Хаган. Не обращай на него внимания, он сегодня не с той ноги встал, вот и ворчит! Поверь, мы не желаем тебе зла. Просто нам нужно тебя кое-куда отвезти. Прости, но я не имею права рассказывать что-то еще,

поэтому узнаешь все в лагере.

Выслушав Глеба, я согласно кивнула, и резко развернувшись, что есть силы дала деру в сторону деревьев. Хватит с меня на сегодня больных на голову извращенцев!

За спиной громко выругались, и я поняла, что за мной идет погоня. Бежать пришлось недолго, потому как один из преследователей очень быстро нагнал меня и повалил на землю.

– Веревку дай! – послышался над ухом голос Хагана.

Получив веревку, мужчина связал мои запястья, и подняв с земли, толкнул спиной к стволу ближайшего дерева. Нависнув надо мной грозной и крайне недовольной тучей, он прошипел:

– Выкинешь еще что-то подобное, будешь идти пешком за лошадью! Ты нужна Дархану, и лишь поэтому все еще жива, а не валяешься на дне того ручья!

Я ответила ему таким же озлобленным взглядом, но попыток бегства решила больше не совершать, понимая, что этот бугай запросто догонит меня.

– Глеб, заberi ee! Поедет с тобой.

На этом Хаган развернулся и быстрым шагом направился к своей лошади.

Я раздраженно фыркнула ему в след, и под тяжелый вздох ведущего меня Глеба, потопала ко второму коню.

Парень сначала сам взобрался в седло, а потом уже взяв подмышки, втянул меня, усадив перед собой.

Следующие несколько часов пути мы все дружно молчали, а я сверлила взглядом спину противного Хагана, который почему-то с самого начала отнесся ко мне с долей пренебрежения или даже неприязни. Возможно, это все из-за моих шрамов...

Я тоскливо вздохнула, раздумывая о своей не очень-то радужной судьбе.

Эх... Что теперь со мной будет? А вдруг этот Дархан мой отец, и он все эти годы искал свою потерянную дочь? Ну, а что? Может все не так и плохо!

Эта мысль приободрила меня, и отведя взгляд от спины, обтянутой белой футболкой, я принялась разглядывать окружающий пейзаж.

И посмотреть было на что. Я уже давно живу в этих краях, но еще никогда так близко не приближалась к горам. Лошади осторожно ступали по мелкой каменной крошке у пологого подножья горы под названием парабола. Если быть точнее, то это два горных пика, между которыми образовалось идеально ровное седло, очень похожее на геометрическую форму параболы. Место удивительное!

Пока я с открытым ртом разглядывала окрестности, мужчины остановились, и сказали, что здесь мы и заночуем.

– Что? – не поняла я, – А сколько же нам ехать до места?

– Завтра к вечеру будем в лагере, – бросил Хаган, снимая тканевые мешки, переброшенные через круп лошади.

Представив, что мне еще сутки придется трястись в сед-

ле, я ужаснулась. Мой копчик уже молил о пощаде. Я же не выдержу такой длинной дороги!

Хотя кого бы это волновало...

Глеб снял меня с лошади, и пристально глядя в глаза, сказал:

– Пообещай, что не сбежишь, если я тебя развяжу.

Я закатила глаза.

– Куда уж тут бежать, мы же в горах! С вами явно безопаснее, чем с каким-нибудь медведем в ночном холодном лесу.

– Вот и ладненько.

Парень развязал меня, и я со стоном потеряла затекшие запястья.

Солнце уже садилось, освещая оранжевым светом снежные пики гор. Выходит, что время около девяти вечера... Это что, получается, мы уже около десяти часов в дороге?! Кошмар! Сколько же я проспала? Даа... Назад я самостоятельно теперь точно не смогу вернуться...

Пока я любовалась закатом и разминала руки, парни слаженно поставили небольшую палатку, и закинули в нее свои вещи.

Вот черт! У меня даже кофты теплой нет, а ночи в горах даже летом далеко не жаркие. Как я спать буду?

Ответ на этот вопрос неожиданно пришел от Хагана, который подошел, и молча сунул мне в руки огромную теплую толстовку черного цвета.

– Вот, держи. Можешь не благодарить, – произнес этот

гад, видимо ожидая, что я в ноги ему упаду за такой жест.

– Даже и не собиралась, – скривившись, ответила я, но все-же натянула теплую вещь, остро пахнущую можжевельником и дымом костра.

– Иди ужинать! – окликнул меня Глеб, разжигающий огонь недалеко от палатки.

Я послушно приблизилась к костру, и осторожно села на край серого клетчатого покрывала, расстеленного прямо на земле. Парни тем временем, достали из холщового мешка какие-то пергаментные свертки, и развернув их, положили на середину покрывала.

В свертках оказалась спрятана еда. Сушеные полоски мяса и рыбы, хлеб, печеная картошка, а также бурдюк с водой.

– Бери, не стесняйся, – с добродушной улыбкой Глеб подтолкнул в мою сторону картошку и мясо.

Немного осторожничая, я все-же принялась за еду, потому как ничего не ела со вчерашнего вечера, и желудок уже сводило от голода. На удивление еда оказалась вкусной. Или же мне так с голодухи показалось...

После ужина Глеб убрал остатки снеди обратно в мешок, и растянулся на освободившемся покрывале, закинув руки за голову, и глядя в ночное небо, усеянное крупными звездами. Хаган же сел неподалеку от нас на плоский камень, торчащий из земли, и раскурил черную деревянную трубку.

– Расскажи что-нибудь о себе, – неожиданно попросил черноволосый, всматриваясь в пламя костра.

Услышав это, я чуть не поперхнулась. Уж от кого от кого, а от Хагана я никак не ожидала такого внимания к своей персоне.

– Вы же мне о себе ничего не рассказываете, – кинув на него прищуренный взгляд, буркнула я.

– Пойми, мы исполняем приказ, и не можем ослушаться. Но поверь, как только прибудем на место, то лично я с радостью расскажу тебе о себе, – растянув губы в лукавой улыбке, произнес Глеб.

Ладно... Хотели – получайте.

– Меня зовут Кара, мне семнадцать лет. Живу на одной из туристических баз у подножья гор... Не знаю, что еще рассказать. У меня довольно скучная жизнь, – выпалила я, внезапно засмущавшись. Как-то странно было рассказывать о себе посторонним людям.

Хаган бросил на меня мимолетный взгляд, в котором читался интерес, и произнес:

– Семнадцать? Выглядишь ты не старше пятнадцати. Больно мелкая.

Я вспыхнула, и нахмурившись, выдала:

– Ты зато больно взрослый! Сколько тебе – тридцать?

– Двадцать три, – не обращая внимания на мой гнев, спокойно ответил парень, выпуская изо рта ровные колечки пахучего дыма.

– Так, все! Идемте спать, пока вы не передрались тут.

Глеб поднялся с земли, и первым залез в палатку. Мы с

Хаганом одарили друг друга недовольными взглядами, и парень, дернув бровью, сказал:

– Иди. Я пока спать не собираюсь.

Я фыркнула, всем своим видом показывая, что мне его разрешение не нужно, и отправилась отдыхать.

Палатка оказалась крайне маленькой, и к тому же лежать приходилось прямо на земле, не считая, конечно, слоя тонкой непромокаемой ткани цвета хаки. Поерзав, я наконец-то устроилась рядом с Глебом, и прикрыла глаза.

Сон никак не шел... Зато голову посетила очень интересная мысль, которую я тут-же поспешила озвучить:

– Я совсем не испытываю страха. Почему? По логике я должна бояться и вас и за свою жизнь, но нет. Я вообще ничего не чувствую по этому поводу.

Глеб перевернулся в мою сторону, и сонным голосом ответил сквозь зевок:

– Хан влил в тебя успокаивающий настой еще когда мы были у ручья. Чтобы ты истерик не закатывала.

– Вот значит как...

– Не обижайся, это стандартная процедура.

Стандартная? Получается я не единственная кого вот так своровали...

Глеб снова уснул, и устав бороться с бессонницей, я выбралась из палатки наружу. Костер все еще горел, а вот Хагана нигде не было видно. Я зябко поежилась, и спрятав ладони в длинных рукавах мужской толстовки, присела на ка-

мень, на котором он сидел прежде.

Всматриваясь в тлеющие угли, я раздумывала о том, что меня теперь ждет. Я вообще не представляла куда мы едем. Загадочное слово лагерь ни единожды звучавшее от них, ничего мне не говорило. Ну ни в детский же лагерь они меня везут! Вот была бы умора...

Мысль о том, что меня ищет мой отец заставляла сердце биться чаще, но умом я понимала, что этого просто не может быть. Глеб же явно дал понять, что я не единственная их добыча.

– Почему не спишь?

Вздрогнув от неожиданности, я повернула голову за спину, и увидела Хагана, который смотрел на меня, привалившись к одинокой сосне в паре метров от камня, на котором я сидела.

– А ты чего подкрадываешься?! – сердито спросила я, пытаясь унять колотящееся от испуга сердце, – Ты напугал меня.

– Ну извини, – не особо раскаиваясь ответил парень, оторвавшись от дерева, и направившись к костру.

Подкинув дров в огонь, он сел прямо на землю, согнув ноги в коленях, и вновь закурил свою трубку.

– Я тебе не нравлюсь, – это был не вопрос, а скорее констатация факта.

Хан дернул черной изогнутой бровью.

– А должна?

Вот же придурок!

– Что такого я сделала, чтобы ты так относился ко мне?

– Ничего. Просто иногда некоторые люди нам неприятны.

Ты не можешь нравиться всем, – равнодушно сказал парень, пожав плечами. Подняв взгляд на мое лицо, и мазнув им по обожженной щеке, он добавил, – Хотя думаю ты и сама это понимаешь.

– Да пошел ты...

Я резко встала, и направилась в сторону небольшого водоема, расположенного недалеко от горы. Не хочу слушать как очередной урод поливает грязью мою внешность!

– Стой. Я не это имел ввиду... – слышалось за спиной, но я не стала слушать, и лишь ускорила шаг.

Из глаз уже были готовы сорваться слезы. И я не понимала почему. Уже достаточно давно, благодаря унижениям в детстве, я нарастила толстую кожу, которую было не пробить подобными издевками. Но его слова почему-то задели меня... Наверное, потому что они вылетели из уст парня, на которого вешалась явно не одна красотка, по сравнению с которой я – просто гадкий утенок.

В придачу к обезображенной коже мне достались кудрявые волосы морковного цвета, которые вечно выглядели растрепанными, а также куча веснушек и вздернутый нос. Плюс с низким ростом и костлявым телосложением, и получаем то, что имеем.

За спиной слышались быстрые шаги, и я резко остано-

вилась, желая высказать парню все, что думаю о нем. Развернувшись, почти врезалась в широкую мужскую грудь, и сделал шаг назад, отчеканила:

– Если ты думаешь, что хоть что-то понимаешь обо мне, то ты идиот! А если решил, что смог этими словами как-то задеть меня, тогда идиот еще больший! Знаешь сколько всего я за жизнь выслушала о своей внешности? Страшила, чучело, уродина... Каждый, кто видел меня, стремился высказать свое мнение, а потому твоя издевка для меня это просто капля в море. Но учти, если я еще хоть раз услышу что-то подобное в свою сторону – нос сломаю!

На этом я развернулась, и отправилась спать, оставив шокированного парня в одиночестве.

Удивительно, но теперь я смогла уснуть достаточно быстро. Видимо выплеск эмоций помог нервам успокоиться.

Ночь прошла беспокойно. Не привыкшая к сну на таких жестких поверхностях, я постоянно вертелась. К тому же вскоре в палатке появился Хан, и оказалось, что ютиться между двумя парнями, пытаясь не задеть обоих – это та еще задача!

В общем забыться более-менее спокойным сном я смогла только к рассвету, а вот пробуждение стало для меня настоящим кошмаром...

Открыв глаза, я поняла, что Глеба в палатке уже нет, зато рука Хагана тяжелым грузом лежит на моем бедре. Пребывая в полном шоке, я быстро скинула с себя бессовестную

конечность, и пулей вылетела из палатки.

– Ты чего? – спросил Глеб, разжигая костер.

– Эммм... Сон плохой приснился, – просипела я, пытаюсь выровнять дыхание.

– Понятно... А щеки чего такие красные? – с подозрением произнес парень, видимо не особо поверив мне.

Черт! Черт! Черт! Дурацкая особенность рыжих людей! Каждый раз испытывая хоть малую долю смущения или гнева, я становилась помидором! И хорошо, что сейчас покраснели только щеки. Обычно все лицо, и даже шея и грудь приобретали насыщенно-красный оттенок.

– Просто этот сон меня разозлил, – выпалила я, спустя несколько секунд неловкого молчания.

– Ладно, – Глеб пожал плечами, и кивнув в сторону водоема, добавил, – Умывайся, и приходи завтракать.

Мысленно выдохнув, я направилась к воде, как и сказал парень, радуясь, что он не стал продолжать расспросы.

Поплескав на лицо холодной водой, я собрала волосы в небрежную косу, и вернулась к стоянке. Там у костра сидели уже оба парня.

– Доброе утро, – как ни в чем ни бывало произнес Хан.

– Доброе, – буркнула я в ответ, и поспешила занять место, противоположное от него.

Пока Глеб доставал снедь, Хан успел тоже сходить умыться, и сварить что-то наподобие чая в небольшом котелке. Поднеся мне кружку с травяным настоем, он бросил на ме-

ня странный взгляд, но так и ничего не сказав, вернулся на свое место.

Только сейчас я заметила, что парень весь вечер и ночь был в одной лишь тонкой футболке. Он что, отдал мне свою единственную теплую вещь? Надо же...

Позавтракав, мы совместными силами сложили вещи, и сели на коней. Дорога предстояла долгая, и я уже мысленно готовилась к тому, что к вечеру даже ходить не смогу, хотя косвенно радовало хотя бы то, что я не испытываю ужаса и шока по поводу своего похищения. Сбежать все равно уже не удастся, а так хоть дурными мыслями терзаться не буду.

Мне опять предстояло путешествовать вместе с Глебом, и я была этому несказанно рада. Парень не доставлял проблем, и вообще был весьма дружелюбно настроен ко мне. В дороге мы обменивались редкими шутками, и обсуждали окружающую природу. Хаган просто молчал.

Остановка была сделана лишь пару раз. Чтобы размять ноги, и пообедать. Когда солнце начало потихоньку скрываться за горами, отбрасывая красные лучи на траву, и блестящие бока наших лошадок, мы пересекли очередной перевал, и я ахнула, увидев то, что простиралось впереди.

Перед нами лежала огромная зеленая равнина, покрытая редкими вкраплениями жарков и фиалок, но вот за ней... За ней покоился огромный каменный великан, будто бы спящий среди скал.

Великий Саян...

Я с детства знала эту легенду, но увидеть спящего Саяна в живую... Это стоило того, что я пережила за последние сутки.

Когда-то давным-давно в этих краях жил Саян – хозяин тайги. Был он честным и добрым, помогал местным жителям и стерег природные богатства – за это его и полюбили боги. Когда пришло время ему покинуть этот мир, и подняться к духам, те решили обратить богатыря в камень, чтобы он вечно охранял богатства сибирской земли. С тех пор и покоится Саян в этих горах.

Но есть еще одна легенда... Неподалеку от спящего Саяна, на краю скалы лежит Висячий камень, и как только он сорвется вниз, и упадет в Радужное озеро, его брызги разбудят Саяна, и хозяин тайги поднимется... Но никто не знает, что будет после.

Многие пытались столкнуть Висячий камень, но еще никому не удалось. Говорят, что в прошлом веке его даже можно было раскачать одной рукой, но он все равно не падал.

Сейчас я видела и спящего Саяна и Висячий камень. Зная легенду, находится рядом с ними было одновременно жутковато и завораживающе.

– Почти приехали, – подал голос Глеб за моей спиной.

– Но здесь же ничего нет... – недоумевала я.

Ни лагеря, ни поселений. Одна равнина, да горы вокруг.

– Увидишь, – неоднозначно ответил парень.

Еще около часа мы спускались вниз с перевала, пока не

оказались около двух высоких деревянных столбов, увешанных разноцветными лентами, потрепанными и выцветшими от времени.

– Тпррру.

Лошади, услышав команду, синхронно остановились, и Глеб помог мне спуститься на землю.

Хаган взял своего коня под уздцы, и сказал:

– Дальше идем пешком.

– Да куда идем?! Вокруг кроме травы и скал ничего нет! – не выдержала я.

Парни не обратили внимания на мою полную возмущения реплику, а вместо этого растянули между столбами толстую плетеную веревку из конского волоса, на которой висело множество медных бубенчиков. Когда веревка оказалась завязана на самых верхушках обоих столбов, Хаган достал из мешка большую фляжку, и отвинтив крышку, полил ее содержимым каждый столб, произнеся несколько незнакомых мне слов:

– Асран хамгаалагч сүнс өргөл авдаг.

Налетел резкий порыв ветра, и до меня донесся запах крепкого спиртного, вылитого из фляги.

– Что ты делаешь? – изумленно спросила я у Хана.

Парень не стал отвечать на мой вопрос, и вместо этого кивнул на проем между столбами, приказав:

– Идем.

И первый шагнул в получившуюся арку, коснувшись го-

ловой бубенчиков на растянутой веревке.

А потом я поняла, что просто сошла с ума. Видимо моя голова все-таки не выдержала столкновения с подводными камнями в ручье. По-другому я никак не могла объяснить происходящее...

Парень просто исчез. Испарился! Вот он стоял перед столбами, а вот он делает шаг, и все!

Пока я стояла с открытым ртом, пытаюсь найти этому хоть какое-то логичное оправдание, Глеб взял поводья своей лошади и легонько подтолкнув меня в спину, сказал:

– Ты следующая.

Я попятилась, не переставая качать головой, и твердить:

– Нннет... Я туда не пойду...

Глеб с тяжелым вздохом возвел глаза к небу, и резко толкнул меня вперед так, что я, не устояв на месте, пролетела арку, и врезалась в чье-то тело. И конечно это оказался Хан, а точнее его грудь.

Подхватив меня за локти, он помог удержать равновесие, и холодным тоном бросил:

– Аккуратнее! Ты же ходячая проблема! То в ручей летишь, то людей сшибаешь.

– Я не специально! Это вообще Глеб виноват, он...

Долго огрызаться не получилось, потому как я бросила взгляд за спину Хана, и застыла на полуслове.

Равнины больше не было. Нет, была конечно! Но просто она выглядела теперь совсем иначе.

Примерно в пятистах метрах от нас, камнями было выложено огромное кострище. Вокруг него на равном расстоянии расположилось с десятков больших белых юрт. Еще дальше, за этой стоянкой было несколько загонов с животными, и что-то наподобие огорода, плавно переходящее в лес.

– Что это... – шокировано прошептала я.

Хаган ухмыльнулся.

– Обернись.

Я подчинилась, и повернувшись к месту, где ранее стояли столбы, обнаружила что теперь там находятся большие резные ворота из дерева, надпись на которых гласит:

«СТАН ЗОЛОТОЙ КРОВИ»

ГЛАВА 3

Что еще за стан такой?

Хаган пощелкал пальцами перед моим крайне изумленным лицом, и сказал:

– Отомри уже. Нужно идти, а то Дархан нас заждался.

Ничего не понимая, я просто двинулась вслед за парнями, думая лишь о том, что еще чуть-чуть и мой мозг просто взорвется!

От ворот в обе стороны тянулся забор, состоящий из невысоких деревянных столбов высотой примерно мне до пояса. Между ними была растянута уже знакомая веревка с медными бубенчиками. Забор охватывал всю территорию лагеря по кругу, но судя по виду являлся скорее декоративным элементом, обозначающим границы, и не несущим никакой защитной функции.

Миновав несколько юрт, около которых стояли ребята разных возрастов, мы под их удивленные взгляды, брошенные в мою сторону, направились к самому большому строению, затянутому темно-синей тканью.

Кострище вблизи оказалось еще больше. Пройдя мимо него, мы остановились на крыльце синей юрты и Хаган постучался. Через пару мгновений дверь распахнулась, и парни синхронно склонили головы перед высоким человеком,

показавшемся в проеме.

– Здравствуй Дархан, мы привели тебе еще одну наследницу золотой крови, – произнес Хан, так и не подняв головы.
– Заходите.

Парни выпрямились, и шагнули в полумрак дверного проема. Мне не осталось ничего другого, как последовать за ними.

Чтобы зайти в юрту, даже мне со своим низким ростом пришлось склонить голову. Очутившись внутри, я не сразу смогла разглядеть обстановку в темноте, нарушаемой лишь отблесками пары свечей и лучами заходящего солнца. Но вскоре глаза привыкли к полумраку.

Это явно была юрта шамана.

Я, конечно, никогда не видела их вживую, но Далана мне рассказывала, как пару раз ездила к какому-то местному колдуну.

На стенах, обтянутых тяжелым голубым атласом, расшитым золотистыми звездами, висело множество непонятной мне атрибутики. Из всего имеющегося я узнала лишь бубны с колотушками.

Примерно треть помещения была скрыта от наших глаз шторкой. Видимо там находилось спальное место. На полу лежало множество пестрых ковров и хаотично разбросанных шкур. По середине, между двух столбов, являющихся основой для потолка, выложенного шестами, расположилась печка буржуйка, труба которой была выведена сквозь ткань кры-

ши. За печью стоял низкий стол, на котором расположился металлический чайничек и чашки.

Пока я рассматривала местное устройство, то как-то забыла про самого хозяина юрты – Дархана.

Мужчина был высок так-же как и Хаган, и тоже имел монгольский тип внешности. Только его лицо было гораздо круглее, глаза уже, а кожа имела оттенок бронзы. На вид ему было около шестидесяти лет.

В отличии от меня, заинтересованной гораздо больше обстановкой в юрте, нежели Дарханом, мужчина похоже все это время не отводил взгляда от моего лица.

И под этим тяжелым пронзающим насквозь взором было крайне неудобно...

– Здравствуй избранница.

Голос мужчины был хриплым и грубым.

– Здравствуйте... – неловко переминаясь с ноги на ногу, поздоровалась я.

– Хан, Глеб – вы свободны. Мне нужно поговорить с избранной наедине.

Глеб в ту же минуту молча покинул юрту, а вот Хан, прищурив взгляд, возразил:

– Дархан, я не думаю, что это хорошая идея. Девчонка и так напугана...

– Будешь оспаривать мои приказы? – вкрадчиво спросил Дархан, прожигая парня взглядом, – Немедленно покинь юрту.

Хаган приоткрыл рот, желая вновь возразить, но один только гневный прищур Дархана, кивнувшего подбородком на дверь, заставил его тоже молча покинуть юрту.

Когда мы с Дарханом остались в помещении одни, мужчина махнул рукой в сторону стола, приглашая пройти.

– Садись, тусгай. Нам нужно о многом поговорить.

Я послушно опустила на шкуры около столика. Мужчина сел напротив.

– Вы сейчас назвали меня каким-то странным словом. Что оно означает? – не сдержала я любопытства.

– Тусгай? Тусгай означает особенная.

– Но почему я особенная? Что во мне такого? – допытывалась я.

Дархан протянул мне пиалу, наполненную душистым чаем, и ответил:

– Ты особенная, потому что являешься наследницей золотой крови. В твоих жилах течет истинная первородная магия.

Оооо... Ясно... Подозрения о том что это секта оказались правдой. Ну ты и влипла Кара!

Я тут-же отставила пиалу, опасаясь, что этот старик может меня чем-то опоить.

– Вы, конечно, извините, но я не верю в магию, – едва сдержав истерический смешок, сказала я.

– Не веришь? – спросил Дархан с легкой полуулыбкой, обнажившей крупные зубы, парочка из которых были золо-

тыми, – А как-же ты тогда попала сюда?

Этому у меня действительно не было объяснения...

– Хорошо. Допустим магия и существует. Но с чего вы взяли, что она есть у меня? Я никогда не делала ничего сверхъестественного.

– Мне сказали об этом духи, – легко произнес он, будто это самая обыденная вещь на свете, – Послушай. В нашем мире есть люди, имеющие особый дар. Эти люди могут общаться с духами и повелевать природными стихиями. И ты одна из таких людей.

– Бред какой-то... – я потерла виски, ноющие от информации, которая никак не укладывалась в моей голове, и спросила, – А зачем вы меня выкрали?

Дархан медленно покачал головой.

– Мы не крали тебя, дитя. Лишь привели туда, где ты сможешь стать самой собой, раскрыв свою истинную суть. Ты даже не представляешь, какая сила скрывается в тебе, и каким великим человеком ты можешь стать.

Слова Дархана должны были воодушевлять. Но я не чувствовала этого. В голове не укладывалось, что все сказанное мужчиной – это правда, и в душе роилось множество сомнений.

– Я понимаю, что не просто взять и поверить в это. Поэтому пока отпускаю тебя. Хаган покажет, где ты будешь жить, и расскажет об устройстве лагеря. Поживешь пару дней, и увидишь все своими глазами. Ну а потом мы поговорим с

тобой снова. Ступай.

В растерянных чувствах я поднялась, и не сказав больше ни слова, направилась на улицу.

Рядом с юртой Дархана меня поджидал Хан.

– Как ты? – с интересом, но без капли сопереживания в голосе, спросил он.

– Как психически-здоровый человек, попавший в психушку. Все вокруг несут какую-то чушь и свято верят в нее.

Хаган усмехнулся, и пошел вперед, бросив через плечо:

– Идем. Покажу твои апартаменты.

Я молча последовала за парнем, и он привел меня к одной из белых юрт, неподалеку от которой все еще стояло несколько парней и девчонок, с изумлением глядящих на нас с Хаганом.

Когда парень прошел мимо этой толпы, одна из девиц, черноволосая кудрявая красотка лет восемнадцати, с поразительно-глубокими серо-зелеными глазами, кокетливо произнесла:

– Доброго вечера Хаган. Как прошло путешествие? Ты наверняка устал. Хочешь я сварю кофе?

Хан даже головы не повернул, лишь бросив:

– Спасибо, Лейла. Не нужно.

Лейла. Надо же. У этой красотки даже имя соответствующее.

Кокетка сначала поджала губы, неудовлетворенная отказом, а потом девичье лицо и вовсе перекосило, когда она уви-

дела, как Хан открывает передо мной дверь.

Ну вот... Нажила себе врага, не успев даже заселиться...

Заходя в юрту, за спиной я услышала чей-то полный возмущения голос:

– Почему все живут в общих юртах, а эту выскочку великовозрастную поселили отдельно?!

А действительно, почему?

Подумать над этим мне не дал Хан, сообщив:

– Спальное место за шторой, удобства за каждой юртой отдельные. Помыться сможешь через два часа, когда будет готова баня.

Не ожидая моего ответа, парень вышел, оставив меня в одиночестве.

Я тяжело вздохнула, и окинула взглядом «свою» юрту. Не скажу, что она сильно отличалась от жилища Дархана. Разве что размер поменьше, и шаманская атрибутика отсутствует.

Стены также были отделаны атласом, только не голубого, а глубокого изумрудного цвета. Посередине установлена печь, за ней круглый низкий столик, на полу множество ковров и шкур. Около стен пара низких комодов.

За шторкой и правда оказалась спальня. Довольно жесткая кровать на полтора места с кованым черным изголовьем, застеленная стеганым бежевым покрывалом. Напротив кровати умывальник с раковиной и ведром под ней. Ведро видимо придется выносить самой, как и таскать воду. Ну да мне к такой работе не привыкать.

Бросив взгляд на часы, висящие на кровати, я решила часик поваляться и отдохнуть, но в итоге вспомнила, что у меня даже сменной одежды нет, чтобы переодеться после бани, и отправилась искать Хана.

К Дархану идти не рискнула...

Парень обнаружился быстро. Только я вышла за порог юрты, как увидела его сидящим на земле у кострища, и неизменно курящим свою черную трубку.

Встав у него за спиной, пару раз покашляла. Парень не отреагировал.

Да что он, глухой что ли?!

– Хан. У меня проблема.

Черноволосый все еще не обращал на меня внимания.

Я раздраженно закатила глаза, и уже собиралась развернуться и уйти, как до меня донеслось:

– Если я молчу, это не значит, что я не слышу тебя. В чем суть проблемы?

Да он верно решил меня окончательно выбесить!

Стараясь подавить в себе желание придушить его, я сквозь зубы процедила:

– У меня нет вообще никакой сменной одежды. Толстовка вон, и та твоя. Как я мыться пойду?

– Идем.

Хан встал, и молча пошагал в сторону загонов для скота.

Сделав пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться и не прибить гада, я последовала за ним.

Хан привел меня к небольшой деревянной постройке, и сказал:

– Заходи. Там есть вся необходимая одежда и предметы гигиены. Бери сколько нужно, запасы пополняются по мере необходимости. Полки с одеждой расписаны по размерам. Справа от входа стоит керосиновая лампа и спички.

Кинув на него подозрительный взгляд, я подумала о том, не может ли это быть какой-то ловушкой? Хотя выбора то у меня все равно нет. Пока не проверю – не узнаю.

Я решительно дернула металлическую ручку, и шагнула в темную комнату. Справа от двери на небольшом столике действительно обнаружилась лампа, и добыв свет, я смогла увидеть помещение, стены которого от пола до потолка были увешаны деревянными полками, с множеством лежащих на них вещей.

Одежда, обувь, зубные щетки, посуда, и многое другое. Я взяла лишь самое необходимое – запечатанный комплект белья, примерно своего размера, просторную черную хлопковую рубашку без воротника, джинсы, серые тканевые полусапожки, куртку и набор предметов личной гигиены.

Сложив все в стопку, погасила лампу, и вышла на улицу. Хана нигде не было. Видимо он решил, что я и сама доберусь обратно. Ну и правильно! Терпеть и дальше его общество было выше моих сил.

Вернувшись в юрту, я сложила вещи в комод, отложив все, что может потребоваться для похода в баню.

Ну вот, теперь можно было и полежать! Однако и в этот раз оказалось, что отдых мне не светит...

Только я присела на краешек постели, как дверь распахнулась с глухим стуком, и в юрту влетела Лейла. Быстрым шагом преодолев расстояние до кровати, девушка вцепилась в мое запястье, и дернув на себя, прошипела:

– Если я еще хоть раз увижу тебя рядом с Ханом – волосы повыдергиваю, поняла?!

Я выдернула из ее цепкой хватки запястье, и с презрением фыркнула:

– Да мне твой Хан даром не сдался. Велико сокровище, вот еще! – после этого я прищурила взгляд, и приблизив к ней лицо, четко произнесла, – Но поверь, если ты еще хоть раз притронешься ко мне, или вот так без приглашения ворвешься – я не то, что волосы тебе повыдергиваю – шею сверну.

В глазах девушки мелькнуло неверие. Видимо она никак не ожидала от меня отпора. Собравшись, и вернув лицу надменное выражение, она выдала:

– Нос не дорос, детка.

После этого Лейла собиралась с гордостью удалиться, однако неожиданно зацепилась взглядом за толстовку Хана, надетую на мне.

– Это, что, его кофта?!

После этого она разъяренной фурией, с боевым визгом вцепилась в мои волосы, и больно дернула на себя.

С этой минуты меня переключило...

Из-за издевательств в детстве, я лезла в драку при малейшем проявлении агрессии в свою сторону, чтобы успеть надрать зад обидчику первой. Ненавижу когда меня бьют!

Схватив одной рукой Лейлу за горло, второй я вмазала ей в челюсть. Девушка взвыла от боли, и по ее подбородку потекла кровь, хлынувшая из разбитой губы. В ту же минуту мои волосы оказались высвобождены.

Упиваясь триумфом, я не заметила, как эта зараза попала крепким жилистым кулачком мне в скулу. Зашипев, я повалила ее на пол, и забравшись сверху, принялась хлестать по щекам.

Драка продлилась недолго. Вскоре в юрту влетели Глеб и Хан, которых мы с Лейлой в порыве драки конечно же не заметили. Парни быстро растащили нас.

Барахтаясь в руках Глеба, я выплюнула:

– Еще хоть раз приблизишься ко мне – синяками не отделаешься!

Лейла ничего не ответила, а вместо слов просто плюнула в мою сторону.

– Да вы сбрендили, девки?! Хан, уводи ее!

Хан вытащил все еще брыкающуюся Лейлу, а Глеб, отпустив мои скрученные за спиной руки, оттолкнул в сторону постели.

Рухнув на покрывало, я привстала, облокотившись на спинку кровати, и откинула спутанные волосы, явно поре-

девшие на пару прядей, благодаря этой мегере.

– Какого черта у вас здесь произошло? – хмуро спросил Глеб, тяжело привалившись к стене юрты, неподалеку от меня.

– Не знаю! Эта больная влетела ко мне без приглашения и накинулась с дракой, заявив, что я посмела посягнуть на ее любимого Хана. Идиотка... Нашла из-за кого драться!

Глеб со стоном устало потер глаза, и объяснил:

– Лейла с детства бегает за Ханом. Совсем помешалась на нем. Но я впервые вижу, чтобы она с кем-то дралась из-за парня!

Я хмыкнула.

– Видимо просто я единственная, кто решился ей возразить и дать отпор. Она залетела с такой величественной и самоуверенной моськой, будто я после ее приказа должна была в ту же секунду собрать вещички, и теряя тапочки, скрыться за горизонтом.

– Нууу... Скорее всего так она и думала.

Мы с Глебом синхронно рассмеялись, и я тут-же поморщилась от боли в скуле.

– Сильно досталось? – обеспокоенно спросил парень.

Я с легкой улыбкой покачала головой.

– Все в порядке. Бывало куда хуже.

После этих слов Глеб нахмурился, но никак не стал комментировать услышанное.

– Позже я принесу тебе заживляющую мазь, а пока что,

сходи помойся.

Я поблагодарила парня, и когда он ушел, стала собираться в баню.

Как выяснилось, она располагалась около небольшого круглого водоема, находящегося на границе лагеря, недалеко от ворот. Около воды было выстроено большое одноэтажное здание, из крыши которого выходила большая кирпичная труба.

Зайдя внутрь, я попала в предбанник с множеством крючков для одежды, и полками под обувь. Судя по двум парам женских кроссовок, мыться мне придется не одной.

Быстро скинув одежду, и замотавшись в темно-серое махровое полотенце, я взяла все что нужно для мытья, и направилась в самую баню.

Отворив тяжелую деревянную дверь, сперва сквозь щелку заглянула в помещение, а уже после осторожно вошла внутрь.

Здесь было довольно жарко. Левая сторона оказалась полностью отдана под трехуровневые полки, а вот справа было расположено пять душевых кабинок, отгороженных друг от друга белыми шторками. Помещение освещалось тусклым светом керосиновых ламп.

Под всеобщее молчание и заинтересованные взгляды девушек, я прошла к полкам, и присела на самый нижний уровень.

Чувствовала я себя в этот момент крайне неудобно. Я во-

обще старалась не открывать свое тело и шрамы посторонним. Если люди так реагируют на обожженную щеку и подбородок, то что будет, увидь они остальное тело? Даже думать не хочу... Сейчас девушки могли спокойно рассмотреть изуродованную шею, плечо и руки. Уже от этого хотелось сорваться с места, и спрятаться, забившись в самый темный угол.

– Ты новенькая? – тоненьким голоском спросила девчонка лет пятнадцати с длинной русой косой.

– Наверное можно сказать и так...

Я пока сама еще не понимала в качестве кого я здесь нахожусь.

Подруга русоволосой, девушка лет семнадцати с черным каре и челкой, выглянула из-за ее плеча, и смешно сморщив курносый носик, поинтересовалась:

– А почему ты такая взрослая? Нас всех Дархан забрал в детстве. Я, кстати, Рина, а это Дара.

И Дара и Рина с интересом рассматривали меня, однако стоит отдать им должное, старались отводить взгляд от сожженных участков тела.

– Кара, – кивнув, представилась в ответ, – Я не знаю. Если честно я пока вообще ничего не знаю и не понимаю. Дархан сказал, что я наследница золотой крови.

– Тогда ты точно станешь новой ученицей! Придешь на ночной обряд сегодня?

Я неопределенно пожала плечами.

– Эмм... Наверное, приду.

Какой еще обряд? Ладно, идти все-же придется. Нужно узнать, как можно больше о месте, в которое я попала.

Девчонки сказали, что будут обязательно ждать меня ночью у костра, и убежали в душ. Я последовала их примеру.

Внутри кабинки на полу был постелен резиновый коврик, а под самым потолком висел большой душевой бак. Прокрутив вентиль, я зажмурилась, ожидая, что на меня рухнет поток холодной воды, потому что электричества здесь нигде не было, и соответственно воду нагреть было невозможно. Но я оказалась приятно удивлена, когда теплые упругие струи ударили в мои плечи.

Поразительно... Не мог же теплый воздух бани так нагреть воду? Я не заметила чтобы от печи трубы шли к баку с водой.

С удовольствием смыв с себя пот и грязь, я вновь закуталась в полотенце, и отправилась одеваться.

Все еще разгоряченная после бани, вышла на улицу, и полной грудью вдохнула прохладный горный воздух, пахнувший свежестью, костром, и совсем немного свежескошенной травой.

Удивительно, но я не скучала по дому. Наоборот на душе царило какое-то спокойствие и умиротворение. Уже два дня меня никто не шпынял и не называл косорукой.

Далана никогда не любила меня. Я это знала, поэтому и не питала особых надежд на родительское тепло и заботу.

Наверное, она даже и не расстроилась, когда убедилась, что я пропала.

А что если все, о чем говорил Дархан – это правда? Может быть тогда я действительно смогу начать новую жизнь. Стать кем-то большим чем косорукая Кара, уборщица турбазы. Ведь там, дома, меня не ждало ничего нового. Я бы никогда не вырвалась с базы Даланы. Кому я нужна без денег и образования. А после смерти тетки, её детишки в этот же день выкинут меня на улицу без гроша за душой. Я хоть и не особо образованная, но и не глупая. Все понимаю.

Так может быть судьба дает мне шанс! Глупо будет хотя бы не попытаться его использовать...

Прибодрившись, я вскинула подбородок, и пошла на встречу своей судьбе.

ГЛАВА 4

Я вышла из юрты, как только услышала звуки варгана.

На горы уже опустилась глубокая ночь, озаряющая пространство лишь светом огромного количества мерцающих звёзд и круглой луны.

У большого костра собралось около трех дюжин человек, но что меня удивило, так это то что среди присутствующих не было никого старше двадцати лет. Лишь Хаган выбивался из толпы и возрастом и ростом.

Заметив в первых рядах Рину и Дару, я осторожно прокралась в их сторону, и присела рядом прямо на землю, собственно, как и все здесь.

– Привет, – я старалась говорить, как можно тише, чтобы не нарушать атмосферу таинства, и не привлекать к себе лишнего внимания.

– О, ты все-таки пришла! – обрадовалась Рина.

– Нам тут рассказали, что ты нехило так отделала Лейлу. Знай, теперь мы твои подруги навечно!!!

Девчонки захихикали, но услышав первые сутки бубна, тут же затихли.

Звонкие ритмичные удары создавал Хан, стоящий на коленях прямо перед огнём. Вместо белой футболки и джинсов на нем сейчас оказался надет чёрный однотонный флисо-

вый костюм, состоящий из толстовки и штанов, а также высокие тканевые сапоги с абсолютно плоской подошвой. Никакого особенного шаманского костюма или атрибутика на мое удивление не оказалось.

Пока Хан бил в большой круглый бубен, какая-то девушка разбрызгивала вокруг костра водку и молоко.

Я хотела спросить у девчонок смысл происходящих действий, но увидев их замороженные глаза, в которых отражались яркие языки огня – решила повременить с расспросами.

Темп начал нарастать, и тогда к Хану из толпы вышло ещё несколько человек. Двое из них играли на варгане, и ещё трое тоже били в бубны. Девушка, разбрызгивающая молоко и водку, распустила волосы, и плавно покачиваясь начала танцевать вокруг огня.

С каждой минутой танец становился все более диким, и даже приобретал какой-то интимный характер. Я не знаю, как объяснить это, но при одном лишь взгляде на девушку создавалось впечатление, будто она танцует для любимого мужчины. Но самое необычное в её танце было не это... Огонь ластился к её протянутым рукам.

Клянусь! Я сама сначала в это не поверила, но когда увидела, как языки пламени принимают форму ладоней, и начинают прикасаться к девушке, то просто обомлела.

Обряд длился, наверное, около часа, но я не замечала времени. Настолько увлекло меня происходящее таинство.

Когда ритм бубна оказался настолько быстрым, что коло-тушка в руках играющих стала почти незаметна из-за резких ударов, девушка закрутилась на месте, и упала на землю. Звуки инструментов оборвались в тот же миг.

Хаган поднялся и поклонившись огню, направился к девушке. Он подхватил её на руки, и молча отправился сквозь толпу.

– Что произошло? – не выдержав спросила я, потянув Рину за рукав.

– Она не справилась с силой стихии. И это значит, что она ещё не готова к посвящению.

Черт побери, да я ни единого слова не поняла!

Люди вокруг начали подниматься и уходить. Лишь те, кто непосредственно участвовал в обряде, остались сидеть у огня, склонив головы.

Я тоже встала, и попрощавшись с девчонками, отправилась в свое жилище, с твёрдым намерением выловить завтра Глеба, и постараться узнать у него обо всем, что происходит в этом лагере.

Тяжело рухнув на постель, прикрыла уставшие веки и сразу отключилась, даже не найдя в себе сил снять одежду.

Утро встретило меня громким душераздирающим воем. Резко подскочив с постели, я зацепилась ногой за край одного из многочисленных ковров. Локти и колени впечатались в шерстяную ткань, а копна длинных, спутавшихся за ночь волос, упала на лицо, закрывая обзор.

Такой меня и застал Хан, ввалившийся в юрту без стука.

Замаскировав смех под кашель, парень спросил:

– Удобно? Йогой занимаешься, или тебе так сильно ковер понравился?

– Да иди ты! – кое-как поднялась, и откинув волосы назад, раздраженно спросила, – Тебя стучать учили?! И почему в двери нет замка, или хотя бы щеколды?

– У нас не запираются. И не стучат. Ткань, отделяющая спальню от остального помещения и служит тебе для сохранения личного пространства. Но ты видимо не посчитала нужным задернуть ее.

Я молча закатила глаза, подумав о том, сколько еще здесь может быть бредовых правил, а Хан добавил:

– Собирайся. Через десять минут начнется завтрак. И на будущее – услышав первый звук Горна, ты должна проснуться, на второй – собраться, а к третьему уже сидеть за столом. Иначе останешься голодной. После третьего сигнала на завтрак никого не пускают. Столовая находится за юртой Дархана.

Парень уже собирался уходить, но я вдруг вспомнив, что так и не отдала ему толстовку, воскликнула:

– Постой! – подхватив кофту, быстрым шагом приблизилась к нему, сказав, – Вот. Забери. Спасибо, ты очень выручил меня в дороге.

Удивительно, но я все еще пыталась быть вежливой.

Парень прожег меня странным взглядом, но все-же про-

тянул руку, намереваясь забрать элемент одежды.

Когда наши пальцы соприкоснулись, мою голову вдруг пронзила вспышка боли. Вскрикнув, я выпустила ткань, и упала на колени, сжав руками виски. Сквозь вспышки боли в моем сознании мелькали странные картинки. Кровь, стекающая по черепу какого-то животного, клубы дыма, сквозь которые едва просматривался человеческий силуэт, а еще огонь... Очень много огня.

Когда от боли мне стало не хватать дыхания, все вдруг резко оборвалось. И видения, и все болезненные ощущения в голове.

– Как ты? – спросил Хан, опустившись рядом со мной на одно колено, – Что случилось?

– Я не знаю. Просто внезапная вспышка боли в голове. Наверное, это от удара о подводные камни в ручье. Может у меня сотрясение...

Не знаю, почему я решила не говорить ему о видениях, но шестое чувство шептало, что этого делать пока не стоит.

– Сейчас уже все в порядке, правда.

Парень посмотрел на меня с подозрением, но ничего не сказал, лишь помог подняться, и без слов вышел за дверь.

Вот и что это было сейчас?

Услышав второй сигнал горна, я спохватившись, быстренько умылась, и вылетела за дверь. Не хватало ещё без завтрака остаться. Вчера-то поесть не удалось, а потому желудок возмущенно урчал от такой несправедливости, и требо-

вал чего-нибудь вкусенького.

Столовая, как и сказал Хан, оказалась прямо за юртой Дархана. Под навесом из белой непромокаемой ткани стоял длиннющий деревянный стол на низких изогнутых ножках. Вдоль каждой стороны стола на землю были уложены овечьи шкуры, которые использовались вместо стульев. Стол был настолько длинным, что сумел вместить за себя все три дюжины человек, что проживали в лагере.

Ребята рассаживались согласно возрасту. Первая группа – совсем маленькие дети примерно от семи до двенадцати, вторая – подростки где-то до шестнадцати лет, и третья группа – самые взрослые ребята от семнадцати до двадцати.

Решив не нарушать местные порядки, я направилась к третьей группе, в которой к моему огромному огорчению сидели Лейла и Хан.

Девушка, завидев меня, с ненавистью воткнула вилку в кусок яичницы. Да так, что раздался противный скрежещущий звук железа о тарелку. Выглядела она неважно. Губа была рассечена и сильно опухла, а скулы покрывали синяки.

Я никак не стала реагировать на её полный презрения взгляд, и быстренько прокралась к Глебу, завидев рядом с ним свободное местечко.

Парень, заметив меня, широко улыбнулся, и поздоровался:

– Доброе утро. Как спалось на новом месте?

С жадностью разглядывая наполненную едой тарелку, сто-

ящую передо мной, я сглотнув мгновенно набежавшую слюну, быстро ответила:

– Уснула быстрее чем успела раздеться.

Парень, услышав это хмыкнул, и мы принялись за еду.

Завтрак состоял из овощного салата, яичницы с зеленью и какими-то специями, свежее испеченного хлеба, а также травяного чая.

Не знаю кто здесь готовит, но это оказалось очень вкусно, несмотря на то, что блюда были крайне простые. Я смела все за пару минут, еле сдерживая желание облизать тарелку.

– Как тебе вчерашний обряд? – спросил Глеб, который тоже закончил есть.

Я вскинула брови, и тяжело вздохнула, ответив:

– Крайне необычно, непонятно и совершенно не вписывается в рамки моего мировоззрения. Я пока не знаю, как относиться ко всему, что мне открывается в этом месте. И потому хотела бы попросить тебя помочь мне во всем разобраться. Может уделишь мне немного времени?

– Без проблем! – с легкостью согласился Глеб, – Я сейчас пойду ухаживать за лошадьми. Если хочешь, то можешь пойти со мной, и я тебе все объясню за работой.

– Конечно! – обрадовалась я.

Пока что все складывается удачно.

Вслед за Глебом я встала из-за стола, и уже собиралась уйти, как спиной ощутила чей-то тяжелый взгляд. Я тут-же резко обернулась, решив, что это Лейла так недовольна моей

персоной, но на удивление встретила глазами только с Ханом. Парень сразу перевел взгляд в тарелку, а я поежилась, и поспешила уйти из столовой.

Все-таки у этого парня что-то неладное творится с головой. С чего он меня так не переваривает?

Мы с Глебом быстрым шагом добрались до загона с лошадьми, по пути захватив из хозяйственной пристройки все нужное для ухода за животными.

– Заходи, не бойся! Наши лошадки не тронут тебя, – подтолкнул меня Глеб, глядя как я в нерешительности замерла в воротах загона.

Сделав пару осторожных шагов, я вслед за парнем приблизилась к гнедой лошадке с длинной гривой.

– Я могу чем-то помочь?

– А ты хочешь? – удивленно спросил парень.

Я пожала плечами.

– Почему бы и нет. И я без дела стоять не буду, и ты быстрее закончишь работу.

Глеб с благодарностью принял мою помощь, и мы приступили к уходу за лошадками.

– Смотри – это Бони. Она у нас дама с характером, и не особо любит, когда прикасаются к ее гриве, поэтому ты бери жесткую щетку, и займись шкурой, а я сам вычешу ей шевелюру.

Я взялась за щетку, и принялась счищать с боков Бони присохшую грязь.

– Что тебя интересует в первую очередь? – сразу же спросил Глеб, решив не оттягивать начало разговора.

Я на мгновение задумалась, и нахмурившись, выдала:

– Как вы все попали в лагерь?

Не переставая чесать лошадку, периодически раздраженно дергающую ушами, он ответил:

– Дархан забирает детей, у которых умерли родители. Мы все по сути сироты, потому что наш дар – это наше проклятье. У каждого в детстве случился прорыв силы, погубивший наших родных. Кто-то неосознанно устраивает пожар, кто-то потоп. Я соорудил мини торнадо, обрушившее стены гаража, в котором находился отец. После этого Дархан и забрал меня в лагерь.

– погоди, но разве у тебя больше не осталось других родственников?

– Ну почему же. Остались. Но я ушел с Дарханом, потому что не хотел больше никому причинять вреда, – с волчьей тоской во взгляде, объяснил Глеб.

Было видно, что ему тяжело вспоминать эти события, и я поспешила сменить тему.

– А почему в лагере нет взрослых людей? Ну, кроме Дархана конечно.

– Когда ребенок попадает в лагерь, его сила по сути все еще запечатана в теле. Она растет, периодически прорывается, но не открывается полностью. До семнадцати лет мы учимся управлять своим даром, и общаться с духами. Ко-

гда стихии и духи начинают нас принимать как часть своего мира, то это означает, что человек готов к посвящению. Обряд позволяет полностью освободить всю силу, которая есть внутри. После этого ты уже без опаски можешь использовать свой дар, и тебе разрешают вернуться домой. Потому в лагере и нет никого старше двадцати, кроме Хана конечно. К этому возрасту все уже могут контролировать свою силу.

– А что с Ханом? – не поняла я.

– Ему нет смысла куда-то уезжать. Он и так дома. Дархан его отец.

Ну ничего себе! Хотя сейчас, сопоставляя рядом Дархана и его сына, я находила между ними некоторое сходство.

– Хаган по сути вместе с Дарханом учит нас всему, – продолжал Глеб.

– А Дархан, он вообще кто? – поинтересовалась я.

– Он шаман. Родом из Монголии. Не знаю почему он решил создать этот лагерь, но благодаря ему мы можем жить без риска покалечить себя или кого-то еще. И за это ему все здесь благодарны. Большинство учеников считают его почти отцом. Стан золотой крови стал для нас новым домом в минуту отчаяния.

– Кстати об этом. Что за название такое – «Стан золотой крови»?

– Дархан рассказывал, что когда-то давным-давно его предок основал на этом месте воинский лагерь с таким названием. Якобы воины в этом лагере тоже имели особый дар, и в

их жилах текла магия – золотая кровь. От того и наш лагерь так называется.

– Понятно...

Следующие несколько минут я просто молча скребла лошадку, собираясь с мыслями. Слишком много шокирующей информации для одного разговора.

Когда мы от Бони перешли к массивному бурому коню – тяжеловозу по кличке Сириус, в мою голову пришел еще один вопрос:

– Скажи, а как мы попали в лагерь? Я же помню, что на этом месте ничего не было, но когда мы прошли сквозь арку...

Глеб понимающе кивнул:

– Это защита лагеря. Дархан привязал к месту духа-хозяйина, который и создал вокруг территории купол скрывающий нас всех от посторонних взглядов. Когда мы вешаем между столбами особую веревку из конского волоса, происходит замыкание защитного контура, и появляется сам дух. Он и пропускает нас в лагерь. В благодарность мы делаем хозяину стана подношение, чаще всего вином и молоком. Потом веревка снимается, и снаружи к нам уже никто не может попасть.

– Ничего себе...

Услышанное никак не хотело укладываться в моей голове. Дух-хозяин, защитный купол, магия...

– Наш дар исходит от природы, от духов, которые ей пове-

левают. Не мы управляем стихиями, а духи, которые предоставляют нам лишь малую часть этой власти. А взамен мы отдаем им свою энергию и подношения.

– Но как так получилось, что у кого-то в крови есть магия, а у кого-то нет?

– А по какому принципу была создана вселенная? Никто не знает. Так же и с магией. Даже нам, имеющим дар, открыто далеко не все...

Больше я не решилась ничего спрашивать, подумав, что на сегодня достаточно и этого.

Вернувшись от лошадей, я отправилась напрямик к Дархану, решив обсудить с ним свое дальнейшее пребывание в стане золотой крови.

Не успела постучать, как дверь сама распахнулась. На пороге стоял Хан. Увидев меня, он удивленно вскинул бровь, но все же посторонился, пропуская внутрь.

Дверь за моей спиной захлопнулась, и я вздрогнула от громкого звука, в нерешительности замерев посередине помещения.

– Ты пришла просто постоять? – раздался язвительный возглас из-за плеча.

Дархан направил на сына гневный взгляд.

– Хан! Будь повежливее. А ты дитя, не стесняйся, проходи!

Я опустилась на колени перед столиком, расположившись напротив хозяина юрты, и прочистив горло, сказала:

–Я хочу остаться у вас и попробовать развить свой дар.

Мужчина удовлетворенно кивнул.

–Ты сделала правильный выбор, тусгай.

– Только мне нужно, чтобы вы ответили на один мой вопрос.

– Спрашивай, дитя.

Перестав кусать в кровь губы, я наконец задала вопрос, который мучал меня всю мою жизнь.

–Я могла сама поджечь себя при выплеске силы?

Дархан не стал ничего отвечать, но коротко кивнул.

Ну вот и разгадана одна тайна из моего прошлого...

ГЛАВА 5

Из юрты Дархана я вышла в крайнем смятении. Казалось бы, наконец-то принято решение остаться, и на душе должно было полегчать. Но все было совсем не так... Теперь меня одолевали тревожные мысли и догадки по поводу моего далекого прошлого.

Неужели выплеском силы я могла убить своих родителей, поджечь себя и потерять память? Если это так, то я даже не уверена, хочу ли знать правду...

Я уже несколько лет не думала о том, что произошло со мной в детстве на самом деле, зарыв эту боль глубоко внутри. И сейчас вдруг выясняется такое...

Если я и в самом деле могла погубить своих родных, то каковы шансы, что хоть кто-то из них остался жив? И как я оказалась зимой в лесу, так далеко от поселений?

Слишком много вопросов, и ни одного ответа...

Дархан сказал, что моя сила слишком велика, если она навредила даже мне самой, и от того куда более опасна для других. Поэтому обучаться я буду отдельно от остальных ребят, но что самое грустное, учить меня будет Хан.

Теперь придется сутками терпеть его тычки и язвительные замечания. Чурбан неотесанный!

Первое занятие должно состояться уже сегодня, сразу по-

сле обеда. До этого времени я была абсолютно свободна, и потому решила не сидеть сложа руки, а исследовать территорию лагеря.

Пройдя мимо своей юрты, я сразу направилась в сторону водоема, находящегося около бани. Миновав здание, ступила на каменистый берег, и пошла к высокой скале, которая стояла на другом берегу озера.

Эта скала привлекла мое внимание еще вчера, тем, что совершенно не вписывалась в колорит местной природы. Если все горы, скалы и камни вокруг были обычно серыми, и местами покрыты сочным зеленым мхом или же низкими кустиками можжевельника, то эта скала была будто бы мертва.

На ней не росло ни мха, ни других растений, а вся поверхность была грязно-ржавого цвета. Она одновременно пугала и притягивала к себе...

Когда до скалы осталось буквально несколько метров, звук перекатывающейся гальки под моими ногами вдруг сменился на противный скрежещущий хруст. Опустив взгляд вниз, я увидела множество птичьих костей и черепов, которыми было устлано все подножье скалы.

С ужасом и отвращением, я быстро попятилась назад, морщась от кошмарного звука в ушах, вгоняющего в дрожь.

Что же это за место такое, что даже птицы мрут, не успев долететь? Сейчас, хорошенько присмотревшись, я заметила помимо костей еще и полуразложившиеся тела. Как оказалось, здесь были не только птицы, но и разные грызуны.

Всех их что-то тянуло к этой скале, и все они здесь находили свою смерть...

Помимо ужасающего вида, еще и в воздухе стоял тошнотворный запах. Запах разлагающейся плоти. Запах смерти.

Не знаю, что меня заставляло все еще оставаться здесь после увиденного, вместо того чтобы бежать со всех ног... Может быть все дело в какой-то страшной магии?

Увидев, что с другой стороны скалы костей нет, я как зачарованная двинулась вперед. Оказалось, что там находились ступени, вырубленные прямо в камне, и ведущие к самому пику скалы. Присев на корточки, я осторожно дотронулась ладонью до одной из ступеней.

И тут мою голову снова пронзило дикой болью. Застонав, я упала навзничь на землю, и зажмурила глаза. Вслед за болью снова пришли видения. Только на этот раз в моем сознании мелькали уже совершенно другие картинки... Сперва я увидела темноволосую женщину с редкой проседью в волосах, которая играла на варгане. Потом перед глазами появился костер, и льющаяся в него кровь. Последним видением стало то, как я опускаю обожженную кровоточащую руку в чистый белый снег.

– Кара! Кара, что с тобой?! Ты меня слышишь?!!

Где-то над правым ухом замаячил голос Глеба. Он прикоснулся к моему лбу прохладной сухой ладонью, и все оборвалось.

Приоткрыв отяжелевшие веки, я увидела над собой обес-

покоенное лицо парня, с расширенными от страха глазами. Заметив, что я пришла в себя, он закричал:

– Какого черта ты пошла сюда?! Тем более одна?!

Вздрогнув от неожиданности и удивления поведением парня, я нахмурилась.

– Откуда мне было знать, что сюда нельзя ходить! Лучше объясни, что это за место такое, вместо того чтобы кричать на меня.

Глеб виновато потупился, сообразив, что переборщил, и уже гораздо спокойнее произнес:

– Извини, что накричал. Просто испугался за тебя, – протянув мне руку, парень помог подняться, и добавил, – Это скала посвящения. Сюда можно приходить лишь с Дарханом в день своего раскрытия силы. Скала обладает крайне негативной магией, но хорошо помогает дару прорваться.

– Ясно... Больше не пойду сюда. И спасибо за то, что так переживал за меня. Мне правда очень приятно.

На счет последних слов я нисколько не солгала.

Все еще поддерживаемая Глебом, я отряхнула с одежды налипшую землю, и мы потихоньку пошагали в сторону лагеря.

– Что с тобой случилось? Ты так кричала...

Тяжело вздохнув, я выдала уже заученную байку:

– Просто внезапно голову пронзило резкой болью. Уже второй раз за день... Скорее всего это последствия моего заплыва по ручью. Я тогда головой о камни сильно приложи-

лась.

– Может сходим к Дархану? Пусть посмотрит, – обеспокоенно предложил Глеб.

Я судорожно закачала головой.

– Нет! Нет! Нет! Я уверена, еще пару дней, и все пройдет, само собой.

– Но...

– Но если что, то я сразу пойду к Дархану, – перебила я парня, – Слушай, а как ты вообще меня нашел?

Глеб пожал плечами.

– Да я еще из лагеря заметил, что ты идешь к водоему. А когда понял, что твоя фигура медленно но верно движется в сторону скалы, то рванул вслед, чтобы остановить. Я кричал чтобы ты вернулась, но все было без толку. В итоге нашел тебя за скалой.

– Я даже не слышала твоего голоса... – удивленно прошептала я.

– Это место проклятое, Кара. Скала заманивает к себе новых жертв, и ты для нее лакомый кусочек. Не стоило тебе туда ходить без защиты Дархана.

Я согласно кивнула, и дальше мы шли молча.

Как оказалось, уже приближалось время обеда, и поэтому Глеб сразу повел меня в столовую.

На столе рядками стояли глубокие глиняные тарелки, до краев наполненные куриным супом, от которого исходил аппетитный парок. Сев на свои места, мы сразу же принялись

за еду. Хоть суп и обжигал горло, я все равно ложка за ложкой быстро уничтожала его. Не знаю в чем секрет, но аппетит у меня здесь просыпался просто зверский.

Под конец трапезы за столом появился Хан, а за ним притащилась и Лейла. М-да... Она наверное и ночью сторожит у его юрты, чтобы не дай бог какая поклонница не прокралась.

Кивнув Глебу, и не обратив никакого внимания на меня, парень занялся супом.

Закончив со своей порцией, я потихоньку выползла из-за стола, чтобы незаметно удалиться, но была остановлена голосом Хагана:

-Стой. Сразу после обеда у нас занятие.

Обернувшись, я дернула бровью, и холодно поинтересовалась:

-Ты предлагаешь мне послушно сидеть рядышком с тобой, и заглядывать в рот, ожидая пока ты закончишь трапезничать? Прости, но место твоей самой яркой поклонницы уже занято.

Лейла, на которую я недвусмысленно намекнула, грозно приподнялась над столом, видимо желая отбрызнуть хамку, но тут же плюхнулась обратно на свое место, остановленная одним лишь взглядом своего кумира.

Ребята вокруг удивленно перешептывались, наблюдая за развернувшейся перед их глазами сценой.

Медленно склонив голову на бок, Хаган вкрадчивым голосом сказал:

-Если я говорю ждать, значит ты ждешь. Мне нет особой разницы где. Но если ты так пламенно желаешь оказаться рядом со мной, то я выделю тебе место.

Все вокруг захихикали, став свидетелями моего позора. Ничего не сказав, я резко развернулась, и вышла из столовой, в одиночку отправившись на место где должно проходить занятие.

Вот гад! Это же надо, так подставить меня! Теперь все вокруг решат, что я за ним бегая, просто мечтаю привлечь внимание и занять место Лейлы!

От злости я зарычала, и пнула попавшийся под ногу камень.

Настроение испортилось окончательно, и я не представляла как выдержу занятие с этим болваном.

Дойдя быстрым шагом до загонов, свернула направо в сторону хвойных деревьев, среди которых судя по рассказам Дархана должна находится поляна для тренировок. В целом я не особо понимала куда идти, но надеялась на удачу. И хоть в этот раз она меня не подвела.

Сразу за деревьями находился пустой пяточок земли, покрытый плотным ковром из пожелтевших сосновых иголок. Посреди поляны, из камней было сложено кострище, как в лагере, только меньше размером.

Присев прямо на землю у ствола поваленного дерева, я откинулась на него спиной и прикрыла глаза, решив подумать о чем-то хорошем, чтобы успокоиться.

В голову сразу пришло то, как повел себя сегодня Глеб. Парень не на шутку испугался за меня, и его забота была безумно приятна.

Обо мне никто никогда так не волновался. Ну по крайней мере в сознательной жизни. Родителей то я не помню, а Даланна как-то не баловала меня вниманием. Кормила, одевала – и на том спасибо.

Интересно, Глеб так по братски обо мне заботится, чувствуя какую-то ответственность за найденную им девчонку, или же... А вдруг я нравлюсь ему? По настоящему.

От этой мысли сердце сладко защемило. Я знала, что не отношусь к числу красавиц. Конечно в первую очередь из-за ожогов, но и без них в моей внешности было немало изъянов. Если честно, то я давно смирилась, что всю свою жизнь проведу в одиночестве. Даже думала, что когда вырасту, смогу взять ребенка из детдома, чтобы хоть кому-то подарить любовь и заботу...

Неспешное течение мыслей прервало появление Хана, который с глухим стуком сбросил рядом с кострищем охапку дров.

Вздвогнув, я широко распахнула глаза, и уткнулась взглядом в широкую спину парня, разжигающего огонь.

-Подойди сюда, – донесся его тихий голос.

Я молча поднялась, и направилась к костру.

-Раздевайся.

Чего?!!!

-А стриптиз тебе не станцевать?! – возмущенно спросила я.

– Для занятия должны быть оголены руки и стопы, чтобы ничего не мешало связи с энергиями стихий. Позже конечно ты сможешь обходиться и без этого, а сейчас сними обувь, куртку, и закатай рукава рубашки до плечей. Ну а по поводу остального, то как пожелаешь. Я могу подождать, если тебе не терпится показать мне свои танцевальные данные.

Боже! Как ему удастся каждый раз выставлять меня такой дурой?!

Насупившись, я выпалила:

-Куртку и обувь сниму, но рукава закатывать не буду.

Не хватало еще чтобы он увидел мою изуродованную руку.

-Это еще почему? – раздраженно спросил он.

-Не буду и все!

Я скинула на землю куртку, сняла сапоги с носками, и оставила все в сторону.

-Все. Я готова.

Парень даже бровью не повел.

-Мы не начнем занятие пока ты не оголишь руки. Выбери, либо будешь учиться согласно правилам, либо собирайся и уходи.

Нахмурившись, я задумчиво закусила губу.

Бросить все в самом начале пути и оставить себя под угрозой своего же дара? Или поступиться принципами и страхом

что кто-то увидит мое тело...

Склоняясь к первому варианту, но все еще сомневаясь, я начала медленно расстегивать пуговицы на рукавах рубашки, и закатывать ткань вверх, начав со здоровой руки.

Когда оба рукава оказались полностью задраны, я невольно поежилась, еле сдерживая желание спрятать сожженную конечность за спину.

Увидев мои увечья парень никак не отреагировал. Лишь уголок его губы будто бы нервно дернулся. Сам он разуваться не стал, но скинул с себя ветровку, оставшись в серых спортивных штанах и безрукавке с капюшоном.

– Сегодня мы займемся состоянием транса, чтобы ты спокойно могла входить в мир духов, – увидев мой недоумевающий взгляд, парень с тяжелым вздохом объяснил, – Дело в том, что магия дана нам не этим миром, а тем, что находится за гранью видения обычных людей. Это потусторонний мир – мир, которым правят духи. Мы не можем использовать и развивать свой дар без их дозволения и благословения. Поэтому сперва ты научишься входить на ту сторону, и взаимодействовать с хозяевами и духами стихий. Они должны принять тебя как часть своего мира, и лишь тогда ты сможешь использовать данную тебе силу. В последующем обучении взаимодействие с одними стихиями для тебя окажется легче, с другими сложнее. Перед посвящением будет проведено слияние с той стихией которая подчиняется тебе лучше всего. Она и станет твоей главной магией. Понятно?

– Более или менее... Разберусь по ходу действий, – с сомнением ответила я, – А чтобы попасть в потусторонний мир нужны будут какие-то слова или может заклинание?

Парень покачал головой.

– Нет. Нужен будет лишь зов крови.

– Зов крови? Что это? – не поняла я.

– Пара капель твоей крови, пролитой в огонь. Магия течет в нашей крови. Твоя кровь – это твой билет на ту сторону, а огонь – пропускной пункт.

– То есть как только моя кровь попадет в костер, я сразу же окажусь в мире духов? – удивилась я.

– Нет. Все немного сложнее. Тебе нужно будет научиться трансовому состоянию, которое позволит сознанию переходить к духам. Наши тела – это материя, они не могут проникать за грань. Лишь душа и сознание.

– Ладно, давай просто приступим. А то у меня сейчас голова взорвется!

– Протяни мне руку, – приказал Хан, приблизившись ко мне с маленьким острым ножом в руке. Взяв мою правую ладонь, он перевернул ее тыльной стороной вниз, и сделал неглубокий надрез на указательном пальце.

Слегка поморщившись от резкой боли, я протянула ладонь над огнем, и через мгновение несколько рубиновых капель упало в костер.

– Зов брошен, но перед тем как войти в транс, тебе кое-что понадобится...

Парень достал что-то из кармана, и зашел мне за спину.

Всем телом почувствовав его приближение, я неожиданно для себя поежилась. То ли от страха, то ли от волнения...

– Подними волосы.

Я послушно убрала с шеи копну волос, и кожи на мгновение коснулись горячие руки. Раздался короткий щелчок, и Хан отошел от меня.

Опустив взгляд вниз, я увидела, что на моей груди теперь висит кулон из странного черного камня, шероховатая матовая поверхность которого была покрыта множеством мелких дырочек и трещин.

– Это кулон из магмы. Он привяжет твое тело к нашему миру, и поможет сознанию отделиться и перейти в мир духов, – пояснил парень, – Теперь тебе нужно будет лечь на землю, ногами в сторону входа в костер.

Я осмотрела контур кострища, и увидела, что с одной стороны не хватает несколько камней, и получается правда что-то вроде входа.

Опустившись на ковер из сосновых иголок, я вытянула ноги и руки по швам, ожидая дальнейших приказов.

– Закрой глаза, и слушай мой голос.

Послушно сомкнув веки, я стала прислушиваться к движениям Хана. Сначала несколько шагов, потом шелест ткани рюкзака, звон колокольчиков, и снова шаги. Подойдя к костру, парень сел у моих ног, и почти сразу же раздались тихие звуки бубна.

Откуда здесь бубен? Рюкзак же маленький, инструмент бы туда просто не поместился... Эту мысль прервал голос Хана:

– Твоя задача – направить сознание и свою суть в огонь. Для начала попробуй максимально расслабиться, и представить, как встаешь и шагаешь в костер. Если не получится, попробуем другую тактику. Звуки бубна и амулет помогут тебе.

С трудом осознав смысл его слов, я постаралась для начала просто расслабиться, прислушиваясь к медленным, глухим ударам.

Получалось бездарно, честно говоря...

Сначала взбунтовалось тело, не привыкшее лежать на таких жестких поверхностях. Потом кожа начала зудеть от иголок, царапающих сквозь тонкую ткань рубашки. Ну и дополнительный дискомфорт доставляло то, что я каждую секунду представляла как Хан сейчас рассматривает мою изувеченную руку.

Но вскоре монотонное звучание инструмента, раздающееся вибрацией по всему телу, сделало свое дело, и я провалилась в какое-то состояние полусна-полутранса. Краешком помутненного сознания вспомнив о том, что говорил Хан, я представила как встаю, и делаю шаг в костер.

Как только мое тело обступили языки пламени, я резко начала лететь куда-то вниз. Не было уже ни жара огня, ни звуков бубна. Лишь бесконечное ощущение падения... И что

самое страшное – я не могла проснуться или закричать. И как оказалось – даже дыхание остановилось.

Спустя еще пару мгновений этого странного полета, меня сковал леденящий душу страх. Страх смерти... Потому что я начала задыхаться. Горло как-будто навеки сомкнулось, не позволяя кислороду проникать в легкие.

Почему Хан ничего не сделает?! Я же сейчас умру!!!

С этой полной отчаяния мыслью пришел и первый глоток воздуха. Свернувшись в комок от судорожного кашля, я вдруг осознала, что все еще лежу на земле, покрытой колючими сухими иголками.

Распахнув веки, я замерла. Над головой больше не было яркого августовского солнца, проникающего на поляну сквозь раскидистые ветви деревьев. На небе собственно не было вообще ничего... Ни облаков, ни солнца, ни луны, ни звезд. Лишь однотонный темно-серый фон.

Приподнявшись на локтях, я медленно оглянулась вокруг себя. Хана рядом не было, но костер все так-же горел на прежнем месте. Лишь его пламя стало приглушенно желтого цвета. Неужели все получилось?! Это и есть мир духов?

Мрачновато конечно...

Поднявшись на ноги, я ощутила в теле необычайную легкость. Казалось, если сейчас оттолкнутся от земли, я взлечу в воздух как наполненный гелием шарик.

Проверять я эту мысль конечно не стала, а то мало ли... Все таки это потусторонняя реальность – неизвестно какие

возможности здесь приобретает мое тело. Буду потом летать между гор, без возможности спуститься на землю. А хан вылавливать меня.

Почему-то после этой мысли мое воображение нарисовало картину того, как парень бежит с огромным сачком в руках, пытаясь поймать в него меня, летающую над его головой.

Представив это, я даже прыснула со смеха. Правда неожиданное веселье продлилось недолго, потому что кусты за ближайшими деревьями затрещали, и из них выбралось нечто...

Увидев это, первым моим порывом было заорать от ужаса, и сбежать как можно быстрее. Но к сожалению существо одним лишь взглядом пригвоздило меня к земле, и мне оставалось лишь ждать его приближения, дрожа от ужаса и отращения.

Я никогда в жизни не видела ничего подобного...

Перебирая огромными черными мохнатыми лапами, в мою сторону медленно подбирался паук. Но если бы только это был обычный паук... Его тело оказалось наполовину человеческим.

На длинных лапах, покрытых жесткими волосками, держалось мощное черное паучье брюхо. Только вот на месте где должна быть голова, начиналось человеческое туловище.

Довольно тонкая женская талия, наполовину покрытая шерстью, обнаженная мертвенно-бледная грудь, на которую

падали включенные седые волосы, худые руки с длинными когтистыми пальцами, и лицо. Женское лицо, с которого на меня не мигая смотрели восемь паучьих глаз. Заканчивался весь образ чудовища огромным кроваво-красным провалом рта, с набором острых клыков.

И эта жуткая пасть улыбалась. Клянусь! Тварь будто была рада меня увидеть.

Тихонько заскулив от ужаса, я почувствовала как к горлу подступает тошнота. Пошевелиться все еще не получалось. Да я даже глаза не могла закрыть, чтобы не видеть эту тварь!

Тем временем паучиха уже стояла буквально в шаге от меня, хищно облизывая длинным языком алый рот. Протянув когтистую руку, она с противным шипением провела тыльной стороной ладони по моей щеке.

От этого прикосновения паника внутри меня достигла своего пика, и я почувствовала как начинаю терять сознание. Последнее, что я увидела перед обмороком – это разинутая на ширину моей головы паучья пасть, со свисающим из нее языком. После этого мое сознание окутала темнота, сквозь которую донесся яростный визг твари, и странный хруст.

Был ли это хруст моей сломанной шеи, или что-то другое – я уже не смогла узнать...

ГЛАВА 6

Сквозь шум собственной крови в ушах, я вдруг услышала возглас:

– Очнись! Открой глаза, Кара!!!

Кто-то яростно хлестал меня по щекам, пытаюсь привести в чувства.

Кое-как разлепив веки, я с трудом сфокусировала расплывающееся зрение на одной точке, и увидела напряженное лицо Хана, на коленях которого покоилась моя голова.

Заметив, что я очнулась, он облегченно выдохнул.

– Жива... Слава духам.

– Что произошло? – голос был хриплым и очень тихим, будто бы после затяжной ангины, – Это был сон или у меня все-таки получилось?

Парень нахмурился, и вдруг подхватив прядь моих волос, с отсутствующим видом начал наматывать ее на свой указательный палец. Шокированная его действиями, я потеряла дар речи, и смогла лишь неловко кашлянуть, чтобы вернуть парня в реальность.

Направив на меня помутненный взгляд, он несколько раз моргнул, и удивленно распахнул глаза, будто бы видя меня впервые. Осознав, что сделал, Хан резко стряхнул с руки мои волосы, и подхватив за плечи, поднял со своих колен, усадив

рядом на землю.

– Прости... Задумался, – произнес он растерянно. Похоже что парень тоже был крайне изумлен своими действиями, – Это был не сон, Кара. Ты действительно побывала в мире духов. Только вот этого не должно было случиться...

– Что? Но почему? – не поняла я.

– Потому что обычно первый полный выход из тела случается спустя месяцы тренировок. Ты не должна была сегодня попасть на ту сторону. Я тебе даже не стал рассказывать как самостоятельно вернуться обратно, потому как был уверен, что ты просто войдешь в легкий транс, и на этом все. Но я ошибся.

– Постой, но как я тогда вернулась в свое тело?

Хан поднял на меня обжигающий черный взгляд, в котором смешалось столько разных эмоций, что невозможно было разобрать что он сейчас чувствует на самом деле. Не отводя глаз, он произнес:

– Я выгасил. Арахна чуть не убила тебя.

Все еще пытаюсь разгадать, что скрывается за этим пристальным антрацитовым взглядом, я не сразу осознала то, что сказал Хан. Но когда до меня дошло...

– Убила... Подожди, так та паучья тварь, что – была настоящая?

Горло перехватило от ужаса, когда я вспомнила жуткую пасть паучихи, которая медленно но верно приближалась к моему лицу. Получается, что я действительно находилась в

шаге от смерти. Это была не галлюцинация.

– Да. Арахна почуяла твою кровь. В мире духов нельзя находиться без кузунгу – зеркала, защищающего от потусторонних тварей.

– Погоди... – я прищурилась, пытаюсь сосредоточиться на одной странной маячащей в голове мысли, – А какова вообще вероятность того, что новичок попадет в потусторонний мир сразу?

Парень молчал.

Я вскочила на ноги, и схватившись за голову, закричала:

– Существовала вероятность того, что я смогу выйти из тела сразу, и ты знал это, но не обезопасил меня! Не дал это дурацкое зеркало и даже не рассказал как вернуться! – из глаз брызнули слезы, и я быстро стерла их тыльной стороной ладони. Последние слова сорвались с моих губ уже едва слышным шепотом – За что ты так меня ненавидишь, что желаешь смерти? Ответ...

Из-за того, что парень все еще сидел на земле, я впервые смотрела на него сверху вниз, и это помогало не чувствовать себя ребенком, который спорит со взрослым.

– Я не желал тебе смерти, – четко отделяя интонацией каждое слово, ответил Хан, – Просто допустил ошибку. Оплешность. Любой человек может поступить неправильно, но это не значит что он делает это со зла.

Тут меня прорвало. Вне себя от гнева и ярости, я заорала:

– Оплешность?!!! Моя смерть для тебя просто оплеш-

ность?!!!

Хаган вскочил на ноги, и вцепившись в мои запястья, дернул на себя.

– Я спас тебя! Вытащил из лап арахны, а не бросил умирать, ясно?! – теперь уже его голос сорвался на крик, – Ты ведешь себя как неразумное дитя, которое считает, что вокруг него должен вертеться весь мир! Твоя жизнь не дороже остальных, пойми это, черт тебя подери! Я вообще не обязан носиться с тобой, обучая и оберегая как хрустальную вазу! Да, я оплошал, когда не дал тебе кузунгу, но тут же исправил свою ошибку. Ты стоишь здесь, жива и здорова! Чего тебе еще нужно?!

С каждым его криком я вздрагивала, пытаюсь удержать в себе слезы боли и обиды. Когда парень выдохся, я не сдержавшись всхлипнула, и трясущимся голосом прошептала:

– Мне ничего не нужно, Хан. Прощай. Я больше не буду доставлять тебе неудобств.

После этого я вырвала из его хватки свои руки, и просто сбежала. Бросив одежду и обувь, и даже не обращая внимания на острые камни, режущие тонкую кожу стоп.

Ноги несли меня за пределы лагеря. Но я пересилила желание как можно быстрее сбежать из этого места, и уже более спокойным шагом направилась в выделенную мне юрту.

Там надела свои кроссовки, единственную теплую кофту, и наконец покинула жилище.

Мне повезло. Оказалось, что я провела в мире духов не

один час, и все ребята к моменту моего возвращения находились в столовой на ужине. Это позволило добраться до выхода из лагеря незамеченной.

Остановившись у ворот, я испугалась, что не смогу уйти, ведь Глеб рассказывал, что лагерь находится под защитой духа-хранителя. Сделав глубокий вдох, и в последний раз окинув взглядом стан золотой крови, собралась с силами, и рванула через арку.

Получилось или нет?

Обернувшись и открыв зажмуренные глаза, я с облегчением осознала, что позади меня ничего нет кроме двух столбов, обвязанных лентами. Похоже магия действовала лишь в одну сторону, и покидать лагерь можно было беспрепятственно.

Теперь надо как можно быстрее спрятаться где-нибудь, пока меня не начали искать. Ночью точно не стоит отправляться в путь, лучше переждать в каком-нибудь безопасном месте.

Оглянувшись вокруг, я поняла, что среди равнины особо не спрячешься, и поэтому со всех ног рванула в сторону ближайшей скалы. Может быть за ней будет какой-нибудь лесок, который спрячет меня от посторонних глаз.

Когда до подножья скалы оставалось шагов двадцать, небо разразилось раскатами грома, и на мою голову обрушился ливень.

Вот черт! Только этого не хватало...

Сложив одну ладошку козырьком, я приставила ее к глазам, пытаясь оградить зрение от беспрестанных потоков воды, льющейся с неба. Прибавив скорость, подлетела к скале, и тут-же взгляд зацепился за большую трещину над головой, в которой наверняка поместилось бы мое тело.

Кое-как вскарабкавшись по скользкому мокрому камню наверх, я сперва протолкнула в щель ноги, а потом и остальное тело. На мое удивление расщелина оказалась куда глубже чем казалось, потому-что я уже полностью находилась внутри, а пространство дальше похоже только расширялось.

Видимо это пещера! – подумала я, и попыталась продвинуться чуть глубже. Только вот тело вдруг резко соскользнуло вниз, и я с визгом грохнулась на холодный каменный пол, ошутимо приложившись об него пятой точкой.

Не без труда поднявшись на ноги, вскинула голову вверх, и с горечью и страхом осознала, что теперь мне отсюда самой не выбраться. Щель, через которую я попала в пещеру, находилась высоко над моей макушкой. Будь я повыше сантиметров на пятнадцать, то может и смогла бы ухватиться руками за край трещины, чтобы вытянуть свое тело наверх, но чертов карликовый рост не позволял мне этого сделать.

От безысходности и страха я села на пол и разрыдалась, думая о том, что этот мир слишком часто пытается от меня избавиться.

Интересно, если я умру, то сразу попаду в мир духов, или еще какое-то время буду слоняться здесь невидимым при-

зраком, о котором никто даже и вспоминать не будет?

От этих мыслей стало еще горше, и плач перешел в истерику.

Ливень снаружи уже давно превратился в мелкую морось, а мои слезы в полное равнодушие к собственной участи. Умру здесь от голода? Ну и ладно. Замерзну насмерть или буду съедена каким-нибудь диким животным? Да вообще плевать.

Единственное чего мне сейчас хотелось – это чтобы моя судьба решилась как можно скорее, потому что холод и сырость пещеры погружали тело в нестерпимую дрожь, заставляя зубы беспрестанно стучать друг об друга. Терпеть это было невыносимо. Даже гораздо хуже боли. Судя по исходящему изо рта пару, в пещере была нулевая температура.

Сквозь трещину над головой, внутрь проникал тусклый лунный свет, бросающий на каменные стены причудливые тени. Но вскоре и он померк, и тогда я решила, что наконец-то пришел мой час. Лишь в голове мелькнула глупая мысль о том, что у всех нормальных людей перед смертью появляется свет в конце тоннеля, а у меня и вовсе все угасло...

Устало прикрыв веки, я уже приготовилась отправиться в мир иной, но до моих ушей вдруг донесся странный шорох, и чье-то ворчание.

Похоже мне и в потусторонней обители не рады. Вот ну что я за человек такой...

– Кара... Кара это я, Хан. Ну вот зачем ты сбежала, полоумная, – мужские теплые руки подхватили меня, и прижали к своему телу, – Прости, я идиот... Перегнул палку.

– Хан... Оставь... – хотелось заорать чтобы он ушел и оставил меня здесь, но вместо крика из горла вырвался лишь хриплый полусшепот.

– Оставить? Еще чего. Черт, да ты вся ледяная! Надо отогреть тебя.

По началу я решила, что все это одна большая галлюцинация, которая явилась ко мне на грани жизни и смерти. Но когда ладошки вдруг начало покалывать от жара, а где-то поблизости затрещал огонь, я все же сообразила, что все еще жива, и приоткрыла глаза.

В двух шагах от меня, прямо в воздухе плясали языки пламени, освещая ярким оранжевым светом покатые стены пещеры. Опять магия... Классно наверное уметь создавать такие трюки.

Потихоньку отогреваясь и приходя в себя, я почувствовала спиной громкий размеренный стук сердца, и осознала что почти лежу на Хане. От этого открытия меня тут-же бросило в краску, только вот сил подняться и отодвинуться не было от слова совсем. Поэтому я заплетающимся языком произнесла:

– Отодвинься от меня...

За спиной раздался усталый вздох.

– Прости, но не могу. Тебе нужно отогреться. Поверь, я

тоже не в восторге.

Неловко поерзав на теле парня, который оказался кошмар каким неудобным для отдыха, я спросила:

– Зачем ты вообще пошел за мной?

– А ты считаешь, что я должен был тебя бросить?

Я фыркнула, и раздраженно закатила глаза.

– Ну, знаешь, тебе не привыкать!

Боже, ну до чего же неудобно! Ребра парня почти впивались в мою спину. Еще раз поерзав, я услышала стон:

– Прекрати ерзать, умоляю! Иначе я за себя не ручаюсь!

– Что, снова бросишь меня на съедение арахне? – с ехидством поинтересовалась я.

Хан неоднозначно хмыкнул, но так ничего и не сказал.

Пытаясь отвлечься и не думать на чем лежу, я спросила:

– Огонь – это твоя основная магия?

– Когда-то была ей. Сейчас я одинаково могу использовать силу всех стихий. Годы тренировок берут свое.

– Понятно...

Спустя несколько минут неловкого молчания, Хан тоже задал мне вопрос:

– Скажи, почему ты сбежала? Нет, я конечно понимаю, что повел себя не особо красиво, но ты же могла пойти к Дархану и рассказать ему все? Покидать лагерь, зная, что это может грозить тебе смертью... Это странно, рыжая.

Тяжело вздохнув, пояснила:

– Я жила в приемной семье и всегда для всех была обузой.

Далана, ее дети... Каждый день они напоминали мне, где мое место, и как я мешаю им жить. Поэтому я и ненавижу быть обязанной хоть в чем-то. Ты правильно сказал, что не должен нянчиться со мной. Потому я и ушла...

– Да... Знаешь, тебе бы над самооценкой поработать. Ты себя ставишь ниже плинтуса. С виду такая боевая, а в душе обидчивый неуверенный в себе цветочек.

– Неправда! – возразила я, – Просто мы с тобой росли в разных условиях, поэтому ты не понимаешь о чем я говорю.

– Ладно. Спорить на эту тему с тобой видимо бесполезно. Поэтому просто ставлю перед фактом – утром мы возвращаемся в лагерь.

Я покачала головой.

– Нет, Хан. Я не пойду туда. Вернусь обратно к Далане, и буду жить как жила раньше.

Парень вдруг завел под мои колени свою руку, и приподняв, усадил боком, так что наши лица теперь находились буквально в десяти сантиметрах друг от друга.

Осторожно отведя упавшую мне на глаза прядь волос, он нахмутив брови, тихо спросил:

– Неужели ты не хочешь для себя другой жизни, рыжая? Освоить дар, жить так как хочется тебе, без оглядки на чужое мнение...

В бездонно-черных глазах парня я четко видела свое отражение и блики огня, танцующего за спиной. Это зрелище так заморозило меня, что я не сразу осознала о чем он меня

спрашивает.

– Другой жизни? – тихо повторила я, – Конечно хочу... Как может быть по другому... Но одно дело мечтать о чем-то, и совсем другое трезво оценивать свои возможности. У меня нет ни дома, ни образования, ни семьи. Даже если я смогу освоить дар, то что это поменяет в моем существовании?

– Может быть ты вспомнишь свою прежнюю жизнь. Место, в котором провела свое детство. Вдруг кто-то из твоей семьи остался жив? – напряженно произнес он.

Именно эта мысль и заставила меня в прошлый раз остаться в лагере...

– А вдруг нет? Что если не осталось никого? Что если я убила всю свою семью? Если честно, я не хочу знать, что произошло на самом деле. Иначе до конца жизни буду считать себя монстром... Лучше уж оставаться в неведении.

– Может ты и права... – тихо согласился Хан, – Но я бы все отдал лишь за малейшую возможность узнать о том, что хоть кто-то из родных остался жив... Я не стану сейчас давить на тебя, но к рассвету ты должна будешь принять решение, Кара.

Принять решение... Если бы это было так легко...

– Попробуй немного поспать. Утро вечера мудренее.

Воспользовавшись советом Хана, я прикрыла и без того уставшие веки, но на удивление заснуть не смогла. Парень же наоборот тихо и размеренно засопел буквально через несколько минут.

Время до рассвета тянулось бесконечно долго... Но к первым лучам солнца решение о том, куда мне идти, было принято уже за меня.

Как только Хан проснулся, то в первую очередь прикоснулся ладонью к моему лбу.

– Ты вся горишь, рыжая... Похоже что все-таки простудилась. Как себя чувствуешь? – произнес он хрипловатым после сна голосом.

Я пожала плечами.

– Не знаю... Все так-же отвратительно. Только теперь уже не морозит, а наоборот. И спина очень болит, ты жутко неудобный в качестве спального места.

– Спина? – в голосе парня проскользнуло беспокойство, – А это уже хреново. Покажи в каком месте болит.

Я привстала, и отодвинувшись от него, кое-как дотянулась ладонью до середины лопаток, сказав:

– Примерно здесь.

– При глубоком дыхании боль усиливается?

Сделав пару углубленных вдохов, я дала утвердительный ответ.

Парень тихонько выругался, и вдруг руками ухватился за край моей кофты, потянув ее вверх.

– Эй, а ну убери руки! Ты чего творишь?! Совсем чокнулся?!

Мое возмущение не произвело на черноволосого никакого впечатления, и его бессовестные конечности стали зади-

рать теплую ткань еще выше, пытаюсь обнажить спину.

– Уймись. Мне нужно послушать твои легкие. У тебя похоже пневмония начинается.

Осознав, что еще чуть-чуть, и парень увидит одну из самых кошмарных частей моего тела, я резко вскочила на ноги, с силой толкнув Хана руками в грудь.

– Никогда!!! Слышишь?! Никогда не прикасайся ко мне!

Я завелась не на шутку, и уже готова была защищаться от него кулаками если потребуется.

Дело в том, что моя спина и грудь состояли из отдельных лоскутов кожи, неровно сшитых между собой, и в обнаженном виде я была похожа на франкенштейна. Именно поэтому никому и не позволяла видеть себя без одежды.

Хан, шокированный такой вспышкой гнева, медленно поднялся, и осторожно выставил перед собой ладони, со словами:

– Ладно, ладно... Успокойся. Я не стану к тебе прикасаться, – заметив, что его слова меня немного успокоили, он тихо спросил, – Это из-за ожогов, да? Мне плевать на них Кара. Поверь, я бы не стал ничего говорить или пялиться. Как ты ко врачам ходишь?

– Никак, – отрезала я, – После того как мне пересадили кожу, я больше не была в больнице.

– Послушай, Кара. Если стесняешься меня, то давай пойдем к Дархану. Пусть он тебя осмотрит. Но если ты действительно подхватила воспаление, то об этом лучше знать как

можно раньше. Это не шутки.

Идти на осмотр к Дархану? Ну уж нет! Он и так производит на меня отнюдь не самое успокаивающее действие, а если я еще и перед ним полуголой предстану, то вообще с ума сойду.

До скрежета сцепив зубы, я кинула хмурый взгляд на Хана, и с надеждой, спросила:

– Может быть в лагере хотя бы есть какая-нибудь женщина, понимающая в лекарском деле?

Хан отрицательно покачал головой.

– Прости, рыжая, но нет. Из женщин в лагере только ученицы. Да я и сам-то не специалист в медицине. Просто пару раз лечил наших ребят от простуды и воспаления легких. Отец научил.

Шумно выдохнув, я прижала к горящему лбу ладонь, и с огромным усилием произнесла:

– Ладно. Только поклянись, что не будешь пялиться, или хоть кому-либо рассказывать о том, что увидишь!

– Клянусь, – ответил парень с абсолютно серьезным видом.

Я молча повернулась к нему спиной, и зажмурившись, на выдохе дернула кофту вверх, полностью обнажая изуродованную спину.

Хан сдержал слово и ни на секунду не помедлил, чтобы рассмотреть мое тело. Молча приблизившись почти вплотную, он попросил меня опуститься на колени, и сам повто-

рил за мной это действие.

Спустя пару секунд к коже между лопатками прижалась его теплая щека, слегка оцарапав тело жесткой щетиной. И без того колотящееся сердце, заметалось в груди как перепуганная птица.

– Сделай несколько медленных глубоких вдохов.

Пока я послушно делала то, что он говорит, Хан прослушал мои легкие в нескольких местах, и вскоре отпрянул, опустив шерстяную ткань вниз, по пути касаясь ребром ладони позвоночника.

От легкого прикосновения кожа покрылась мурашками, и я поежилась, очень надеясь, что Хан этого не заметил.

– Присутствуют хрипы в нескольких местах. Видимо купание в горном ручье и вчерашнее путешествие под ливнем не прошло для тебя просто так. Нужно немедленно возвращаться в лагерь. Подлечим тебя, а потом уже решишь оставаться или уходить, – за спиной послышалось шуршание ткани, и парень добавил, – Вот, надень мою толстовку поверх своей одежды. И капюшон накинь.

Тряхнув спутанными кудрями так, чтобы они упали на лицо, я украдкой взглянула на Хана через плечо, и забрав толстовку, натянула ее на себя, все так-же не поворачиваясь. Не хватало еще, чтобы он увидел мои помидорно-красные щеки!

Натянув капюшон кофты как можно ниже, я наконец-то обернулась.

Парень рассматривал меня, слегка прищурившись, и сложив руки на груди.

– Тебе идет черный цвет, – хмыкнув, выдал он.

Я опустила взгляд вниз, и поняла, что на мне сейчас наде- та та самая толстовка, которую он давал мне ночью в горах.

– Ну все. Ты сейчас можно сказать подписал мне смерт- ный приговор. Если Лейла снова увидит меня в ней, то при- душит или отравит.

Ухмылка тут-же соскользнула с губ Хана.

– Лейла хорошая девчонка, Кара. Не оценивай ее по одно- му лишь поступку. Невозможно судить человека за чувства.

– Ты любишь ее? – вдруг вырвалось у меня, – Почему вы тогда не вместе?

– Тебя это не касается, рыжая. Ясно? – резко похолодев- шим тоном ответил он.

Задетая его реакцией, я как можно более равнодушно хмыкнула, сказав:

– Ясно. Прости, это действительно не мое дело. Просто любопытство порой сильнее меня.

– Ладно. Забудь. Давай выбираться отсюда, нас уже явно хватились в лагере.

Вцепившись пальцами в края расщелины, парень легко подтянул свое тело наверх, и выбравшись из пещеры, скло- нился вниз, опустив ко мне руки.

Ухватившись за его запястья, я уперлась носками кроссо- вок в покатую каменную стену, и постаралась оттолкнуться.

Хан тут-же напряг мышцы на руках, и в одно мгновение вытянул меня к себе.

Тяжело дыша и надсадно кашляя, я привалилась к скале, пытаюсь восстановить резко покинувшие меня силы.

Хан тем временем одним движением руки погасил пламя, все еще плясавшее в глубине пещеры, и отряхнув ладони, сказал:

– В тебе веса как в ягненке. Не пробовала есть побольше? Скоро и вовсе костями греметь начнешь!

Немного отдышавшись, я ответила:

– Я привыкла мало есть. В приемной семье особо жирка не нагуляешь, знаешь ли.

– Ну тогда тебе точно стоит остаться в лагере. Хоть на человека станешь похожа, а не на ходячее мертвие.

Он совсем обнаглел?

– Я вообще-то все еще здесь, и прекрасно слышу тебя, если ты не заметил!

Хан ехидно хмыкнул.

– Заметил. Именно поэтому и сказал.

Удивительно, но после этих слов я улыбнулась. Потому что вместо ненависти и раздражения в его голосе сейчас звучала какая-то дружеская насмешка, или даже толика заботы, которую он просто не сумел выразить как нормальный человек.

Интересно, почему его отношение ко мне вдруг так резко поменялось?

– Давай поторопимся. Со стороны спящего Саяна сюда движется грозовая туча. Не хватало еще снова под дождь попасть.

И мы выдвинулись в путь.

ГЛАВА 7

С каждым шагом дышать мне становилось все труднее. Легкие разрывало от кашля, а тело бил нехилый озноб. Но я молча шла вперед, лишь сильнее стиснув зубы.

На середине пути Хану уже пришлось поддерживать меня под локоть, а когда до входа в лагерь осталось не более ста метров, он и вовсе подхватил меня на руки.

Взбрыкнув, я попыталась спрыгнуть на землю, но парень лишь крепче прижал меня к своему телу.

– Прекрати дергаться! Если мы в ближайшее время не окажемся в лагере, то рискуем попасть под настоящий водопад. На небо посмотри!

Вскинув голову, я поняла, что Хан прав. Прямо над нашей головой зависли рваные черные облака, сквозь которые пробивались короткие вспышки молний, сопровождающиеся громовыми раскатами.

– Вот и молодец. Лучше держись крепче, вдруг бежать придется, – произнес он, заметив, что я перестала брыкаться.

Сдавшись, я прислонила голову к мужскому плечу, и устало прикрыла глаза, прислушиваясь к размеренному стуку сердца Хана.

Когда мы оказались у столбов, парень поставил меня на землю, и вытащил из под камня, лежащего рядом, уже зна-

комую веревку и фляжку. Совершив все нужные манипуляции, он снова поднял меня на руки, и шагнул в арку.

С другой стороны столбов нас уже ждали...

– Какого черта происходит, Хан! – накинулся на парня Глеб, как только мы вошли, – Где вы вообще были?!

– Уймись! Не до тебя сейчас. Ей нужна помощь.

Обратив внимание на мой болезненный вид, Глеб тут-же забыл про Хана, и приблизившись, прижал свою ладонь сначала к моей щеке, а потом ко лбу.

– Великие духи, да она же вся горит!

– А я о чем! – раздраженно воскликнул Хан, – Пропусти.

– Давай я отнесу ее в юрту, – тут-же предложил Глеб, пытаясь забрать меня у своего приятеля.

– Нет! – резко ответил Хан, сделав шаг назад, – Я сам. Принеси лучше таз с горячей водой, спирт и несколько полотенец.

Глеб нахмурился, озадаченный странным поведением друга, но ничего не сказал. Кинув на меня еще один обеспокоенный взгляд, он сделал шаг в сторону, пропуская нас вперед. Я все это время молчала, понимая, что если произнесу хоть слово, то тут-же зайдусь кашлем.

Хан отнес меня в юрту. Только вот почему-то не в мою...

– Побудешь пока у меня. Чтобы не перетаскивать к тебе все запасы трав и лекарств.

Судя по решительному настрою парня, сопротивляться смысла не было, поэтому я молча позволила уложить себя на

широкую двуспальную постель, скрытую за темно-бордовой шторой.

Укрыв меня до подбородка теплым вязаным пледом из коричневой шерсти, Хан сказал:

– Отдыхай пока. Мне нужно сходить к Дархану и приготовить отвар.

Парень вышел, задернув за собой шторку, и я, свернувшись калачиком, залезла под плед с головой. Морозило меня нещадно.

Не знаю сколько прошло времени, но к тому моменту как дверь снова хлопнула, я успела задремать. Услышав легкие шаги, поняла, что они не похожи на тяжелую уверенную поступь Хана, и затаилась под одеялом. Кого там еще принесло? Надеюсь это не Лейла...

Шаги приблизились к кровати, и я замерла, молясь о том, чтобы не случился очередной приступ кашля. Через мгновение плед слетел с моей головы, и я увидела над собой лицо Глеба.

С облегчением выдохнув, бросила на парня гневный взгляд, и прохрипела:

– Ты напугал меня! Крадешься будто вор.

Глеб присел на краешек кровати, и опустив взгляд на свои сцепленные в замок руки, мрачно спросил:

– Что происходит между вами с Ханом? Он приставал к тебе?

– Что? – опешила я, – Ты о чем? Нет конечно! Просто я

решила уйти из лагеря, и вернуться домой. По пути попала в ливень, и застряла в какой-то пещере, подхватив простуду! Хан заметил мое исчезновение, и отправился искать, после отвел обратно в лагерь. Вот и все, – периодически прерываюсь на кашель, пояснила я, – С чего я вообще оправдываюсь, Глеб?

Парень кинул взгляд на дверь, и понизив голос, ответил:
– Послушай. Не связывайся с Ханом. Думаешь ты единственная девчонка в лагере, которой он запал в душу? Поверь, этот парень не ценит ничьи чувства. Бедная Лейла за ним хвостом ходит уже несколько лет, в любви признается. А ему плевать! Делает вид, что не замечает этого! Мог хотя бы объяснить девчонке, что ей ничего не светит, а не давать ложных надежд.

Услышав этот бред, я не сдержавшись, рассмеялась. Правда смех тут-же перешел в надсадное покашливание. Кое-как успокоив легкие, я просипела:

– Ты издеваешься? Это полнейший идиотизм, Глеб! Что вообще на тебя нашло?

– А ты не понимаешь? – прищурившись, спросил он, схватив мою ладонь, – Разве не видишь, что...

Фразу прервало появление в дверях Хана, который увидев друга около своей постели, не особо то и обрадовался. Заметив его взгляд, направленный на наши с Глебом соединенные руки, я тут-же отдернула ладонь.

Хан дернул бровью, но не стал акцентировать внимание

на моем движении.

– Принес то, что я просил? – безэмоционально поинтересовался он, отставляя на столике у входа металлический разнос с какими-то склянками и баночками.

– Да. Все стоит на комод. Я наверное лучше пойду...

На меня Глеб больше оглядываться не стал, и молча направился к выходу. У дверей его остановил Хан, положив руку на плечо.

– Чуть не забыл. Каре нужно будет отдыхать, скажи чтобы нас не беспокоили.

Глеб обжег его гневным взглядом, но так и не произнеся ничего, вышел наружу, громко хлопнув дверью.

Хан же приблизился к моей постели, и потрогав лоб, как ни в чем не бывало, спросил:

– Ну что, как ты себя чувствуешь? Удалось немного поспать?

Глядя на него до предела расширенными глазами, я вкрадчиво поинтересовалась:

– Ты издеваешься? Вы что оба надо мной издеваетесь?! Какого черта происходит? Сначала врывается Глеб, заявляя чтобы я не смела в тебя влюбляться, потому что ты чурбан бессердечный, потом ты откровенно пытаешься его задеть! Какая кошка между вами пробежала?

Хан усмехнулся.

– Как это какая? Одна наглая рыжая кошка. Ты что действительно не понимаешь в чем дело? – в ответ на его вопрос

я недоуменно пожала плечами, – Да Глеб просто ревнует тебя. Удивительно, что ты не поняла, как сильно ему понравилась. Но только есть один нюанс. В лагере запрещены любовные взаимоотношения между учениками. Потому я так и отреагировал. Чтобы парень вспомнил, что должен держать себя в руках.

– Нравлюсь?! Я?! Ты смеешься, что ли? – я посмотрела на Хана как на умственно отсталого, – Кому в здравом уме может понравиться такая как я?

Да ну, это бред какой-то... Хан явно ошибся.

– На каждый товар найдется свой купец, – философски изрек он.

– А почему в лагере запрещены отношения? – спросила я, отмахнувшись от его последней фразы.

Поправив на мне съехавший плед, он пояснил:

– Ну, во первых – это мешает учебе. Все эти ссоры, излишние эмоции... Ну и конечно шанс нежелательной беременности. Думаешь нам с Дарханом нужна вся эта головная боль?

– Ну, да... Логично, – тихо согласилась я.

– Все! Хватит разглагольствовать – давай лечиться.

Хан вернулся к двери, и принес к кровати небольшой деревянный таз с горячей водой, от которого исходил пар. Поставив его на тумбочку, он смочил в воде полотенце, и аккуратно провел им по-моему лицу и ладоням, стирая пыль и грязь пещеры. Потом принес кружку с каким-то настоем, и

заставил выпить до дна. Вкус у отвара был ужасный – горько-кислый, с каким-то пыльным привкусом.

После настоя в ход пошел градусник и таблетки. Закончилось все тем, что Хан притащил мне одну из своих футболок, пытаясь заставить переодеться.

– Ну же, рыжая! Не веди себя как ребенок. Твоя одежда пропиталась сыростью. К тому-же на грудь и спину нужно будет приложить компресс.

– Ладно, ладно! – сдалась я, – Я переоденусь. Отвернись только...

Парень не стал отворачиваться, а вместо этого просто вышел за штору, задернув ее за собой.

Прямо под одеялом стянув с себя одежду, я быстро натянула на тело большую белую мужскую футболку. Из моих вещей на теле остался лишь небольшой клочок черной хлопковой ткани на бедрах. Бюстгальтер я еще в первый день пребывания в лагере постирала и оставила сушиться, решив, что под объемной рубашкой все равно никто не заметит отсутствия этого элемента одежды. Да и если уж быть честной, выпирать там особо и нечему.

Сложив вещи стопкой, убрала их на другой конец кровати, и вновь по шею закуталась в плед.

– Все. Можешь возвращаться.

Атласная ткань распахнулась, и у кровати вновь появился Хан. Сейчас в его руках был небольшой глиняный горшочек и белая марлевка, сложенная в несколько слоев.

– Умница. Теперь компресс.

Парень присел на кровать, и разорвал марлевую ткань на два куска. После поочередно разложил эти отрезки на прикроватной тумбе, и смазал содержимым горшочка.

– Что это такое? – поинтересовалась я, глядя на странную тягучую смесь.

– Мед, спирт и несколько видов масел. Нужно наложить компресс на тело спереди и сзади. С грудью справишься сама, а со спиной тебе помогу я, – подхватив один из отрезков ткани, Хан встал, приказав, – Давай, ложись на живот, и подними футболку как можно выше.

Сообразив, что парень сейчас снова может увидеть меня с самой худшей стороны, я, прижав плед к груди, жалобно заканючила:

– Может не надо? Я не так уж и плохо себя чувствую! Уверена что хватит таблеток и отвара.

Вразрез этим словам из моей груди вырвался кошмарный лающий кашель. Хан, глядя на это, высоко вздернул черные брови, и свободной рукой выдернул из моих сжатых ладоней покрывало, спустив его до живота.

Страдальчески застонав, я все же перевернулась, задрав футболку до середины спины. Позади раздался раздраженный вздох вперемешку с тихим ругательством, и ткань футболки взлетела почти до затылка.

– Будешь возмущаться, вообще сниму! – предостерег меня Хан.

Впившись зубами в подушку, и сгорая от стыда и смущения, я молча стала ждать, когда он закончит с компрессом. Через пару минут моя спина оказалась накрыта марлевой, пропитанной медовой смесью, а сверху заизолирована пищевой пленкой. На этом экзекуция была окончена.

– Готово. Точно сможешь сама наложить компресс на грудь? – уточнил Хан.

Одернув футболку вниз, я аккуратно перевернулась, и молча кивнула, пытаясь скрыть покрасневшее лицо под прядями волос.

Парень еще с минуту постоял у кровати, бездумно глядя в стену, а потом выдал:

– Я скажу, а ты постарайся это запомнить и принять. Твои шрамы не делают тебя хуже или некрасивее. Это просто одна из твоих особенностей, как родинки или веснушки. Люди негативно воспринимают твою внешность лишь потому что ты позволяешь им это делать, сама воспринимая свои ожоги как изъян или уродство. Носи их с гордо поднятой головой, и тогда поверь, станешь для всех вокруг намного красивее обычных девушек. Глеб разглядел это, и остальные увидят, когда ты сделаешь эту особенность своим достоинством.

Сказав это, Хан просто развернулся и ушел. А я осталась наедине с собой, растерянная и озадаченная его словами...

Я никогда не думала о том, что могу быть красивой или хотя бы симпатичной. Мне всегда казалось, что ожоги на всю оставшуюся жизнь сделали меня уродом в глазах остальных

людей. И если честно говорить, то Хан прав. Сама я тоже считала себя пугалом.

Когда была маленькая, люди не раз страшали мной своих детей, говоря, что если они не будут слушаться, то станут такими же как я. Если каждый божий день будешь находить подтверждение своему уродству в словах других людей, то неизменно поверишь в это...

Детство закончилось. Я научилась жить с человеческим бездушием и жестокостью, но та боль и комплексы, что засели глубоко внутри, никогда не позволят мне чувствовать себя такой же, как обычные люди

Может быть в словах Хана и есть зерно правды, но проблема в том, что меня уже не переделать. Если я даже поверю в то, что по настоящему нравлюсь Глебу, то все равно никогда не смогу подпустить его к себе близко... Мое тело – это мой вечный крест.

Услышав за дверью юрты шаги, я быстро стерла с уголков глаз накатившие слезы, и приняла как можно более спокойный вид.

Деревянная створка распахнулась, и в дверном проеме показался Хан, пятящийся спиной через порог. Когда он обернулся, мне стали понятны его странные телодвижения. В руках парень держал просто гигантский разнос с едой.

– Надеюсь ты проголодалась, потому что обратно я это все точно не потащу!

Тихо рассмеявшись, я успокоила его:

– Голодна как волк, и даже готова после того как смету все что есть на этом разносе, еще и тобой закусить.

Парень усмехнулся, аккуратно ставя свою ношу на прикроватную тумбочку.

– Ну, такой десерт как я, нужно еще заслужить, рыжая, – на его губах сверкнула хитрая улыбка.

Цокнув языком и закатив глаза, я подхватила с разноса еще теплую булочку, и с блаженным стоном откусила от нее приличный кусок.

– Боже, как вкусно! – произнесла с набитым ртом.

Хан опустил на постель рядом со мной, и приподняв подушку, помог привстать.

– Хороший аппетит – это верный признак быстрого выздоровления, – сказал он, ставя мне на колени тарелку, наполненную чем-то вроде плова.

Себе парень тоже взял порцию, и с удовольствием начал поглощать ее. После плова на покрывало перекочевал легкий овощной салат и булочки с теплым молоком.

Разделавшись с едой, мы оба тяжело привалились к ставнику кровати, не в силах даже пошевелиться.

– Почему ты сказал мне те слова? Про ожоги и все такое...

Хан неоднозначно пожал плечами.

– Не знаю. Просто стараюсь всегда говорить то, что думаю. Ну, и мне просто кажется, что так нельзя жить. Ты же никого не подпускаешь к себе. Спряталась как черепаха в свой панцирь из недоверия, и кусаешь всех, кто пытается прибли-

зиться.

Грустно усмехнувшись, я сказала:

– Видимо такова моя судьба. Быть отшельницей. Вот научусь управлять даром, и поселюсь в какой-нибудь избушке в лесу. Стану местной бабой ягой!

Оперевшись на ладонь, парень привстал, и нахмурившись, серьезно произнес:

– Это не смешно, рыжая. Какой смысл так бездарно тратить свою жизнь? Людям и так отведено ничтожно мало... Станешь взрослее, твое мнение изменится, поверь. Захочешь семью, детей. Чтобы просто кто-то был рядом... Невозможно все время быть одному, иначе начнешь сходить с ума...

Хан говорил это с затаенной горечью в голосе, так как будто это было ему знакомо...

– А ты? Почему ты до сих пор один? – осторожно поинтересовалась я, – Глеб сказал, что многие девчонки в лагере были влюблены в тебя. Да взять даже Лейлу, она же просто красавица, и ходит за тобой по пятам.

– Со мной не все так просто, Кара, – парень поджал губы, и свел брови на переносице, – Я не тот человек, с которым получится построить нормальные отношения. Я нужен здесь, отцу. Но это не значит, что я мечтаю провести свою жизнь в одиночестве. Просто не хочу портить судьбу той женщине, которая осмелится меня полюбить...

– Знаешь... Для твоего возраста ты слишком много фи-

лософствуешь, – я шутливо толкнула парня в плечо, – Мне кажется, если действительно любишь кого-то, то поделишься с ним любую судьбу. И какой бы ужасной она не была, это все равно будет лучше, чем провести жизнь без любимого человека.

Хан улыбнулся одним уголком губ, и щелкнул меня по носу, со словами:

– Кто бы говорил про философию.

Я улыбнулась в ответ, и в этот момент случилось то, чего я опасалась больше всего... В юрте появилась Лейла.

Пару раз коротко постучав в дверь, девушка не дожидаясь приглашения вошла внутрь. И конечно же застала здесь нас, лежащими на кровати Хана друг напротив друга.

Увидев это, Лейла выронила из рук кофейную турку и две маленькие пиалы. В тишине, созданной нашим напряженным молчанием, звон разлетевшейся на осколки глиняной посуды казался оглушительным.

Сосредоточив взгляд на мне, девушка с ненавистью прошипела:

–Ты!.. Какого черта ты тут забыла?! Потаскуха!!!

Ее кулаки то с яростью сжимались, то разжимались, как будто девушка была готова наброситься на меня в эту же секунду.

Хан медленно поднялся с кровати, и даже не глядя на Лейлу, рукой указал на дверь.

–Покинь мою юрту. Немедленно.

Лейла почему-то подумала что эти слова адресованы мне, и с победной ухмылкой сложила руки на груди, вякнув:

–Чего уселась, ущербная? Не слышишь? Тебе пора! Или может мне помочь?! Так я с радостью!

– Лели, остановись! Это ты должна уйти. Немедленно. И впредь запомни, что не имеешь права заявляться сюда без приглашения!

Он направил на нее тяжелый взгляд, и девушка, осознав, что Хан выгоняет именно ее, с каким-то отчаянием в голосе, тихо спросила:

–А ей значит можно приходить без приглашения, да? Быстро же она тебя окрутила....

Лейла всхлипнула, и прижав ладонь к губам, вылетела из юрты.

Хан устало потер рукой глаза, и сказал:

–Ложись, поспи. Я пойду проветрюсь. Только не забудь перед тем как ляжешь наложить компресс.

Подхватив куртку, он вышел за дверь.

Со вздохом откинувшись на подушки, я закинула руки за голову.

Что происходит между этими двумя? С Лейлой то все понятно, влюблена в него как кошка, и все тут. А вот Хан... Он вроде и не проявляет к ней особого внимания, но и не отталкивает. Лели называет – как-то слишком интимно для человека, к которому ничего не испытываешь...

Может он на самом деле тоже любит ее? Просто как вы-

разился сегодня «не хочет портить судьбу женщине, которая осмелится его полюбить».

Скорее всего так и есть...

Так и не дождавшись возвращения парня, я сделала компресс и легла спать.

ГЛАВА 8

Проснулась я от того, что стало очень-очень жарко. Вытянув из под покрывала сперва одну ногу, а потом и вторую, в итоге я полностью скинула с себя тяжелую шерстяную ткань. Футболка насквозь промокла, и даже подушку кажется можно было выжимать.

При этом, как только тела коснулся прохладный воздух, меня тут-же охватил неприятный ледящий озноб. Застучав зубами, я мгновенно вернула покрывало на место, и свернулась в калачик, пытаюсь согреться.

Что за перепады такие? Эта пневмония оказывается жуткое дело.

Еще немного потерпев противную липкую дрожь, я с огромным нежеланием вылезла из кровати в поисках теплых вещей, понимая, что не смогу согреться под одним только покрывалом.

Обстановка вокруг кружилась веселой каруселью, и я схватилась за ставник, пытаюсь сохранить равновесие. Кое-как разглядев на другом конце кровати черную толстовку Хана, снятую мною ранее, держась за край матраса и прилично пошатываясь, я медленно подползла к ней. Ухватив трясущейся рукой желанный трофей, с облегчением выдохнула, и выпрямила спину, собираясь сразу же надеть кофту.

И это было огромной ошибкой...

Тело, отказывающееся держаться ровно без опоры, тут-же поехало в бок, и я грохнулась на пол. Да так, что дух из груди выбило. Хватая открытым ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, я перекатилась на бок, и закашлялась, возвращая легким способность дышать.

Когда из моего горла перестали доноситься звуки умирающего кита, я наконец распрямила сжатое тело, и открыла все еще слезящиеся глаза. Сквозь пелену соленой влаги, вдруг увидела перед собой красивую резную шкатулку из бересты, спрятанную под кроватью. Даже не задумываясь, я машинально потянулась к ней рукой. Шкатулка оказалась увесистой...

Приподнявшись, откинулась спиной на боковую стенку кровати, и поставила тайничок к себе на колени.

“Какого черта ты творишь Кара?! Убери все немедленно обратно, это же не твоя собственность! К тому же Хан убьет тебя, если узнает.”

Отмахнувшись от голоса совести, я украдкой бросила взгляд на дверь, пытаюсь понять, не возвращается ли хозяин юрты, и убедившись, что все в порядке, откинула крышку шкатулки. Любопытство вновь оказалось сильнее меня...

На круглом берестяном дне лежала толстая записная книжка в красной кожаной оплетке. Внутри она оказалась почти вся исписана именами и датами. Лишь последний десяток страниц был свободным от чернил. На внутреннем

развороте обложки значилось: «Тусгай цустай хохирогчид».

Тусгай... Так назвал меня Дархан. Тусгай – значит особенный. Получается это список детей, которые обучались в лагере!

Листая тетрадь, и вчитываясь в буквы, я отметила некую закономерность. Все имена были написаны одним и тем же почерком, но вот даты... Самые первые записи датированы аж семнадцатым веком, а вот последняя была сделана всего месяц назад. Если этот список ведут еще с древних веков, то он явно не раз переписывался, ведь невозможно сохранять бумагу так долго. И похоже, что конкретно эта тетрадь была воссоздана Ханом, раз он хранит ее под своей кроватью.

В подтверждение этой теории я нашла в корешке записной книжки спрятанную ручку.

Бред какой-то... Как такое возможно? Неужели лагерь для одаренных детей, в жилах которых течет “золотая кровь“, существовал еще задолго до рождения самого Дархана? Или же речь идет о том самом военном стане, основанном его предком? Но зачем в наше время приписывать учеников лагеря к списку древних воинов? Бессмыслица...

А может просто дань традициям.

И ведь не спросишь ни у кого! Сразу поймут, что я шарилась в чужих вещах.

Услышав за стеной юрты торопливые шаги, я поспешно закрыла книжку, и когда положила ее на дно шкатулки, то из корешка выпала ручка. А вместе с ней небольшой серебря-

ный медальон.

Шаги приближались все быстрее, поэтому я быстро записала ручку на место, а вот кулон убрать не успела... Задвинув шкатулку под кровать, зажала подвеску в кулаке, и прыгнула в постель, спрятавшись под пледом.

Дверь распахнулась в эту же секунду, и на пороге появилась крайне мрачный и недовольный Хан. Взглянув на его лицо, я даже сперва решила, что он как-то узнал о моем маленьком преступлении, и испуганно сжалась, пряча кулак с зажатым в нем кулоном под подушку.

–Эта девчонка когда-нибудь меня до греха доведет! – заявил он с порога, и я облегченно расслабилась, поняв, что его настроение связано не со мной, а с ревностными капризами Лейлы.

Осторожно запихнув кулон внутрь наволочки, я уже спокойно вытащила руку, и спросила:

–Что, Лейла устроила тебе очередную сцену ревности?

– Угу, – недовольно буркнул парень, направляясь в мою сторону.

Приблизившись к кровати, он внезапно остановился, и опустил взгляд вниз.

Боже, неужели я не все убрала?!!!

Так и не поднимая взгляда, парень наклонился, и подобрал с пола оброненную мной толстовку.

Увидев его вопросительный взгляд, я поспешила оправдаться:

– Я проснулась от жуткого озноба, и пришлось идти на поиски чего-то теплого. Только вот как оказалось, с координацией у меня сейчас паршиво... Голова закружилась, и я упала. Попутно вон кофту потеряла, – я кивнула на зажатую в его руке вещь, – Кое-как получилось до постели доползти. Только коленки сильно ободрала...

Чтобы история звучала правдоподобнее, я состроила грустную моську.

Хан поверил. Слава богу! Положив кофту рядом со мной, он попросил:

– Покажи коленки. Если рана серьезная, то нужно обработать.

– Да ну, пустяки, – я махнула ладонью, в знак того, что не стоит заморачиваться.

Кожу конечно сильно саднило, но я решила, что царапины не настолько серьезные, чтобы вновь светить перед Ханом оголенными частями тела.

– Слушай, прекращай разыгрывать святую невинность! Мне плевать на твои ожоги. Для меня ты просто очередной ребёнок, попавший в беду. Представь, что я доктор, если так будет легче!

Видя, что от его слов я только сильнее насупилась, парань не выдержал:

– В конце-концов, я уже лицезрел некоторые части твоего тела, и никто из нас двоих от этого не умер!

Уже крайне обозленная на него, я откинула с коленей

плед, оставив прикрытыми бедра, и рывкнула:

– Вот! Доволен?! Айболит недоделанный!

Парень же напротив, резко успокоился, поняв, что я послушалась его.

Достав из тумбочки маленький бутылек со спиртом, он смочил им бинт, и присел у моих ног. После внимательного осмотра моих коленей, был выдан вердикт:

– Кожу ты конечно стесала прилично, но думаю обойдемся простой обработкой.

Поднеся к царапинам на необожженной ноге бинт, Хан начал аккуратными движениями промакивать выступившую кровь. От спирта ранки нещадно зашипало, и я сквозь зубы зашипела от боли.

– Тщщщ... Почти все, – проделав те же манипуляции со второй коленкой, он склонился к моим согнутым ногам, и осторожно подул на обработанные места.

От этого по моей коже пробежала легкая волна мурашек.

Не поднимая головы, парень вскинул на меня обжигающий взгляд, и внезапно едва ощутимо провел кончиками пальцев по моей обожженной ноге, от щиколотки и до края покрывала.

– Не так уж и страшно, правда? – в его голосе появилась какая-то волнующая хрипотца, – К чужим прикосновениям можно привыкнуть, Кара.

Меня вновь начало лихорадить. Только вот уже явно не от болезни... Покраснев до кончиков волос, я тихо спросила:

– Что ты делаешь?

В ту же секунду мужская рука оторвалась от моей горячей кожи, оставив после себя лишь легкое чувство покалывания в местах прикосновений.

Абсолютно холодным тоном, в котором не было и намека на былую чувственность, Хан изрек:

– Я просто показал, что ты способна не прятаться в свою раковину. Нужен особый подход, только и всего.

– Что?.. – я непонимающе покачала головой, а потом невесело усмехнувшись, добавила, – Ну ты и подонок, конечно... Теперь я понимаю о чем говорил Глеб. Интересно, ты хоть минуту раздумываешь прежде чем что-то сделать? Знаешь... Хорошо, что сегодня на этот трюк попалась я. А, знаешь почему хорошо? – прищурив взгляд, я приблизила к нему свое лицо, и склонив голову набок, выдала, – Потому что мне на тебя плевать. Я ничего к тебе не чувствую. Но другие девушки... Ты хоть понимаешь сколько боли доставляешь им, вот так вот играя с чувствами? Понятно, почему Лейла бежит за тобой, как собачонка за хозяином! Ты же явно подсадил ее на эту удочку то приближая, то отталкивая от себя. Я только одного не могу понять... Ты на самом деле такой урод, или совершаешь все это неосознанно?

Глядя на меня с уже знакомой ненавистью во взгляде, парень процедил:

– Ты ни черта не знаешь о чем говоришь, – зло усмехнувшись, он встал с постели, и глядя на меня сверху вниз, до-

бавил, – Да я это сделал только ради того, чтобы облегчить жизнь Глебу, который даже понять не может с какой стороны к тебе подползти! Бедный парень уверен, что ты его и на пушечный выстрел к себе не подпустишь! И это он еще даже об остальных твоих ожогах ничего не знает.

Вне себя от злости, я подскочила с кровати, закуталась в плед по щиколотки, и с силой толкнув парня плечом, направилась к выходу из юрты.

– Эй, ты куда это собралась, рыжая? Тебе что, одной пневмонии мало?!

Не успела я пошатываясь, дойти до двери, как услышала за спиной громкие четкие шаги. Мгновение, и Хан уверенным движением хватает меня за локоть, разворачивая к себе.

– Немедленно. Вернись. В постель!

Было видно, что парень крайне взбешен.

Не обращая внимания на его повелительный тон, я выдержала локоть, и обозленно поинтересовалась:

– А с чего я должна тебя слушаться? Ты мне кто? Может отец или брат? Вот именно! Спасибо за заботу, но на этом все! Сама как-нибудь вылечусь.

Вскинув голову, повернулась к нему спиной, и направилась по намеченному ранее маршруту. Только вот выйти за дверь мне все равно не дали...

Я и сама толком не поняла как это произошло, но всего миг, и я уже лежу животом на широком мужском плече, нелепо болтая ногами в воздухе. Ударив кулаком по спине

Хана, я возмутилась:

– Ты чокнулся?! Маньяк ненормальный! Отпусти меня! Пусти, кому говорю!

Мои вопли к сожалению не произвели на парня абсолютно никакого впечатления, и он просто напросто вернулся к кровати, и не особо озаботившись моим мнением, скинул на матрас.

Отпружинившее тело было тут-же пригвождено к кровати сильными руками, сжавшими мои запястья.

– Уймись. Мы оба погорячились, но это не стоит того, чтобы ты загнулась от воспаления легких. Я сейчас уйду за ужином, и за это время мы оба должны постараться успокоиться, хорошо?

Все еще волком глядя на него из под бровей, я не стала давать ни положительного, ни отрицательного ответа.

– Я убираю руки, а ты не пытаешься сбежать, рыжая. Иначе, поверь, я снова притащу тебя обратно!

Хан медленно отвел руки, и поднявшись, вышел из юрты.

– Идиот, – гневно прошипела я, как только за ним захлопнулась дверь.

Пытаясь успокоиться, и выровнять сбившееся дыхание, так и норовящее сорваться на кашель, я вдруг вспомнила про кулон, спрятанный в наволочке.

Ну и дура же ты Кара! Чуть самым нелепым способом не подставила себя! Хан бы сразу все понял, если бы нашел после меня кулон из своего тайника в подушке.

Сунув руку в наволочку, я нащупала прохладную металлическую безделушку, и за цепочку выдернула ее на свет.

Подвеска была очень-очень маленькой, а сама цепочка по длине больше напоминала чокер. Кулончик кстати оказался непростым – сбоку нашлась небольшая кнопочка, при нажатии на которую украшение раскрывалось, делясь на две половинки. Внутри был спрятан кудрявый локон темных волос, и гравировка, гласящая:

“Храни и помни – от любви страдают даже боги”.

Романтично... Интересно, чей это кулон, и что он делает в тайнике у Хана?

Погладив пальцем блестящую, почти черную прядь, я внешне замерла от догадки. А вдруг это локон Лейлы? Вероятно девушка подарила ему этот кулон, спрятав внутри частичку себя. А Хан его хранит, сторя от любви к девушке, которой не хочет отравлять жизнь своим предназначением...

Сердце странно кольнуло, но я не стала обращать внимания. Глупо завидовать чужой любви, пусть и обреченной...

Аккуратно закрыв медальон, я в последний раз взглянула на его кружевную серебряную поверхность, и быстро спрятала в шкатулку под кроватью. Туда, где ему и место.

После этого погасила свет, и легла под одеяло, намереваясь уснуть. Я понимала, что не смогу спокойно сидеть и ужинать с Ханом, после всего, что недавно произошло.

Забыться сном я не могла довольно долго, и потому услышала как вернулся парень. Увидев, что я сплю, он с тихим

стуком оставил разнос с едой у входа, и приблизившись к изголовью кровати, прижал прохладную ладонь к моему лбу. После этого тяжело вздохнул, и ушел.

Ночевал он где-то в другом месте...

– Надеюсь ты не додумался сказать ей? – где-то неподалеку был слышен приглушенный голос Дархана, – Она не должна ничего узнать, иначе все старания пойдут шакалу под хвост!

– Я ничего не говорил ей.

– Если думаешь, что эта девушка безгрешна и наивна – то поверь, ты глубоко ошибаешься!

Что? О чем это они? Что я не должна знать?

Дверь хлопнула, и один из собеседников покинул жилище.

Слегка приоткрыв веки, я увидела у выхода Хана, который крепко сжав кулаки, наблюдал за уходящим отцом через узкое окошко в двери. Справа от него на полу стоял разнос с едой. Но это был не вчерашний так и не съеденный ужин, а свежая утренняя каша, от которой еще даже горячий пар шел.

– Давно вернулся? – охрипшим голосом поинтересовалась я, решив, что больше не имеет смысла притворяться спящей.

Услышав мой голос, Хан резко обернулся, бросив на меня

растерянный взгляд.

– Как ты узнала, что меня не было здесь?

Я пожала плечами.

– Просыпалась ночью несколько раз... – вспомнив вчерашний вечер, я добавила, – Слушай, я все понимаю, мы вчера оба погорячились, но мне правда кажется, что будет лучше, если я вернусь в свою юрту. Просто расскажи когда и какие лекарства нужно принимать.

Судя по отстраненному выражению лица, парень даже не слушал меня. Пощелкав пальцами перед собой, я окликнула его:

– Эй! Прием, я все еще здесь, если ты не заметил.

Подняв с пола разнос с едой, он спокойно ответил:

– Я слышал Кара. Может быть ты права... Сейчас позавтракаем, и ты вернешься к себе.

Что?! Неужели все оказалось так просто?

От мыслей о том, что вскоре я избавлюсь от общества этого психа, у меня даже аппетит разыгрался.

Когда завтрак был съеден, Хан вернул мне мою одежду, и сказал одеваться. Сам он на это время вышел за штору, чтобы собрать лекарства, которые могут мне понадобиться.

Быстро натянув джинсы, толстовку и обувь, я села на кромку кровати, и стала ждать приказа отправляться. Вскоре краешек бордовой ткани отодвинулся, и Хан аккуратно заглянул внутрь. Увидев, что я полностью одета, он уже гораздо смелее зашел ко мне, держа в руках небольшую короб-

ку, наполненную различными таблетками, склянками и травами.

– Идем. Я попрошу кого-нибудь из девушек поухаживать за тобой, и сам буду периодически навещать. Если вдруг станет хуже, то отправишь за мной.

Я молча кивнула, и ухватившись за протянутую руку, медленно встала. В этот раз с координацией уже было лучше. Голова конечно кружилась, но это не вызывало дезориентации в пространстве.

Вот так, держась за руку парня, я потихоньку двинулась в свое жилище. Половину пути мы преодолели с неплохим успехом, пусть и очень медленно. Каждый шаг до сих пор вызывал жуткую одышку, и впоследствии боль в легких.

Когда до крыльца юрты оставалось всего с десятков шагов, за нашими спинами вдруг раздался голос:

– Какого черта Хан?! Почему Кара не в постели?

Через секунду нас обогнал Глеб, глядящий на Хана с негодованием.

– Она пожелала вернуться к себе в юрту, – спокойно ответил он приятелю, даже не замедлив шага.

– А ты просто так взял и послушал ее, да?

Хан резко остановился, и бросил в Глеба раздраженный взгляд. Понизив голос, он спросил:

– А в чем дело? Тебе же еще вчера не нравилось, что она находится у меня. Знаете что? Идите вы оба к черту! – Хан вложил мою ладонь в руку Глеба, и добавил, – Разбирайтесь

сами. Теперь это твоя проблема Глеб. С меня и выходок Лели хватит!

Всучив в свободную руку Глеба коробку, он развернулся, и просто ушел, оставив нас вдвоем.

ГЛАВА 9

Я была настолько утомлена внезапной прогулкой, что даже не стала никак комментировать выходу Хана. Лишь попросила обессиленным голосом:

– Помоги мне пожалуйста дойти до постели. Я не очень хорошо себя чувствую.

Глеб тут-же спохватившись, сунул мне коробку с лекарствами, поднял на руки, и понес в юрту.

Оказавшись в своей постели, я забралась прямо в одежде под одеяло, и попросила парня дать градусник. Спустя пару минут ртутная шкала показала тридцать девять и три.

Глеб, хмуро глядя на градусник, выдал:

– Нужно дать тебе жаропонижающее. Не знаешь, Хан ложил его?

Не найдя сил на слова, я слабо пожала плечами, и кивнула головой на коробку с лекарствами.

Глеб тут-же начал перерывать находящиеся в ней таблетки. Жаропонижающее все же нашлось. Выпив разноцветную капсулу, я просто закрыла глаза и отключилась.

Следующие несколько дней для меня прошли в полубреду. Я просыпалась то от жара, то от озноба. Пила таблетки, и снова отключалась. Есть больше не получалось от слова совсем. Что бы я не брала в рот, от всего начинало жутко му-

тить. В итоге за неделю болезни я похудела еще на несколько килограмм, и стала похожа на скелет.

Глеб почти все время находился рядом со мной. Лишь иногда его сменяли Рина и Дара, которые как оказалось, тоже переживали за мое самочувствие. За время моей болезни мы успели неплохо сдружиться, болтая обо всем на свете в те редкие минуты, когда мне становилось полегче. А Глеб... Оказалось, что Глеб удивительный!

Он заботился обо мне. И смотрел всегда с каким-то восторженным блеском в глазах. Будто я и правда ему нравлюсь... Пару раз приносил букеты полевых цветов и сидел допоздна у моей постели, рассказывая смешные истории из своей жизни, пытаясь приободрить и хоть немного поднять настроение. Он нравился мне, правда. Но вот беда, мое сердце взволнованно вздрагивало только когда я слышала из его уст имя Хана, который частенько фигурировал в историях Глеба...

Сам же Хан не пришел ко мне ни разу...

Спустя три недели я наконец-то проснулась почти здоровой. Лишь легкое покашливание все еще тревожило грудь, но в остальном я чувствовала себя прекрасно!

В тот день, едва открыв глаза, я увидела перед собой светловолосую макушку Глеба, который дремал сидя на полу у кровати, и положив голову и руки на край матраса.

Не сдержавшись, я с улыбкой провела рукой по густым коротким волосам цвета спелой пшеницы.

За время болезни я убедилась, что Глеб испытывает ко мне далеко не просто дружеское влечение. Его сияющая улыбка, когда он смотрит на меня, неловкие прикосновения, завуалированные комплименты... Все говорило о том, что он равнодушен ко мне, но очень боится спугнуть. Допустить ошибку. И лишь одна мысль об этом вызывала в моей груди чувство щемящего счастья. Я наверное даже любила его... Пусть не как мужчину, но как человека, который разглядел во мне что-то большее чем ожоги.

Свои странные чувства к Хану я старалась глушить, понимая, что он последний человек, которого стоит любить такой как я. Я не хотела быть очередной Лейлой...

Глядя на мирно спящего у моей постели парня, я думала лишь о том, что не могу упустить свой возможно единственный шанс на счастье. Особенно из-за Хана. Я очень надеялась, что со временем смогу по настоящему полюбить Глеба. Как может быть иначе, если он так относится ко мне.

Как-то раз на нашей турбазе отдыхала одна пожилая русская туристка. Я обслуживала ее столик вечером, и женщина попросила составить ей компанию. Я согласилась, удивленная тем, что ее не оттолкнула моя внешность. Она много говорила о своей жизни, и в конце сказала мне, что в отношениях между мужчиной и женщиной гораздо важнее уважение, чем любовь. Потому что любовь эгоистична и капризна. Она вызывает в нас целую бурю эмоций. Но как стремительно вспыхивает, также стремительно она может и исчез-

нуть. И если из отношений уходит любовь, то лишь глубокое взаимное уважение и чувство безусловного родства помогут мужчине и женщине пройти свой жизненный путь вместе и до конца. И мне кажется, что нет более великой истины чем эта...

Именно поэтому я не отталкивала Глеба. Просто видела с каким трепетом и уважением он ко мне относится. И я не стану отталкивать его, если он решится сделать еще один шаг в мою сторону. Впервые я допускаю мысль о том, что заслуживаю счастья, и не обязана проводить все свои дни в одиночестве.

Почувствовав прикосновения, парень приоткрыл заспанные глаза цвета небесной лазури, и увидев меня, улыбнулся в ответ.

– Вот бы просыпаться так каждый день... – тихо произнес он, все еще находясь в полусне.

– Может быть когда-нибудь так и будет... Все ведь зависит только от нас, верно? – робко произнесла я.

Эти слова заставили парня моментально проснуться. Широко распахнув глаза, он оторвал голову от кровати, и слегка хриплым ото сна голосом спросил:

– Ты правда хотела бы этого?

Я просто кивнула, и приблизившись, прижалась губами к его щеке.

Со стороны все звучит так просто и легко, но кто бы только знал чего мне стоило сделать этот шаг...

Глеб сперва замер, казалось даже боясь дышать в этот момент. Слегка повернув голову, он уткнулся носом в мою шею, и сделал глубокий вдох, зарываясь в копну рыжих кудрей.

– Только разреши, и я сделаю все, чтобы ты была счастлива... – прошептал он, опаяя кожу горячим дыханием.

Пусть Глеб не знал этого, но я и так была счастлива в этот минуту как никогда ранее. Только вот это счастье было слишком скоро омрачено...

В момент когда парень уже почти коснулся моих губ поцелуем, со стороны послышался тихий смешок. Отпрянув друг от друга мы с Глебом растерянно посмотрели на незваного гостя, которым оказался никто иной как Хан.

Парень стоял в дверях с кривой полуулыбкой на красивом лице, и с презрением глядел на нас.

– Что, приятель, не удержался, да? Гормоны бушуют? – переведя взгляд на меня, Хан не смог себе отказать в еще одной издевке, – А ты, я смотрю, и не особо сопротивлялась... А к чему вообще тогда был весь этот спектакль с играми в обожженную недотрогу? Ты же так старательно рассказывала, что никогда и никого не сможешь к себе подпустить!

Глеб поднялся на ноги, и предостерегающим тоном произнес:

– Хан, ты переходишь все границы. Остановись, иначе...

– Что, иначе?! – прервал его Хан, – Границы здесь переходишь только ты, Глеб! Я что тебе сказал? Окончите обуче-

ние, и можете делать что хотите! Да хоть десяток детей нарожайте! Но в пределах лагеря будь добр, соблюдай установленные правила! Мне не нужна здесь очередная брошенка с разбитым сердцем и беременным животом!

Этого Глеб уже не выдержал, и кинулся на парня с кулаками.

Вскрикнув, я тоже сорвалась с постели, и подлетела в их сторону, пытаясь вразумить.

– Какого черта вы творите?! Идиоты!

Конечно парни меня не слышали, в порыве драки нещадно мутузя друг друга кулаками. Само собой Хан в силу комплекции одерживал верх, но и Глеб не сильно отставал от него.

Понимая, что сама не смогу их разнять, я высунула из юрты голову, и что есть мочи крикнула:

– Кто-нибудь, помогите! Эти полоумные сейчас поубивают здесь друг друга!

Парни из старшей группы, стоящие неподалеку, услышав мой зов тут-же кинулись на помощь. Сделав несколько шагов в сторону, я пропустила их внутрь юрты. Хан с Глебом к этому времени уже умудрились повалить друг друга на пол. Белые овечьи шкуры вокруг них местами пропитались кровью.

Парни пришедшие на помощь, если мне не изменяет память – Амир и Матвей, быстро растащили драчунов по разным сторонам. Увидев лицо Глеба, которое сейчас являлось

сплошным кровавым месивом, я вышла из себя, и подлетев к Хану, заорала прямо ему в лицо:

– Выметайся отсюда, слышишь!!! Ненавижу тебя!

Все еще тяжело дыша после драки, он выдернул свое плечо из хватки Матвея, и стерев тыльной стороной руки с разбитого рта кровь, быстрым шагом вышел на улицу.

Сморгнув с глаз злые слезы, я вернулась к Глебу, и опустившись рядом с ним на колени, тихо спросила:

– Зачем ты полез в драку? На тебе же живого места нет...

Невесело усмехнувшись, Глеб поинтересовался у меня:

– А что ты предлагаешь? Нужно было просто стоять и выслушивать как этот засранец поливает тебя грязью?

Я тяжело вздохнула, и вспомнив, что Амир с Матвеем все еще здесь, поблагодарила парней, сказав, что дальше мы справимся сами.

После того как они ушли, я отвела Глеба умыться и обработала раны. Когда кровь была стерта с лица, то оказалось, что все не так уж и плохо. Разбита была скула, нижняя губа и бровь. Но в целом ничего страшного, если конечно не считать того, что парень слегка прихрамывал на одну ногу.

– Я наверное лучше пойду, Кара. Нам сейчас ни к чему досужие разговоры, – произнес парень, когда последняя рана была заклеена пластырем.

Я согласно кивнула и проводила его к выходу. Остановившись у двери, Глеб осторожно прижал меня к своей груди, прижавшись губами к макушке.

– Спасибо... – почти шепотом произнесла я, уткнувшись носом в его футболку, от которой слегка веяло металлическим запахом крови.

– За что? – удивился Глеб.

– За то что вступился, – не раздумывая ответила я, – Не знаю что на него нашло...

Глеб оторвался от меня, и нахмурившись, задумчиво протянул:

– Если бы я не знал Хана, то решил бы, что он ревнует. Никогда не видел его таким... Может у него что-то случилось? Ну, личного характера – вот он на нас и отрывается...

– Попробуй с ним поговорить, – попросила я, открывая дверь, – Не хочу чтобы из-за меня разрушилась ваша дружба.

Глеб коротко кивнул, и вышел на улицу.

Весь оставшийся день я провела закрывшись у себя. На обед тоже не пошла, а вот ужин мне после отбоя принесли девчонки.

– Ну привет, роковая красотка, – с порога заявили они, хихикая, и толкая друг друга локтями.

Когда Дара и Рина без стука ввалились в мое жилище, я читала книжку лежа на животе в постели. От такого заявления потрепанный сборник стихов с тихим шелестом выпал из моих рук, и приземлился на ковер около кровати.

Проследив взглядом за траекторией полета книжки, я изумленно спросила:

– Чего? Вы что, тоже заболели? Бредите?

Девчонки плюхнули на прикроватный столик разнос с едой, и с хохотом завалились ко мне на кровать.

– Ой, да ладно прикидываться! Весь лагерь знает, что Хан с Глебом подрались из-за тебя.

Только этого не хватало... А если слухи до Дархана дойдут?

– И что же говорят по этому поводу? – осторожно поинтересовалась я.

Дара ухватила с разноса одну из булочек, и откусив от нее приличный кусок, с набитым ртом сказала:

– По разному. Парни удивлены поведением Хана, а девчонки шепчутся, что ты бессовестная дрянь, захомутавшая сразу двух красавчиков. Ну и еще много чего нелицеприятного, но я тебе этого говорить не буду. Сама догадываешься о чем там речь...

Ну еще бы... Всех явно волнует вопрос, как же такая уродка как я, смогла привлечь внимание Хана.

– Все совсем не так, как кажется со стороны... – с усталым вздохом произнесла я, тоже потянувшись за булочкой.

– Да ладно, подруга, чего ты оправдываешься? Гордиться надо! Тебе вон все наши девчонки завидуют, от мала до велика, – включилась в разговор Рина. Заговорчески переглянувшись с Дарой, она сдула упавшую на глаза челку, и выдала, – Давай колись! Ты с Ханом или с Глебом? Или... Оооо!!! А может сразу с обоими?!

От такого заявления кусок сдобы, которую я так не вовре-

мя откусила, встал прямо в горле. Судорожно схватив стакан молока, я сделала несколько больших глотков, и когда выпечка тяжелым комом провалилась в желудок, то сдавленным голосом, спросила:

– Издеваетесь?! В лагере же запрещены отношения.

– Ну и что? – хором возмутились девчонки, – Тайная любовь – это всегда очень романтично!

Да, романтично... А еще крайне проблематично... Черт возьми, из-за Хана теперь все догадаются, что между мной и Глебом что-то есть! Нужно срочно придумать какую-то легенду, скроющую этот факт.

– Да нет у меня ни с кем отношений! Ну вы сами то подумайте, зачем я Глебу или тем более Хану? В лагере и без меня есть множество красивых девушек. А подрались они совсем из-за другого. У них там... Личный конфликт.

Дара задрала одну бровь, и накручивая на палец кончик косы, недоверчиво спросила:

– И что за конфликт такой?

Девушка выжидающе смотрела на меня, а я все молчала, не зная, что ответить. Так, Кара, соберись и немедленно что-нибудь придумай!

– Глеб сказал Хану что-то плохое про Лейлу, вот он и взбесился, – быстро ляпнула я.

Ой, дура... Кара, ты идиотка! Одной фразой подставить обоих парней – это конечно надо уметь!

– Глеб? Как-то это на него не похоже... – смутилась Да-

ра, – И что-же, Хан сразу бросился на защиту этой стервы?
Я неопределенно дернула плечом.

– Не знаю... Мне кажется, что Лейла нравится ему. Я слышала, как Хан ее Лели называет. Согласитесь, что прозвище слишком уж сладкое для обычной дружбы.

– Обалдеть! Вот это поворот... Оказывается Хан не такой уж и бессердечный!

Девчонки принялись перебивать косточки Лейле, а я погрузилась в свои мысли, пытаюсь придумать как подговорить обоих парней поддержать мою легенду. С Глебом проблем быть не должно, а вот Хан... Даже боюсь представить его реакцию, если я приду и попрошу его покрывать наши с Глебом отношения. Да он пошлет меня! Если не убьет конечно...

Поняв, что к себе подружки что-то не торопятся, я показательно широко зевнула, и потянулась всем телом, со словами:

– Боже, после болезни постоянно спать хочется.

Девчонки верно приняв мои намеки, встрепенулись, и вскочили с кровати.

– Ой, что это мы! Тебе же отдыхать нужно!

Быстро попрощавшись, они покинули юрту, а я наконец свободно вздохнула и расслабилась.

Я конечно была рада, что Дара с Риной захотели со мной общаться, но иногда от них начинаешь уставать. Не привыкла я к такой частой коммуникации.

Выключив свет, я задернула тяжелую штору, скрыв спальное место, но вместо того чтобы лечь отдыхать, тихонько выскользнула на улицу. Нужно было поговорить с Ханом, пока до него еще не дошли созданные мной сплетни.

Прокравшись к его юрте, я замерла у крыльца, думая о том, не совершаю ли ошибку. Сердце в груди колотилось как бешеное, нашептывая о том, что стоит немедленно вернуться обратно в свою юрту.

– Соберись, трусиха! – шепнула я сама себе, – Заварила кашу, теперь сама ее и расхлебывай.

Решительно поднявшись на крыльцо, я постучала по резному лакированному дереву, и стала ждать. В голове мелькнула запоздалая мысль о том, что парня вообще может здесь и не быть. Но не успела я об этом подумать, как дверь резко распахнулась, едва не съездив мне по носу, и из проема появилась голова Хана, который оказался крайне удивлен, увидев, кто же оказался его ночным гостем.

– Ты? – ошеломленно пробормотал он.

Опустив угрюмый взгляд в пол, прошептала:

– Я... Пустишь?

Парень молча сделал шаг в сторону, пропуская меня внутрь.

Зайдя в юрту, я прошла немного вперед, и замерла, не решаясь повернуться.

– Мне нужна твоя помощь, Хан.

За спиной раздался тихий стук закрываемой двери и

несколько медленных шагов.

– Помощь? И чем же я могу тебе помочь, Кара? – вкрадчивый, бархатистый, полный мягких рокочущих ноток голос проникал казалось в самую душу.

Тряхнув волосами, я прогнала стаю непрошенных мурашек, и сжав кулаки, развернулась, чтобы напрямую сказать о том, какая именно мне нужна от него помощь.

Только вот слова застыли на губах, так и не успев сорваться в воздух...

Входя в юрту, в полумраке я не сразу могла заметить то, как парень выглядел. Он был раздет. Почти раздет. На Хане были одни лишь свободные домашние брюки из черного хлопка. Босые ноги утопали в длинном ворсе белоснежной овечьей шкуры, а по широкой груди, покрытой четкими штрихами татуировки, почти до пояса струились гладкие прямые волосы цвета воронова крыла.

Понимая, что начинаю краснеть, я стала лихорадочно водить взглядом по мебели, пытаюсь смотреть куда угодно, только не на алебастровую обнаженную кожу, подсвеченную оранжевым светом десятка столовых свечей.

Пытаясь собраться с мыслями, и сказать то что хотела, я смущенно проямлила:

– Понимаешь... Все в лагере считают будто бы вы с Глебом подрались из-за меня...

Парень сделал несколько медленных шагов в мою сторону, и остановившись буквально в полуметре, засунул руки в

карманы, протянув:

– Ну, лично я из-за тебя в драку не лез. Просто поддержал инициативу Глеба.

Еще один медленный шаг ко мне.

– Так чего ты хочешь, Кара?

И еще одно движение, благодаря которому я почти утыкаюсь носом в его грудь.

– Я... Мне надо... – нужные слова никак не хотели срываться с моего языка. Сделав резкий вдох, я на одном дыхании выпалила, – Мне нужно чтобы ты поддержал легенду о том, что ваша драка произошла не из-за меня, а из-за того что Глеб сказал тебе что-то плохое про Лейлу.

В юрте воцарилось тяжелое молчание. Склонив голову на уровень моих глаз, Хан тихо спросил:

– Что?

Вскинув на него взгляд исподлобья, я сжала губы, понимая, что не смогу повторить эту речь еще раз.

– Что. Ты. Сейчас. Сказала.

– Ты слышал! – огрызнулась я, как всегда решив, что лучшая защита – это нападение.

– Ты всерьез решила, будто я буду покрывать ваши отношения, рыжая? – в голосе Хана отчетливо читалась угроза, – Еще и Лели приплела! Будто мне так с ней проблем мало! Кому ты уже успела рассказать этот бред?

– Дара и Рина. Только им. Я сама не понимаю как так получилось! Просто они решили, что я завела отношения од-

новременно с тобой и с Глебом! Нужно было как-то выкручиваться, вот я и ляпнула, что первое в голову пришло! И вообще... Не думаю, что ты будешь рад больше, если народ начнет судачить не о тебе с Лейлой, а о том, что ты влюбился в уродливое чучело...

Схватив за запястье, Хан просто потащил меня к выходу, попутно взбешенно ворча:

– Мне плевать кто и что болтает про меня, но я не позволю набитым дурам вроде тебя вертеть собой как им захочется! Всего хорошего!

Выставив меня за порог, Хан с силой хлопнул дверью так, что небольшое окошко в ней треснуло пополам.

Пребывая в немалом шоке, я постояла у крыльца еще примерно с минуту, слушая как в юрте что-то громыкает и разбивается, а потом развернулась и пошла к себе.

ГЛАВА 10

Какого черта только что произошло?! Нет я конечно ожидала, что Хан будет не особо рад моей просьбе... Но чтобы настолько?! Какая муха его укусила...

Вернувшись к себе, я зажгла лишь одну свечу, и подхватив стакан с остатками молока, села на кровать, откинувшись спиной на подушку.

Придется теперь стоически выслушивать весь тот бред, что напридумывают про меня, Хана и Глеба. И это еще полбеды, но вот что будет, если слухи дойдут до Дархана... Этого я не знала.

Допив молоко, я оставила пустой стакан на тумбочку, и залезла в постель, решив, что утро вечера мудренее, и завтра я что-нибудь обязательно придумаю.

Откинувшись головой на подушку, повертелась немного, и поднялась обратно, поняв, что горло почему-то начало гореть огнем. Неужели болезнь возвращается?

Подойдя к умывальнику, набрала полную пригоршню воды, и сделала несколько жадных глотков, надеясь потушить пожар в горле и легких. Вода нисколько не исправила ситуацию, и тогда я судорожно закашлялась, почувствовав, что к жжению прибавился еще и отек, который препятствует дыханию.

Схватившись за шею, я захрипела и рухнула на колени, раздирая ногтями кожу на горле и груди. Кое-как встав на четвереньки, попыталась доползти до двери, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но не сделав и пары движений, упала на живот, начиная терять сознание.

Господи, да что же происходит?!!!

Страх смерти в этот момент был настолько силен, что я впервые за все свои годы так сильно захотела жить!

Краем сознания уловила звуки шагов со стороны выхода, и через мгновение по юрте пронесся голос Хана:

– Эй, рыжая... Ты спишь?

Я хотела кричать о том, что я здесь! Здесь!!! Но вместо крика из горла вырвалось лишь еле различимое шипение. Господи, он же просто напросто сейчас решит, что я сплю и уйдет – за шторой же меня не видно!!! И вот тогда мне точно конец...

Ну же, Хан, миленький, зайди в спальню!

Собрав последние силы я поскребла ногтями по половым доскам, надеясь что звук окажется достаточно громким, чтобы он его услышал.

– Так ты спишь, или просто не хочешь со мной разговаривать? Ну, извини! Признаю, я погорячился...

Идиот! Я тут сейчас коньки отброшу, пока ты там со своими извинениями топчешься! Да я что угодно тебе прощу, только помоги!

– ... так, ладно, я захожу. Если ты не одета, то самое время

сказать об этом.

Слава богу!!!

Когда тяжелая уверенная поступь парня послышалась совсем рядом, перед моими глазами уже начали кружиться звездочки, а горло сжалось настолько, что кислород проникал в легкие тончайшей струйкой, которой было явно недостаточно для полноценного дыхания.

– Кара?.. Какого черта?!

Увидев меня, распластанную на полу с налитыми кровью глазами и расцарапанной шеей, Хан молниеносно опустился на колени рядом.

– Что произошло?! Рыжая, ты слышишь меня? – поднес ладонь к моим губам, он выпалил, – Дыхания почти нет, похоже отек... У нас в лекарствах где-то были нужные инъекции! Я быстро, потерпи буквально минуту! Только не закрывай глаза, слышишь?!

Хан умчался за противоаллергическим, а я лишь молилась всем высшим силам о том, чтобы лекарство сработало.

Вернувшись буквально через пару минут, он быстро набрал в шприц какую-то прозрачную жидкость из стеклянной ампулы, и не церемонясь, воткнул мне ее в ногу.

Положив мою голову к себе на колени, парень начал успокаивающе поглаживать меня по голове, приговаривая:

– Потерпи немного... Скоро должно отпустить...

Через минут пятнадцать мне и правда начало становиться легче. Дыхание выровнялось, а отек спал. Через полчаса я

смогла говорить.

– Спасибо... Если бы не ты, вероятно я была бы уже мертва, – из горла пока еще вырывался сиплый полусшепот.

Хан отмахнулся от благодарности, и вместо этого спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Не без помощи парня, я приподнялась с его колен, и села у кровати, откинувшись спиной на изножье.

– Вроде терпимо. По сравнению с тем что было – вообще прекрасно. Но я не понимаю... Что произошло? В одну минуту было все нормально, а потом вдруг горло охватило огнем, и дышать стало почти невозможно.

Хан нахмурился.

– Судя по тому что лекарство помогло, у тебя все-же была аллергическая реакция на что-то. Вспоминай, что последнее пила или ела перед приступом. Может быть принимала какие-то лекарства?

Я задумалась, восстанавливая события прошедшего вечера. Сначала я читала книгу, потом пришли девчонки с ужином. Там я съела булочку и выпила молока – но все было нормально... После побывала у Хана, вернулась к себе и допила молоко. Вот тут-то меня и скрутило... Но как такое может быть? У меня ведь нет аллергии на молочные продукты, к тому же первые пол стакана я выпила без каких-либо последствий...

– Перед приступом я пила молоко, которое Дара с Риной принесли из столовой. Но мне никогда не было так плохо от

молока! И первые несколько глотков я сделала еще до того как пошла к тебе. И все было абсолютно нормально...

– Стакан надеюсь не мыла?

Я молча покачала головой, и указала подбородком на пустой стеклянный сосуд, оставленный мной на тумбочке.

Хан потянулся рукой к стакану, и понюхав остатки содержимого, выдал:

– По запаху вроде все нормально... Тебе вкус странным не показался когда пила?

– Нууу... Разве что немного горьковатым... Но я подумала, что это от количества лекарств выпитых мною во время болезни. Кислым то не отдавало – вот я и не обратила внимания.

Хан отставил стакан обратно, со словами:

– Похоже кто-то пытался тебя отравить... И если это то о чем я думаю, то отравитель явно ничего не смыслит в ядах.

– Ты о чем? – не поняла я.

Тяжело вздохнув, парень потер большим пальцем краешек губы, и пояснил:

– Единственное в нашем лагере, что могло вызвать такую реакцию – это змеиный яд, он не имеет запаха, но обладает горьким вкусом. Яд находится в свободном доступе среди лекарств. Дархан в больших количествах делает из него мазь с обезболивающим эффектом.

– Допустим... – не особо веря в то что услышала, ответила я, – Но с чего ты взял, что отравитель был неумехой?

– Понимаешь, змеиный яд может убить человека только попав напрямую в кровь. В желудке он просто расщепляется, и максимум что ты получишь – это отравление.

– Но почему тогда мне стало так плохо? – не поняла я.

– Видимо ты оказалась счастливым обладателем аллергии на яд змеи. Отсюда и отек горла. Если бы не аллергия ты бы вообще вряд ли поняла, что тебя пытались отравить.

Слушая парня, я пребывала в полнейшем шоке.

– Но кому это нужно? Что я такого сделала?

Хан пожал плечами.

– Не знаю, Кара... Но обещаю, что постараюсь выяснить это. В стане недопустимо такое поведение.

Взглянув на Хана, я вдруг поняла кому могла так помешать...

– Лейла, – не раздумывая выпалила я.

– Что Лейла? – парень поднял на меня подозрительный взгляд, – Нет... Она не могла. Лели конечно та еще заноза, но она бы не решилась на убийство. Это кто-то другой, просто поверь мне.

Я недоверчиво фыркнула.

– Ладно, в любом случае спасибо за то что спас. Мне уже лучше, так что попытаюсь уснуть. А тебе удачи в поисках.

Поднявшись на ноги, я забралась в постель, и только сейчас заметила, что Хан все еще одет в одни только домашние штаны. Мазнув взглядом по груди и плечам, я не сдержала любопытства:

– Что означает эта татуировка?

Хан потер ладонью правое плечо, на котором четкими штрихами был изображен змей, кусающий себя за хвост.

– Это уроборос. По сути символ перерождения. Нескончаемый цикл бытия. Этот знак напоминает мне о том, что за смертью следует новый виток жизни, в которой у меня будет шанс на лучшее существование... Жизнь сменяется смертью, она же создает новую жизнь – и это неизменно.

Удивленно хмыкнув, я произнесла:

– Говоришь, что нельзя жить так как я, в одиночестве, закрываясь ото всех. Что нужно стремиться к чему-то лучшему... А сам мечтаешь о том, чтобы найти счастье в следующей жизни?

Я глядела на парня с непониманием и недоумением. Что такого происходит в его жизни, что он существует думая лишь о смерти и перерождении?

Хан невесело хмыкнул.

– Счастье? Кому-то счастье, а кому-то искупление грехов... Просто у тебя есть выбор, рыжая. И ты по собственной воле гробишь свою жизнь. У меня уже выбора нет... И остается надеяться на то, что хотя бы в следующем воплощении я стану лучшим человеком, нежели сейчас.

Закончив фразу, он развернулся и ушел, тем самым дав понять, что разговор окончен.

Проводив его взглядом, я с головой залезла под одеяло и закрыла глаза. Конечно стоило тщательно обдумать все что

произошло сегодня, но у меня просто не было сил... Поэтому я позволила сну утянуть меня в свои объятия.

Открыв глаза с первым сигналом горна, я сразу увидела перед собой сложенный пополам лист бумаги, покоящийся на подушке.

Потянувшись и потеряв глаза тыльной стороной ладони, развернула записку, и прочла:

“Никому не говори о том, что тебя пытались убить. Пусть отравитель думает, что остался незамеченным. Попробуем поймать его на второй попытке.”

Хан

Скомкав листок, я запихнула его под подушку, и со стоном обхватила руками голову. Только прочитав эти строки, я вспомнила все, что вчера произошло.

Меня пытались убить... И сколько бы не отнекивался Хан, вероятнее всего это была Лейла. И скорее всего она предпримет еще одну попытку отравить меня, или навредит как-нибудь по-другому. Нужно найти доказательства её вины, пока эта двинутая не прирезала меня.

Услышав второй сигнал, я пулей вылетела из кровати, и начала собираться на завтрак. Отныне я питаюсь исключительно в столовой вместе со всеми!

Когда я запыхавшись плюхнулась на свое место за столом, все ребята уже начали есть. Тепло поздоровавшись с Глебом,

я бросила беглый взгляд на Лейлу, которая как обычно терлась по правую руку Хана. Девушка выглядела довольно печально... Темные круги под глазами, искусанные губы и растрепанные волосы. Похоже кто-то не спал сегодня ночью...

Как-же мне поймать тебя "*Лели*"?

Раздумывая над этим вопросом, и попутно пережевывая пшеничную кашу, выданную на завтрак, я не сразу заметила, что ребята постарше всю перешептываются между собой, бросая заинтересованные взгляды то на меня, то на Хана с Лейлой.

Да... Слухи видимо дошли уже до всех... Надо бы первой поговорить с Дарханом, пока кто-нибудь не донес до него самую худшую из версий.

– Рыжая, – над столом пронесся голос Хана, и все резко замолчали, – После завтрака у нас занятие, так что не планируй ничего.

Я коротко кивнула, и незаметно сжала под столом ладонь Глеба, плечом чувствуя как парень напрягся, услышав о том, что мне предстоит занятие с Ханом.

Только его ревности мне сейчас не хватало...

Закинув в рот остатки бутерброда с сыром, я встала из за стола, и направилась к Хану. Подойдя вплотную, наклонилась, и как можно более тихо произнесла:

– Мне нужно с Дарханом поговорить, встретимся в лесу, хорошо?

Парень вскинул на меня предупреждающий взгляд, и про-

шептал:

– Ты же помнишь, что...

Парень видимо решил, что я хочу рассказать его отцу о покушении. Я покачала головой, и оборвала его:

– Я все помню, Хан. Можешь не переживать.

На этом я развернулась, и вышла из столовой, по пути краем глаза заметив как Глеб прожигает взглядом своего приятеля. Мда... Надо что-то делать с этими двумя, пока они не поубивали друг друга.

Дверь юрты Дархана была открыта, поэтому я решила не стучать, и сразу войти. Внутри меня встретил уже привычный таинственный полумрак, в глубине которого скрывался сам хозяин юрты. Дархан в позе лотоса сидел прямо на полу, на широкой медвежьей шкуре, и прикрыв глаза, тихо играл на варгане.

Не решаясь отвлечь мужчину, я замерла около двери, дожидаясь пока он закончит. Благо что ждать долго не пришлось.

Буквально через мгновение он поднял веки, и отложив музыкальный инструмент, уставился на меня немигающим черным взглядом, от которого сразу же стало не по себе.

В глазах мужчины появилось узнавание, и он протянул:

– Ааа... Тусгай... Проходи, что же ты замерла в дверях.

Я неловко кивнула в знак приветствия, и опустилась рядом с Дарханом на одну из шкур.

– Что тебя привело сюда?

Перестав терзать от волнения губы, я произнесла:

– Понимаете... На днях со мной произошел не очень приятный эпизод, и теперь весь лагерь об этом шепчется. Я просто не хочу чтобы до вас дошли неверные слухи, и поэтому решила все рассказать сама.

Мужчина склонил голову набок, и добродушно улыбнувшись, изрек:

– Ты поступила правильно, дитя. Сплетни, как недобрый ветер – могут разрушить многое...

– Верно... – задумчиво протянула я, и встрепенувшись, наконец рассказала – В общем двое ребят из стана недавно поссорились в моей юрте. И все почему-то решили, что это из-за меня. И теперь по всему лагерю ходят слухи о том, что у меня с ними обоими отношения. Но это не так, клянусь!

Дархан покивал головой.

– Конечно, Кара. Я верю тебе. Ведь отношения у тебя только с Глебом, правда?

– Вот именно, – обрадованно подтвердила я, и лишь через мгновение поняла, что Дархан вывел меня на чистую воду, – То есть нет! Нет, все не так!

Отец Хана по доброму рассмеялся.

– Перестань тусгай. Я не вчера родился. Конечно в стане запрещены романтические взаимоотношения, но я не могу запретить юным сердцам любить. Просто будь осторожна. Глеб хороший парень, но вы оба еще слишком молоды, и не знаете чего хотите от жизни. Я не стану препятствовать тво-

им или его чувствам, но если ваши отношения начнут приобретать открытую форму, то вам придется покинуть лагерь, Кара. В стане всегда должен быть порядок, помни это.

– Конечно, – поражено согласилась я, – Обещаю, что ничего такого не будет... Спасибо вам, Дархан. За то что не стали осуждать.

Мужчина молча кивнул.

Поднявшись, я попрощалась, и направилась к выходу. За секунду до того как покинуть юрту, вдруг услышала:

– В чувствах Глеба я не сомневаюсь. Парень начинает влюбляться в тебя, но вот ты, Кара... Твое сердце занято другим, я прав?

Испуганно замерев, я открыла рот, пытаюсь как-то оправдаться, но по итогу плотно сомкнула губы, и пулей вылетела из юрты, пытаюсь унять заходящееся от страха сердце.

Он знает! Он все знает! Господи, неужели и Хан тоже понимает, что я к нему что-то чувствую?

Добежав до леса, я скрылась за первыми деревьями, так и не дойдя до поляны, на которой проходят занятия. Тяжело привалившись к покрытой темно-зеленым мхом старой сосне, откинула голову на шершавую кору, и попыталась хоть немного восстановить дыхание.

В этот момент из-за дерева ко мне вдруг выскочил Глеб, и схватив за талию, притянул к себе, опустив подбородок на мою макушку.

Вскрикнув от испуга, я толкнула его кулаком в грудь, про-

шипев:

– С ума сошел?! Я чуть не отъехала со страху!

Глеб тихо рассмеялся, и вновь притянул меня обратно со словами:

– Конечно сошел! Я схожу с ума по тебе, Кара. Ты откуда несешься?

Немного успокоившись, я уже сама прильнула к нему, и ответила:

– От Дархана. Говорила с ним по поводу наших отношений.

Глеб резко отпрянул. В глазах парня стояла тревога, а в голосе засквозило напряжение.

– И что он тебе сказал?

– Все нормально, – поспешила я его успокоить, – Удивительно, но я ожидала гораздо более худшего исхода. Он лишь сказал, что если наши отношения станут общественным достоянием, то нам придется покинуть стан, чтобы не нарушать сложившиеся здесь порядки. В общем мы можем встречаться, но только так, чтобы об этом никто не знал.

Услышав это, Глеб облегченно выдохнул.

– Я только одного не могу понять... Если все на деле не так страшно, и вся ответственность в этой ситуации лежит на нас самих, то с чего вдруг Хан так взбеленился?

– Не знаю, Кара... – парень покачал головой, – Я хочу поговорить с ним сегодня вечером и все выяснить.

– Ладно... Только расскажи мне потом все.

Глеб коротко кивнул, и вдруг зацепился взглядом за мои губы. Медленно склонившись, он остановился буквально в миллиметре, и прошептал:

– Если ты не хочешь, то самое время остановить меня...

Я не уверена в том, что хотела этого поцелуя. Но и останавливать парня тоже не стала. Пора выкинуть Хана из головы. Раз и навсегда!

Зарывшись правой рукой в короткие светлые волосы, я сама подалась вперед, и прижалась к его губам. Из горла Глеба вырвался хриплый полустон, и он тут-же прижал меня к дереву, подхватив за бедра, и закинув мои ноги к себе на талию.

Его поцелуи были осторожными и вместе с тем нетерпеливыми. Будто бы парень очень боялся спугнуть, но при этом едва сдерживался от того, чтобы откинуть все страхи, и накинуться на меня уже не сдерживая желания.

Я же не чувствовала ничего...

Нет, мне конечно была приятна его реакция и его чувства. Но вот только поцелуи Глеба не вызывали во мне и сотой доли той дрожи, в которую я впадала увидев один лишь взгляд Хана...

Проклиная про себя черноволосого, я от злости на свои чувства лишь сильнее прижалась всем телом к Глебу, и откинула голову назад, позволяя губам парня прижаться к шее.

И я почти убедила себя в том, что хочу всего этого не меньше чем сам Глеб. Но вот только когда поцелуи со здо-

ровых участков кожи перешли на обожженные, я резко сжалась и оттолкнула парня от себя.

Тяжело дыша, Глеб отшатнулся, выпуская меня из объятий, и недоуменно спросил:

– Что случилось? Я чем-то обидел тебя, Кара? Скажи если я зашел слишком далеко и мы...

– Нет, Глеб, – перебила я парня, – Ты здесь не при чем. Все дело во мне. В том... В том какая я.

– О чем ты? – парень выглядел настолько растерянным и расстроенным, что я вновь мысленно прокляла свое уродство.

Не особо заботясь о чистоте одежды, я села прямо на землю, и опустив взгляд в пол, начала тихо рассказывать:

– Я знаю, что о таком нужно было говорить с самого начала. Но я просто испугалась... Испугалась, что ты не захочешь быть со мной, когда узнаешь обо всем. Дело в моей внешности... Да и собственно не только в ней. То что ты видишь на лице и шее Глеб, это цветочки по сравнению с тем что прячется под одеждой. Вся левая половина моего тела сожжена до кошмарных шрамов. А грудь и спина в прямом смысле сшиты из лоскутов... И это терзает меня каждый раз, когда кто-то видит мое тело без одежды или прикасается к изуродованным частям кожи, – на этих словах из глаз покатились слезы, – Я просто не могу пересилить себя, и позволить даже тебе прикоснуться к своему телу... И я не знаю, изменится ли это когда-нибудь... По сути, отношения со мной изна-

чально обречены на провал. Тебе ни к чему такая обуза... Прости что не сказала сразу.

Сказала и подумала: – “ А Хану то ты спокойно позволяла прикасаться к себе, маленькая лгунья!”. И в этот раз от внутреннего голоса отмахнуться не удалось...

Я честно думала что смогу подпустить Глеба к себе, но все опять пошло наперекосяк! И если уж быть честной то виной этому вовсе не Хан, а я сама, не сумевшая быть честной даже с самой собой в этих чувствах.

Выслушав все, что я сказала, Глеб с тяжелым вздохом опустился рядом со мной на землю, и твердо произнес:

– То что не сказала сразу, это конечно зря, – увидев как я поникла, парень поспешно добавил, – Не потому что я сразу отказался бы от тебя, а потому что вел себя более осторожно и осмотрительно.

Услышав эти слова я стерла со щеки слезу, и подняла на Глеба до предела удивленный взгляд. Посмотрев в мои изумленные глаза, он слегка улыбнулся и продолжил:

– Мне плевать, что находится под твоей одеждой, Кара. Я не вижу шрамов на твоём лице, не замечу их и на теле – потому что в моих глазах ты самая красивая и желанная девушка на всем белом свете. И я уверен, что все-же смогу найти к тебе подход. Пусть не сразу, но поверь, я еще займу немалую часть твоего сердца...

Прижав к моей щеке свою горячую ладонь, Глеб легко поцеловал меня в лоб, и тут-же отстранился, не настаивая на

продолжении.

Прикрыв веки я потерлась щекой о его руку, и все еще не в силах поверить услышанному, произнесла:

– Ты уже ее занял...

Мои слова приободрили парня, и он прижал меня к своей груди. Я не стала противиться, но душа внутри разрывалась на куски от тоски и боли. Ну почему? Почему я не могу по настоящему полюбить его?! Будь ты проклят Хаган!!! Будь проклят за то, что забрал мое сердце!

И все равно я постараюсь привыкнуть к Глебу. К его прикосновениям... Если я могу сделать этого удивительного человека счастливым, то чем это не смысл жизни? Любить и быть любимым – это две равноценные составляющие счастья, и далеко не каждый человек получает и первое и второе. Лучше уж иметь хоть что-то одно, чем и вовсе остаться у разбитого корыта, захлебнувшись в неразделенной любви.

– Клянусь, я очень хочу чтобы мы были вместе. И я очень постараюсь из...

– Да вы верно издеваетесь надо мной?!

Лесную тишину разрезал гневный возглас Хана, наполненный едва сдерживаемой злостью.

ГЛАВА 11

Отпрянув друг от друга, мы с Глебом поднялись на ноги, и стали оглядываться вокруг, пытаясь понять откуда доносятся голос. В итоге обнаружили Хана метрах в десяти от нас, между двумя огромными сросшимися кедрами. Видимо он тоже направлялся на занятие, и услышал наши голоса.

– Это не твое дело, Хан. Иди куда шёл, – твёрдо произнёс Глеб.

– Что ты сказал?! Повтори! – черноволосый неверяще прищурил глаза. Похоже парень и не знал, что друг может дать ему открытый отпор.

Глеб весь напрягся, и по-моему я даже слышала скрежет зубов. Вздернув подбородок, он медленно повторил:

– Я сказал – это не твое дело!

Хан зло усмехнулся.

– Еще как мое. В стане запрещены отношения!

Этого я уже не выдержала... Вырвав свою руку из ладони Глеба, подалась вперед, и сократила расстояние между нами ровно в половину. Выставив перед собой палец, я гневно отчитала:

– Хватит нести чушь! Я была сегодня у твоего отца, и он сказал что наши отношения – это только наше дело и наша ответственность! Мы лишь не должны быть вместе на виду

у всех. Так какого черта ты цепляешься к нам?!

Было видно что я застала парня врасплох. Видимо он не думал, что я решусь рассказать о нас с Глебом Дархану.

Пойманный с поличным, он лишь на долю секунды смутился, и быстро вернул лицу выражение полной невозмутимости.

– Вы ведете себя неосмотрительно! Если вашу интрижку уже ни единожды заметил я, то и другие застанут. Поэтому будьте добры оставить все эти нежности за пределами лагеря, – сосредоточив взгляд на мне, Хан добавил, – Идем, рыжая, у нас занятие. Мне некогда обсуждать ваши любовные похождения.

Услышав это, я сложила руки на груди и дернула бровью, даже не думая двигаться с места. Заметив это, Хан вкрадчиво поинтересовался:

– Хочешь чтобы в следующий раз арахна тебе голову откусила? Нет, если обучение тебе не нужно, то я только рад! Времени свободного больше будет.

Черт... Еще одну встречу с этим чудовищем я без помощи Хана вряд ли переживу.

С силой закусив изнутри щеку чтобы не послать парня куда подальше, я развернулась, и подойдя к Глебу шепнула:

– Мне нужно попасть на занятие...

Глеб согласно покивал головой. Хотя и очевидно было что он расстроен, но виду парень не показывал.

– Иди, я все понимаю. Встретимся позже.

Глеб первым ушел из леса, напоследок легонько чмокнув меня в нос. Постояв несколько секунд, глядя в спину парню, я развернулась, и как на казнь поплелась в сторону поляны, обходя Хана по широкой дуге.

За спиной послышалось раздраженное фырканье. Совсем как у кота, которому сметаны не досталось. Очень наглого и противного кота...

Когда мы пришли на поляну, Хан снова заставил меня обнажить руки и ноги. Сегодня это далось уже чуточку легче. Наверное потому что я совсем забыла про шрамы, снедаемая гневом и злостью.

Подойдя ко мне вплотную, Хан взял мою ладонь и вложил в нее какой-то тяжелый круглый предмет. Это оказалось небольшое выпуклое медное зеркальце, на оборотной стороне которого был выплавлен рисунок, похожий на лабиринт из каких-то знаков.

– Это кузунгу. Я рассказывал о нем на прошлом занятии, помнишь?

Я кивнула, рассматривая зеркало.

– Помню. Эта вещичка поможет мне не оказаться сожратой тварями вроде Арахны.

– Верно. Давай приступим. Раз ты так легко освоила транс, то сегодня попробуешь познакомиться с миром духов.

– Но что это значит?

– Просто прогуляйся. Почувствуй как твое тело ведет себя в потусторонней реальности. Для начала хватит и этого.

– Ладно, – нехотя смирилась я.

Хан тем временем отвернулся, и присев около своего рюкзака, достал из него малюсенький бубен шириной не больше чем в две ладони.

Теперь понятно откуда взялись звуки бубна в прошлый раз. Такого малыша наверно и в кармане можно пронести.

Надев кузунгу на шею поверх кулона из магмы, я опустилась на землю около кострища, и стала ждать когда мой “учитель” разведет огонь. Складывая друг на дружку дрова, он уточнил:

– И кстати... Чтобы вернуться, тебе просто нужно снова шагнуть в костер.

Я молча кивнула, дав понять, что услышала его.

Когда огонь разгорелся, и зов крови был брошен, Хан сел на землю неподалеку от меня, и взяв в руки бубен, начал отбивать ритм. Я же легла и постаралась отключить голову, чтобы войти в состояние транса. В момент когда тело обрело покой, я вновь представила как встаю и шагаю в костер. В этот раз ощущения были те же... Языки пламени на коже, бесконечный полет, нехватка дыхания, и вот я снова в потустороннем мире.

Сегодня мрачно-серый небосвод в обители духов был неспокоен. Темные клочья туч то и дело пронзали молнии. Похоже здесь начинается гроза...

Что удивительно, несмотря на электрические вспышки, не было ни ветра ни грома. Вокруг как обычно стояла звенящая

тишина, которую казалось бы можно потрогать руками.

Бегло оглядевшись вокруг себя, я поднялась на ноги, и отряхнув джинсы, стала думать что делать дальше. Хан сказал, что нужно осмотреться здесь.

Ну ладно, попробуем...

Обойдя поляну вдоль и поперек я отметила что выглядит все вокруг почти также, только вот собственные движения в мире духов получаются куда более плавными, как-будто я иду сквозь толщу воды.

Когда я уже собиралась покинуть поляну и обследовать окрестности, то меня вдруг обдало едва ощутимым порывом ветра, будто кто-то пробежал рядом со мной. Испугавшись что Арахна или другие потусторонние твари почуяли меня, я тревожно заозиралась вокруг.

– Эй, здесь кто-нибудь есть?

Собственный голос в тишине мира духов звучал крайне странно... Будто бы сквозь радиоприемник.

Подождав пару минут, и осознав, что никто мне не ответит, я с досадой пробурчала:

– Ну ты и дура, Кара. И на что только надеялась? Стоишь тут сама с собой болтаешь... Совсем чокнулась.

– Ну почему же, – раздался звонкий женский голос за спиной.

Я резко обернулась, но никого перед собой не увидела.

– Кто здесь? – напряженно спросила, оглядываясь по сторонам.

– А кого ты ждала? – голос звучал теперь с другой стороны.

Вновь повернувшись на звук, я неуверенно промямлила:

– Кого угодно, если у него нет клыков и когтей...

– Ну так смотри... – прошелестело прямо над моим ухом, и кто-то с силой толкнул меня в спину.

Пролетев шагов пять, я уткнулась коленями и ладонями в твердую землю, покрытую колючим сосновым настилом, и тут-же подскочила, зашипев от боли. Посмотрев прямо перед собой, я обомлела...

Буквально в метре от меня выросло дерево. Казалось бы, что необычного? Дерево и дерево... Мало их что ли здесь в лесу? Только вот у этого дерева было женское лицо и фигура. Да... Я тоже сперва подумала, что словила глюки. Но если это и были галлюцинации, то крайне живописные...

Обычно прямой ствол молоденькой сосны, теперь выглядел как стройное женское тело, одетое в мох и кору, а корни на земле стали шлейфом этого дивного наряда. Руки женщины были вздернуты вверх, и представляли собой пушистые ветви, как собственно и ее волосы. Женщина, а точнее молодая девушка, глядя на меня, снисходительно улыбаясь.

– Здравствуйте... – обалдело поздоровалась я.

Девушка улыбнулась еще шире, и произнесла:

– Добро пожаловать, сестра. Мы очень давно ждали тебя. Я хозяйка земли, мать всего живого. У меня много имен, но воплощение едино...

– Рада знакомству... – все еще пребывая в состоянии шока, прошептала я, – А что значит, давно ждали? И почему назвали сестрой?

Улыбка медленно сползла с лица хозяйки земли, и она странным тоном произнесла:

– Всему свое время избранная. Ты все узнаешь. Помни одно – любовь не всегда приносит с собой счастье. От нее страдают даже боги...

Последние слова она произнесла с нескончаемой грустью.

Перевернув в голове последнюю фразу, я подумала о том, что уже слышала ее где-то. Но где...

И в этот момент я оцепенела. Кулон... Кулон под кроватью Хана! Там была эта надпись!!!

– Что вы сказали? От любви страдают даже боги? Что это значит?! Прошу, объясните!

Но богиня земли уже не слушала меня. Она прикрыла веки и в один миг растворилась в дереве. Теперь передо мной стояла обычная сосна.

– Черт! – закричала я, – Вернитесь!! Что вы имели ввиду?!!

Ответом мне была глухая тишина...

Теперь на поляне не было никого кроме меня самой.

Расстроенная и обозленная, я направилась в сторону кюстра, и молча шагнула в огонь. Все равно ловить здесь больше нечего...

Возвращаться обратно кстати было так-же противно, как

и попадать в мир духов.

Со свистом втянув измученными легкими воздух, я распахнула глаза, и вздрогнула от неожиданности, обнаружив над своей головой хмурое лицо Хана. С испугу я дернулась, и конечно же со всей дури врезалась своим лбом в его.

– Ммм... Рыжая, ты убить меня решила?! – простонал Хан, прижав к голове ладонь.

Я приподнялась, и тоже потерла ушибленное место. Судя по припухлости, скоро на лбу вылезет немалая шишка.

– Ой, хватит прибедняться! Твою железобетонную башку так просто не пробьешь. Какого черта ты завис надо мной как коршун над мертвым оленем? Я испугалась до чертиков!

Хан отнял ладонь ото лба, и подал ее мне, помогая подняться. Прямо над левой бровью парня красовалось большое красное пятно. Видать ему тоже нехило досталось. Все еще хмурясь, он ответил:

– Тебя не было восемь часов, Кара. Я уже собирался идти за тобой. Смущало лишь то, что твое состояние было предельно стабильным. Ни дрожи в теле, ни сбитого дыхания, ни метаний... Все говорило о том, что с тобой должно быть все в порядке.

– Восемь часов? – ахнула я, – Но мне показалось, что я пробыла там не больше пятнадцати минут.

Хан пожал плечами.

– Законы времени потустороннего мира неподвластны нам. Порой случаются такие эксцессы. Ладно, главное что с

тобой все нормально. Лучше расскажи о том как все прошло. Арахна больше не появлялась?

– Угу... Не появлялась, – неоднозначно ответила я, – Зато явилась хозяйка земли...

Стоит ли рассказать Хану о том, что я услышала в мире духов, или нет? Как-то не хочется сознаваться, что рылась в его вещах. Хотя... Можно же и не говорить этого! Просто передать слова богини, и посмотреть на его реакцию...

Внимательно всматриваясь в лицо парня, чтобы не пропустить ни единой эмоции, я произнесла:

– Знаешь... Богиня земли сказала мне одну странную фразу. Может быть ты знаешь о чем она говорила? – Хан приподнял брови, выжидающе глядя на меня, – Она назвала меня сестрой, и сказала что от любви страдают даже боги. Ты понимаешь, что это значит?

В глазах парня пронеслась волна ужаса. С силой сжав челюсти, он отвел от меня взгляд, и процедил:

– Без понятия, Кара. Но не советую тебе болтать об этом в лагере. Сочтут за чокнутую. У тебя и так здесь сложилась не самая лучшая репутация, – развернувшись, он подошел к костру, и через плечо бросил, – Отправляйся в лагерь. Мне нужно дождаться пока костер догорит, а тебе стоит отдохнуть перед ужином. Обед мы кстати пропустили, но можешь забежать в столовую, попросить что-нибудь у ребят. Глядишь сжальтятся.

Вот значит как... Не знаешь и говорить не хочешь. Все с

тобой ясно, Хаган. Ну ничего, я и сама узнаю, что ты скрываешь. И главное – как это связано со мной!

Надев обувь и поправив одежду, я не прощаясь покинула поляну, оставив парня в одиночестве. Заходить в столовую не стала – аппетита после посещения мира духов что-то не было совсем... Вместо этого сразу направилась в юрту Лейлы.

Все ребята сейчас были либо на занятиях у озера, либо работали на огороде и в скотниках. Лагерь пустовал, и именно поэтому я решила не откладывать в долгий ящик обыск спального места девушки.

Самое удачное, что Лейла жила по соседству со мной, и если кто-то из ее соседок все же окажется на месте, то я могу оправдаться тем, что просто перепутала юрты. Они же все одинаковые. Сама девушка должна была сегодня весь день работать на конюшнях – это я еще за завтраком узнала от Рины.

Подойдя к крыльцу, я воровато оглянулась и прислушалась. Убедившись в том, что изнутри не доносится голосов или других звуков, мышкой юркнула за дверь. Сейчас я была благодарна Дархану за то, что в стане запрещено запирается.

В помещении царила кромешная темнота, нарушаемая лишь тусклым дневным светом, проникающим внутрь сквозь небольшое окошко.

Черт! И как я в таких потемках хоть что-то разгляжу?

Пришлось на ощупь красться к ближайшему спальному

месту и шарить руками по прикроватной тумбочке в поисках свечи и спичек.

Спустя минуту поисков моя рука наконец наткнулась на небольшой восковой огарок и полупустой спичечный коробок. Едва не взвизгнув от удачи, я быстро чиркнула спичкой и зажгла фитиль. Свеча озарила всю юрту слабым оранжевым светом, и оглядевшись, я поняла, что здесь проживает сразу шесть девушек.

Обстановка крайне отличалась от моего жилища. Если в моей юрте спальное место было хоть как-то отгорожено от остального помещения, то здесь все оказалось гораздо примитивнее. Посередине все так же располагалась небольшая чугунная печка, вокруг которой около стен были расставлены узкие одноместные койки с индивидуальными шторками, тумбочками и небольшими комодами. Да и в целом обстановка здесь была победнее. Ни тебе красивой атласной ткани на стенах, ни шкур на полу... В общем, только нужный для существования функционал.

Внимательно осмотрев все спальные места, я направилась к самой дальней кровати, заметив на тумбочке рядом небольшую фотографию, на которой беспечно улыбалась Лейла, обнимая за плечи кудрявую женщину, очень похожую на нее.

Один из ящиков тумбочки оказался слегка выдвинут, будто бы девушка в спешке не успела закрыть его до конца. Прикоснувшись пальцами к небольшой круглой ручке, я дернула

ее на себя, и мне тут же открылось содержимое ящичка.

Свечи, спички, расческа, несколько заколок, зеркальце, и еще целая куча девичьего барахла. В самом дальнем углу лежал какой-то небольшой тканевый сверток. Вытащив его на свет, я развернула ткань, которая оказалась ни чем иным как салфетка из нашей столовой. Внутри находится маленький стеклянный бутылек, на стенках которого находились остатки какой-то вязкой, слегка желтоватой жидкости.

Неужели это оно?

ГЛАВА 12

Откупорив пробку, я понюхала содержимое, и не почувствовав абсолютно никакого запаха, слегка прикоснулась кончиком языка к пробке. Ощувив нестерпимую горечь, тут же сплюнула с языка змеиный яд, и закрыв бутылек, обернула его тканью и убрала обратно в тумбочку. Пусть Хан сам посмотрит на это и убедится в том, что его Лели не такая уж и святая!

Погасив свечу и вернув ее на место, я пулей выскочила из юрты, и направилась к Хану, надеясь на то, что он уже вернулся в лагерь.

Без стука вломившись в его жилище, я с порога заявила:
– Это Лейла пыталась отравить меня! Я была права, Хан!
– Ну и с чего ты это взяла?– с полным раздражения вздохом, спросил он.

Было видно, что гостей Хан не ждал, и моему приходу оказался не особо рад. Медленно поднявшись с постели, он оставил на прикроватную тумбочку большую фляжку, перед этим сделав из нее несколько глотков. Судя по помутневшему взгляду, парень был не совсем трезв.

Подойдя ко мне шаткой походкой, он остановился буквально в полушаге, и склонившись надо мной, обдал щеку горячим дыханием с терпким запахом алкоголя, произнеся:

– Прекрати обвинять Лели во всех грехах.

Стараясь не обращать внимания на состояние парня, я терпеливо процедила:

– Не веришь мне, так полюбуйся сам. В ее тумбочке лежит бутылек из под яда!

– Ты что, рылась в ее вещах? – будто бы не слыша о чем я ему только что сообщила, возмутился Хан.

Не выдержав, я рявкнула на него:

– Ты вообще понял о чем я говорю?! Твоя Лели и есть отравительница! Какая вообще разница как я об этом узнала?!

В глазах парня промелькнуло смятение.

– Хорошо. Допустим ты права. Но что ты предлагаешь? Тоже пойти порыться в ее вещах? Парням запрещено без причины посещать женские комнаты.

Я раздраженно закатила глаза со словами:

– Именно поэтому ты каждый божий день ошиваешься в моей юрте! Ладно, сейчас не об этом. Нельзя прийти просто так, значит придумай причину! Давай расскажем о покушении, и устроим открытый обыск.

Хан нахмурился, видимо сомневаясь в том, что это хорошая идея, но в итоге выдал:

– Хорошо. Через час все начнут возвращаться в лагерь к ужину, и я созову общее собрание. На нем и объявлю об обыске.

Я облегченно кивнула, и уточнила:

– Только Дархана предупреди заранее обо всем. Его присутствие только больше волнений у всех вызовет.

Хан согласился со мной, и на этом мы распрощались.

Вернувшись к себе, я начала метаться из угла в угол, считая минуты до собрания. Когда над лагерем пронеслись три громких удара бубна, и послышался голос Хана, я едва ли не первой выскочила наружу.

Хаган стоял у центрального кострища, держа в руках огромный круглый бубен. Когда все ребята покинули юрты, он окинул толпу взглядом, и сказал:

– Я собрал вас здесь далеко не по самому радужному поводу. Вчера вечером на одну из учениц лагеря было совершено покушение. Кто-то пытался отравить ее змеиным ядом, – по толпе пронесся ошеломленный шепот, – Именно поэтому мне придется провести обыск в ваших юртах.

Кто-то из ребят пытался возмутиться таким раскладом, но когда в его сторону был брошен тяжелый напряженный взгляд Хана, все недовольство тут-же прекратилось.

Не сказав больше ни слова, Хан оставил бубен у костра, и сразу же направился к юрте Лейлы. Заметив это, девушка тут-же перегородила ему дорогу, и неверяще спросила:

– Ты что, правда будешь рыться в наших вещах?

Глядя на нее все еще слегка хмельным взглядом, он жестко изрек:

– Правила для всех одинаковы, Лейла. Не мешай мне делать свою работу.

В глазах девушки встали слезы, но она молча сделала шаг в сторону, позволяя Хану зайти в ее жилище.

Парень вернулся через несколько минут, зажав в руке уже знакомый мне бутылек. Грозно нависнув над Лейлой, он при всех спросил ее:

– Что это? Ни о чем не хочешь мне рассказать?

Девушка сначала непонимающе смотрела на стеклянную емкость, будто бы не узнавая, а потом шокировано прошептала:

– Но это не мое, Хан... Клянусь! Меня просто кто-то подставил!!! Да, подставил! – найдя меня взглядом в толпе, она ткнула в мою сторону пальцем, и с ненавистью воскликнула, – Да это же явно новенькая! Скажи, это она тебе наплела про нападение? Да она же врет!!!

Хан лишь печально покачал головой, будто бы впервые видя девушку. Взяв за локоть, он повел ее в сторону юрты отца. Народ, все это время молча наблюдающий за разыгравшейся перед их глазами сценой, начал сбиваться в группки, обсуждая случившееся.

В этот момент ко мне приблизился Глеб.

– Кара, прошу, скажи, что это не тебя Лейла пыталась вчера отравить, – взволнованно произнес парень.

Я остановилась, и повернувшись к нему, обессиленным голосом сказала:

– Прошу, Глеб, давай поговорим об этом завтра. Я обещаю, что все тебе расскажу. Просто сейчас у меня правда

нету на это сил.

В глазах парня мелькнул проблеск обиды, но он ничего не сказал, и лишь кивнув, и едва заметно коснувшись большим пальцем руки моей ладони, направился в сторону столовой.

Ну а я молча поплелась в свою юрту, чувствуя себя как выжатый до предела лимон.

Все получилось... Правда восторжествовала. Тогда почему же на душе так паршиво?

Едва перешагнув порог своего жилища, я тут-же развернулась, и быстрым шагом направилась вслед за Ханом и Лейлой. Догнав их буквально в нескольких шагах от юрты Дархана, я воскликнула:

– Стой, Хан! Не надо!

Парень остановился, и развернулся в мою сторону, выпустив локоть Лейлы.

– Что не надо, Кара? – недовольно спросил он.

Сбившимся от быстрого шага голосом я ответила:

– Не веди ее к отцу. Она уже получила достаточное наказание тем, что все узнали о ее поступке.

Оставив Лейлу за своей спиной, Хан приблизился ко мне, и тихо поинтересовался:

– Ты издеваешься? Сама же хотела вывести ее на чистую воду. И я сделал все о чем ты просила, а теперь идешь на попятную?

Я отвела глаза, не в силах терпеть его тяжелый мрачный взгляд, и так-же тихо ответила:

– Я была не права... Нужно было сделать все тихо, чтобы никто не узнал. Мне вообще стоило разобраться с ней самостоятельно, – Хан неодобрительно цокнул языком, и я поспешила добавить, – Прощу, Хан... Давай просто забудем об этой истории. Вряд ли она теперь решится на что-то подобное.

Лейла, все это время молча ожидавшая за спиной Хана, вдруг подала голос:

– Ты что правда ей веришь?! Да она просто боится что вскроется настоящая правда о том, что на самом деле никто ее и не травил! Я ни в чем не виновата, Хан! Ты же меня знаешь!

– Я уже ни в чем не уверен... – безэмоционально произнес он, и резко развернувшись, ушел, оставив нас с Лейлой вдвоем.

Я мысленно выдохнула, осознав, что Хан прислушался ко мне. Теперь я не буду мучиться и не спать по ночам, думая о том, что разрушила Лейле жизнь.

Я уже собиралась уходить, но девушка вдруг дернула меня за руку и прошипела:

– Тебе это с рук не сойдет! Решила опорочить меня в глазах Хана? Не выйдет! Я еще всем докажу какая ты мерзкая лгунья!!!

Я непонимающе уставилась на нее.

– Хватит спектакля, Лейла. Мы здесь одни, можешь прекращать разыгрывать из себя святую невинность. Мы обе

знаем, что это ты пыталась отравить меня вчера.

Лейла раздраженно закатила глаза.

– Это ты прекращай! Я не позволю так унижать себя больше, уж поверь мне!

Девушка развернулась и тоже ушла.

И что это было? К чему ей скрывать все наедине со мной? Здесь только два варианта: либо она гораздо хитрее чем я думаю, либо...

Либо я ошиблась, и Лейлу действительно кто-то подставил. Но кто? Кому еще я перешла дорогу?

Понимая, что моя голова сейчас взорвется от всех этих мыслей, я направилась в сторону озера. Вода всегда успокаивала меня в тяжелые минуты.

Оказавшись у водоема, я присела на каменистый берег, и стала наблюдать за тем, как в спокойной водной глади отражается луна, совсем недавно занявшая свое законное место на небосводе.

Не знаю сколько я просидела так, но вскоре вслед за луной в воде начали отражаться и звезды. Множество звезд, которые складывались в большую сияющую дорожку под названием млечный путь. Завороженная этой красотой, я не сразу поняла, что нахожусь на озере не одна. Лишь услышав тихий всплеск воды неподалеку, вздрогнула, и повернув голову влево, увидела Хана, заходящего в озеро.

Я прекрасно видела парня, а вот он меня нет... Неподалеку от воды на берегу стоял большой валун, около которого

я и сидела, привалившись спиной к прохладной гладкой поверхности. Камень полностью скрывал меня от его взора.

Не сдержавшись, я слегка подалась вперед, и стала наблюдать за тем как парень заходит в ледяную воду. В лунном свете его кожа сияла так, будто в ней тоже нашли свое отражение звезды.

Не знаю, чем я думала, подглядывая за Хаганом, но мне просто не удавалось оторвать от него глаз...

Зайдя в водоем по пояс, парень на секунду остановился, а потом нырнул в воду с головой. Прошла минута, две... А его все не было. Не на шутку перепугавшись, я подскочила на ноги, и стала метаться по берегу, выглядывая мужскую фигуру в темной водной глади.

Какого черта он решил купаться ночью в ледяном озере, да еще и пьяным?!

Прикинув, что сам он уже явно не сможет выбраться, быстро скинула кроссовки, и постаравшись отбросить все страхи, почти бегом направилась в воду. Когда мои ступни коснулись холодной воды, я вдруг почувствовала как взлетаю в воздух. С визгом приземлившись животом на голое плечо Хана, который за то время пока я высматривала его в воде, уже успел надеть штаны, я замолотила его кулаками по спине, зашипев:

– Я думала ты утонул!!! Какого черта, Хан?! Разве можно так пугать?!!! А если бы я успела нырнуть за тобой?! Между прочим я очень плохо плаваю, и моя нелепая смерть была бы

на твоей совести!!! Гад!

Когда поток моих возмущений и оскорблений иссяк, Хан опустил меня на землю около того же валуна, и приблизив вплотную свое лицо, с хмельной полуулыбкой спросил:

– Значит ты готова была кинуться меня спасать, даже не смотря на то, что почти не умеешь плавать?

От взгляда парня мне вдруг стало жарко, даже несмотря на то, что с его длинных волос на мою одежду текли холодные потоки воды. Склонив голову набок, он провел большим пальцем по моей нижней губе, слегка надавив на нее, и хриплым голосом произнес,

– Даже сейчас будешь настаивать на том, что влюблена в Глеба? Он же и мизинца твоего не стоит...

– А кто стоит? – прошептала я, дрожа всем телом. .

Хан покачал головой.

– Никто, рыжая. И особенно я...

После этого, он с хриплым стоном приник к моим губам, как можно сильнее жимаю талию в свое тело.

Я должна! Должна была оттолкнуть его! Но не смогла... Его поцелуи возносили меня на небеса, и тут-же с высоты роняли на землю, не позволяя сознанию опомниться в этой дикой круговерти.

– Ненавижу тебя... – единственное, что я смогла прошептать, когда Хан высвободив мои губы, приник поцелуем к шее.

– И я ненавижу... Ненавижу весь мир за то, что не позво-

ляет мне быть с тобой...

После этих слов, поцелуи Хана стали настолько жгучими, что кожа на шее начала ныть. Но от этого я лишь еще больше взмолилась про себя о том, чтобы он не прекращал.

Когда мужская ладонь опустилась на мою грудь, я выгнулась дугой, со стоном прошептав его имя. Приняв это за зеленый свет, Хан подхватил меня второй рукой под бедра, и уложив на землю, прижался всем телом.

С ним меня не смущало ни то, что поцелуи касаются обожженной кожи, ни то, что под тонкой клетчатой рубашкой совсем не было белья. Я просто тонула в жарких объятиях, глуша голос совести, который неизменно кричал:

“Что ты творишь, Кара??? А как же Глеб...”

И лишь поняв, насколько сильно от парня пахнет алкоголем, я очнулась, подумав о том, что на утро он вероятно даже и не вспомнит как целовал меня.

– Хан, – нехотя окликнула я, выставив между нашими телами свои ладони, – Нам не стоит этого делать...

– Почему? – не отрывая губ от моих ключиц, как в полубреду спросил он.

Увернувшись от очередного поцелуя, с трудом выскользнула из под его тяжелого полуобнаженного тела, и поднявшись на ноги, сказала:

– Во-первых, ты пьян. А во-вторых, это просто неправильно... Я с Глебом, и ты знаешь это, – я постаралась вложить в голос как можно больше уверенности в том, о чем говорю.

Хан оттолкнулся рукой от валуна, и пошатываясь тоже встал. Сквозь сбившееся дыхание, он процедил:

– С Глебом... И именно поэтому ты сейчас позволяла себя целовать, да? Ты хоть самой себе можешь не врать?! Ты же никогда его не полюбишь... К чему мучить и себя и парня?

Из моих глаз побежали горькие слезы, и не сдержавшись я вскрикнула:

– Да! Да, ты прав! Я не люблю его! Каждый раз когда он целует меня, перед глазами стоит твое лицо, и именно за это я ненавижу тебя!!! – едва дыша, я сквозь беспрестанно льющиеся слезы шепотом закончила, – Ненавижу за то, что мое сердце занял ты, а не он...

Утерев рукавом слезы, и поправив сбившуюся одежду, я уже более спокойным голосом на прощание сказала:

– Но это не отменяет того, что он меня любит. И я пойду на что угодно, чтобы сделать Глеба счастливым. Потому что он этого достоин! И если ты еще хоть раз притронешься ко мне, то пеняй на себя... Того что произошло сегодня, я больше не допущу.

С каждым моим словом лицо Хана превращалось в каменную маску, отражающую его гнев и недовольство.

Едва сдерживая истерику, я дрожащим голосом прошептала:

– Прощай, Хан...

После этого развернулась, и бросилась в сторону лагеря, с силой закусив ладонь, чтобы в голос не разрыдаться.

ГЛАВА 13

Шаг, второй, третий...

Я уже полчаса топталась около деревьев, не решаясь подойти к поляне на которой проходили занятия. Я даже не знала, придет ли сам Хан сегодня, но прекрасно понимала, что если увижу его, то уже не смогу вести себя как прежде... Но и обучение бросать тоже было нельзя. Хотя бы для того, чтобы разузнать о тех странных словах хозяйки земли.

После того как сбежала с озера, я всю ночь не спала, не в силах остановить потоки слез. Хотелось жалеть и оправдывать себя, но я понимала, что во всем виновата сама. Я ощущала себя настолько грязной и мерзкой, что все же решила рассказать обо всем Глебу, как только представится случай. Он не заслуживает измен и обмана... Скажу ему все как есть, и будь что будет!

Ну вот, Кара, ты и обрекла себя на одиночество, упустив шанс быть с человеком, который искренне любит тебя...

О том, что вчера говорил Хан, я и вовсе старалась не думать, понимая, что это просто пьяные бредни.

С первыми лучами солнца я подскочила с постели, и наспех умывшись, отправилась в столовую еще до первого сигнала горна, надеясь на то, что смогу позавтракать до того, как придут остальные ребята. Не хотелось, чтобы все видели

мое зареванное припухшее лицо.

Мне повезло. Столы уже были накрыты, а в столовой находилась только одна девчонка из младшей группы, раскладывая по корзинкам хлеб. Опустив голову как можно ниже, я кивком поздоровалась с ней, и присев на свое место, стала быстро уплетать омлет, раздумывая о том, что тоже пора бы включаться в дежурства. Съев все до последней крошки, я вышла из-за стола, и покинула столовую с первым сигналом к подъему.

В теории, после завтрака мне предстояло очередное занятие с Ханом. Но я все серьезнее задумывалась о том, что вчерашней речью оборвала свое обучение раз и навсегда...

Придя к лесу, я спряталась среди корней огромного старого дуба. и стала ожидать окончания завтрака. Когда проленькие часики на запястье указали на то, что мне пора идти, если все еще надеюсь на то, что занятие состоится, я собравшись с духом встала, но так и не могла сделать ни шага в сторону поляны...

Так и металась между деревьями, пока не услышала неподалеку звуки варгана.

Хан... Это явно был он.

Топнув ногой и зарывав от безысходности и злости на саму себя, я все же потопала на занятие.

Из-за того, что забралась в самую глубь леса, пришлось пробираться на поляну с другой стороны, продираясь сквозь колючие кусты, и высокую траву. Когда я вся потрепанная

вылезла из леса, Хан уже успел отложить варган, и начал разжигать костер.

Даже не повернувшись в мою сторону, он ровным голосом спросил:

– Пришла все-таки? Ну проходи, раз пришла...

Почти до крови закусив нижнюю губу, чтобы вновь не пуститься в слезы, я шагнула к костру, и сама подхватила с земли нож, чтобы сделать на ладони надрез для зова крови. Заметив это, Хан выхватил острый предмет из моей руки, и гневно отчитал:

– С ума сошла?! Кто делает надрез около запястья? Если решила истечь кровью, то пожалуйста не в моей компании.

Быстро ткнув острием в мой указательный палец, он протянул руку над огнем, позволив алым каплям с шипением упасть на раскаленные угли. Потом Хан проделал те же манипуляции со своей рукой.

– Зачем это? – не поняла я.

– Сегодня отправимся за грань вместе. Ты вчера слишком долго была в мире духов. Если такое повторится, то начнется нервное истощение. В этот раз я буду контролировать все сам, и заодно мы поучимся переноситься в другие места.

Я нахмурилась.

– Чего?.. В какие еще места, и как это вообще понимать?

Взглянув на меня в упор, Хан изрек:

– Терпение, Кара. Я все объясню, когда мы окажемся в мире духов.

Ох, что-то мне не нравится все это...

Тем не менее мне все же пришлось делать так как сказал Хан.

Прежде чем отправиться за грань, он заставил меня снять с шеи подвеску из магмы, и замотал ее вокруг наших запястий, соединив их воедино. Сегодня пришлось обходиться без помощи бубна, поэтому мы сразу легли на землю рядом друг с другом.

Расслабляться и входить в состояние транса, когда моей ладони касается рука Хана, это оказалось не то что сложно... Скорее почти нереально. Мне кажется я целый час провалялась, выкидывая из головы целую кучу не самых радужных мыслей, прежде чем смогла войти в более менее спокойное состояние, и наконец-то шагнуть в огонь.

Когда полет прекратился, и я распахнула глаза, то осознала, что Хан в отличие от меня, уже давным давно пребывает в мире духов. Это было понятно по одному его скучающему виду, с которым он подкидывал в воздух сосновую шишку, откинувшись спиной на высокое дерево.

– Что-то ты долго, – с укором выдал он, увидев, что я пришла в себя.

– Не могла сосредоточиться, – не стала скрывать я.

Ничего не сказав, парень оторвался от сосны, и поманил меня к себе рукой.

– Помнишь, когда мы везли тебя в стан, видели висячий камень?

Я коротко кивнула, не понимая к чему он клонит.

– Попробуем перенестись на это место. Закрой глаза.

Я послушно подчинилась, хоть и не совсем понимала как смогу оказаться там.

Хан обхватил мои запястья, и продолжил:

– Представь это место как можно более подробно. Буквально каждую деталь, которую вспомнишь. Вообрази, как стоишь на скале около камня... Представь, что тебе очень нужно попасть в это место... Возжелай этого каждой клеточкой тела.

Постаравшись выкинуть из головы все лишние мысли, я представила все о чем сказал Хан, благо, что воображение у меня было хорошее.

– Ну и что? – спустя пару минут, не сдержавшись, раздраженно сказала я, – Ничего не получилось. Это бред какой-то! Ты вообще уверен, что это именно так действует? Может какое заклинание нужно?

Над ухом послышался снисходительный смешок.

– А ты глаза открой, рыжая.

Фыркнув, я распахнула веки, и увидев то, что простиралось передо мной, ахнула. Мы стояли на самом краю скалы, а справа от нас зацепившись за ее кромку почти парил висячий камень!

– Но как... – не веря своим глазам, прошептала я.

Хан отпустил мои запястья, и встав прямо за спиной, произнес:

– За гранью возможно все, Кара. Путешествия в любые места, самые экзотические блюда и вещи. Но есть один нюанс... Ты не получишь от всего этого ни капли удовольствия. В мире духов нет места чувствам, потому что мы не его часть... – слегка приобняв меня со спины, Хан провел своей ладонью по телу вверх, и остановился у ключиц, – Вот видишь, даже мои прикосновения не вызывают в тебе былой дрожи, потому что все чувства и эмоции остались в нашем мире, привязанные к твоему телу...

Нет места чувствам...

Тогда почему же у меня голова кружится от твоих прикосновений, и очень хочется чтобы ты никогда не останавливался? – отчаянно подумала я.

Я чувствовала абсолютно все... Восторг от того, где оказалась, удивление тем фактом, что смогла это сделать. А главное, что и в мире духов чертovo сердце тоскливо сжималось от неразделенной любви и мыслей о том, что прикосновения Хана, это лишь очередной вариант издевки...

Убрав руку, парень сделал шаг назад, и вместо тепла его тела, я вновь ощутила лишь холод одиночества. Чтобы хоть как-то согреться, мне пришлось обхватить себя руками.

Я не стала сознаваться в том, что законы мира духов на меня не действуют. Просто не хотела, чтобы он знал насколько сильно я в нем нуждаюсь.

Затолкав всю горечь куда подальше, до боли зажмурила глаза, чтобы не дать волю слезам, и спросила:

– К чему тогда вообще все эти путешествия в мире духов, если нельзя ими насладиться?

– Чтобы видеть истину... – Хан вышел из-за моей спины, и встал на самый край обрыва, оперевшись рукой о ви- сячий камень, – Наш мир не отражает всего, что существует за невидимой гранью... Подойди.

Сделав несколько осторожных шажков в его сторону, я приподнялась на носочки, и выглянув из-за руки Хана, про- сто не поверила своим глазам.

Там внизу, вдалеке, простиралось радужное озеро. На са- мом его дне, занимая почти всю площадь водного простран- ства лежала молодая девушка, свернувшись в позе эмбрио- на. Даже с такой высоты легко можно было рассмотреть ее длинные черные волосы, местами сливающиеся с тиной, бе- лоснежную кожу, в которой отражались темные клочья туч, и старинные одежды, украшенные огромным множеством зо- лотых монет, нисколько не помутневших в воде за долгие годы.

– Кто это?.. – спросила едва дыша.

Хан опустился на землю, свесив ноги над обрывом, кив- нул на место рядом, приглашая присесть вместе с ним, и спросил:

– Ты знаешь легенду о спящем Саяне?

Приняв приглашение, я тоже села на землю, но ноги спус- кать вниз не стала.

– Мне кажется ее знают все, – пожав плечами, ответила я.

Глядя куда-то вдаль, Хан неоднозначно усмехнулся, и выдал:

– История, которую гиды повсеместно рассказывают туристам не совсем верна. Точнее в ней кое-чего не хватает. Мы знаем, что Саян охранял эти земли, и после смерти боги решили обратить его в камень, чтобы он вечно стерег свои владения. Ну и конечно висячий камень... Если он упадет в радужное озеро, то брызги разбудят спящего Саяна – вот о чем говорится в легендах. Но почему же никто не задается вопросами о том, как погиб великий Саян, откуда взялся сам висячий камень, и почему именно брызги радужного озера разбудят хозяина тайги? С прошествием времени большая часть предания была утрачена, поэтому в наши дни почти никто не знает, как все происходило на самом деле...

Я как замороженная слушала Хана, ловя каждое его слово.

– Начало истории было положено в Монголии, примерно в семнадцатом веке. В то время там жил Ерден, темный шаман и великий монгольский завоеватель. Он захватил многие земли, но не ради территорий, а для того чтобы впитать в себя силу этих мест, и стать самым великим шаманом. Бесмертным шаманом. Везде где ступала нога Ердена, природа гибла, отдавая ему свою энергию и магическую силу. Однажды темный шаман прослышал про Ергаки, про то что на всем белом свете не найдется места сильнее. Ерден тут-же возжелал завладеть этой силой, мечтая о том, что Ергаки станут последним шагом к его бескрайнему могуществу и веч-

ной жизни. Он не знал только одного... Великие горы охраняет великий богатырь. Саян. Ерден снарядил свое войско и направился к Ергакам, предвкушая как это место сделает его великим. Но увы, все оказалось не так просто... Саян встретил его отпором. Впервые за всю свою жизнь темный шаман проиграл битву... Не единожды Ерден возвращался в Ергаки, но каждый раз ему приходилось возвращаться восвояси с поджатым хвостом. Даже его, накопленная годами магия не могла сравниться с могуществом хозяина тайги. Когда Ерден наконец признал, что не может победить Саяна с тем, что у него имеется, то начал готовиться к последней битве. Теперь темный шаман забирал силу не только у природы, но и у людей... Он разыскивал более слабых шаманов и убивал их, вместе с жизнью забирая и магию. И вот прошло несколько лет, и Ерден вновь вернулся в Ергаки. Темный шаман и хозяин тайги сошлись в жестокой схватке, которую в этот раз они вели на равных. Только представь себе... Семь веков назад именно на этой скале погиб великий Саян.

– Так получается Ерден победил...

Хан медленно покачал головой.

– Нет, Кара, нет... У темного шамана была младшая сестра – Солонго. Одна из самых красивых дев его улуса. Ерден и Солонго были очень близки, поэтому в каждом походе, сестра была рядом, тщательно охраняемая лучшими воинами. Но когда Ерден обезумел от навязчивой идеи захватить Ергаки, он совсем забыл про сестру, и та сбежала, не желая

жить под опекой жуткого убийцы, которым стал ее родной брат. Как ты уже знаешь, последняя битва Саяна и Ердена проходила прямо здесь. В момент когда схватка была в самом разгаре, на скале появилась Солонго. Хоть девушка и не имела сил брата, но она очень верила в духов... Собрав всю волю, Солонго взмолилась богам, чтобы они остановили двух самых родных ей мужчин, которые в одночасье стали друг-другу врагами. Боги услышали Солонго, земля затряслась, и с самой верхушки скалы сорвался огромный камень. Он покатился вниз и завис на краю обрыва, разделив мужчин по разным сторонам. Заплакав от облегчения, Солонго упала на колени, и стала умолять брата прекратить вражду, и не убивать ее любимого. Ее Саяна... Услышав это, Ерден совсем обезумел. Он бросился к сестре, желая наказать ее за предательство и связь с его врагом. Испугавшись, что брат в порыве безумия убьет ее, девушка побежала к обрыву, чтобы спрятаться за спиной любимого. Опасаясь за жизнь Солонго, Саян начал говорить темному шаману, что любит его сестру, рассказал о том, что они познакомились, еще когда Ерден пришел в Ергаки в самый первый раз. Хозяин тайги твердил, что хочет счастья для Солонго и вовсе не желает вражды, но не может позволить Ерденоу погубить Ергаки. Вот только темному шаману было уже плевать на все эти слова... Предательство родной сестры только добавило ему сил для того, чтобы избавиться от Саяна. С диким криком он бросился на возлюбленного сестры, чтобы закончить начатое, но

и Саян не пожелал сдаться. Пока мужчины бились в неистовый схватке, Солонго молча глотала слезы, понимая, что живым с этой скалы сможет спуститься только один из них... Собрал все свои силы, Ердэн призвал на помощь ветер, и обрушил на Саяна целый ураган. Хозяин тайги выстоял... А вот его возлюбленная нет. Солонго раненной птицей полетела вниз со скалы. Забыв про бой, Саян склонился над обрывом, и увидел внизу изувеченное тело Солонго. Хозяин тайги был безутешен, сотрясаясь от слез и горечи потери. Он так любил эту девушку, что даже забыл про врага за своей спиной. Но нет, Саян погиб не от руки Ердэна... Он умер от горя, бросившись вниз со скалы вслед за любимой. И даже боги плакали в эту минуту, глядя на двух влюбленных, обретших покой в этих горах. Они очень хотели вернуть их к жизни, но даже высшие силы не способны на воскрешение... Поэтому они обратили великого Саяна в камень, сделав его вечным хранителем Ергак, а Солонго в озеро, позволив любящим сердцам всегда быть рядом... Солонго в переводе с монгольского означает радуга – именно поэтому озеро зовется радужным, Кара.

– Брызги радужного озера – это слезы Солонго... – закончила я за Хана, – И лишь они разбудят спящего Саяна, если висячий камень все-же сорвется в воду... Подожди... – опешила я, – Так ты допускаешь, что легенда о спящем Саяне – это правда?

– Я не допускаю, Кара. Я точно это знаю... Вставай. Нам

нужно возвращаться.

Парень поднялся на ноги, и я тут-же вскочила вслед за ним.

– Подожди. Но как-же Ерден? Он ведь так и не смог погубить Ераки?

– Нет. Последняя битва отняла у темного шамана все силы, и он оказался на грани смерти. Остаток жизни Ерден провел абсолютно лишенным магии.

Хан не хотел больше говорить о легендах, и я не стала настаивать, молча позволив вновь взять себя за запястья.

– Теперь я должна представить, как возвращаюсь на поляну, да?

Хан коротко кивнул, и мы одновременно прикрыли глаза. Вернувшись к костру парень сразу же шагнул в огонь, и мне не осталось ничего иного, как последовать за ним.

Легенда о Саяне – настоящая легенда, которую рассказал Хан, произвела на меня неизгладимое впечатление. Кто бы мог подумать, какая печальная история на самом деле скрывается за простеньким сказанием о хозяине тайги...

Легенда все не отпускала мои мысли, и поэтому, как только мы вернулись в свой мир, я все же не сдержалась, и полезла к Хану с расспросами.

– Слушай, а откуда ты сам узнал об этом сказании?

Складывая вещи обратно в заплечный мешок, Хан невольно поморщился, и возвел взгляд к небу.

– Господи, да ты мертвого своим любопытством доста-

нешь! – закинув мешок на плечо, парень выпрямился, и глядя на меня в упор, бросил, – Эта легенда уже много поколений рассказывается в нашей семье. Не знаю... Может быть один из моих предков был воином Ердена, или еще что-нибудь. Довольна?

Не совсем, если честно... Но вслух я этого конечно же не сказала.

ГЛАВА 14

После занятия мы с Ханом оба пошли на обед. Там я и встретила с Глебом, которого судя по восторженному выражению лица так и подмывало мне что-то сказать. Вскоре парень не выдержал, и едва заметно дернув меня за рукав под столом, шепнул:

– После обеда приходи к загону для лошадей. Мне очень нужно тебе кое-что рассказать.

Я лишь кивнула и недоумевающе пожала плечами, совсем не представляя о чем может пойти речь. Радовало только то, что настрой парня был слишком радостным для плохих вестей.

Глеб первым вышел из-за стола и скрылся в направлении скотников. Я же быстро покончила со своей порцией томатного супа, и выдвинулась вслед за ним, кивнув на прощание девчонкам и Хану, который кстати обедал сегодня в одиночестве. Лейла все это время сидела на противоположном конце стола, скрывая заплаканное лицо под длинными кудрями.

На самом деле сейчас мне было искренне жаль ее... Просто раньше я не знала, что такое неразделенные чувства. По сути нас различало только то, что она всеми силами пыталась бороться за свою любовь, а я вместо этого решила быть не

с тем кому принадлежит мое сердце, но с тем кто несмотря ни на что искренне любит меня. Вот только, к сожалению, и здесь я не смогла удержать свой шанс на счастливое будущее...

Погруженная в невеселые мысли я и сама не заметила как подошла к высокой деревянной калитке, ведущей в загон. Тряхнув головой, чтобы вернуться в реальность, я заглянула к лошадам, но Глеба там не обнаружила. Немного побродила среди животных, погладив Бони с Сириусом, и подумала, что вероятно просто неправильно поняла парня.

Покинув загон, немного притормозила около хозяйственной пристройки, в которой хранились корма для животных, и подумала – “Вот и что мне делать? Подождать еще или идти обратно?”.

В этот момент чья-то рука высунулась из-за угла постройки, и схватив меня за предплечье, дернула к себе.

Благодаря событиям последних дней, первое что мне пришло в голову – это то что меня снова пытаются убить. Ведь все еще не ясно, была ли Лейла отравителем...

Забившись в стальном кольце чьих-то сильных рук, я набрала полные легкие воздуха, чтобы закричать что есть силы, но мне тут-же зажали рот ладонью. Не придумав ничего лучше, я в тот же момент со всей дури вцепилась в нее зубами. За спиной раздалось шипение, и послышался голос Глеба:

– Кара! Какого черта?!?! Ты мне руку чуть не прокусила!

Осознав, что попытка убийства отменяется, я сперва облегченно выдохнула, а потом накинулась на парня:

– Если ты не перестанешь так пугать меня, я тебе еще не то откушу! Что за привычка так подкрадываться?!

Глеб насмешливо вздернул бровь, все еще потирая укушенную конечность, и мне наконец стало понятно, насколько странно прозвучала моя предпоследняя фраза.

Тряхнув волосами, я отвела взгляд в сторону, чтобы снова не покраснеть.

– Ладно, это не важно... Как твоя рука?

Глеб кончиками пальцев подцепил мой подбородок, и заставил повернуть голову обратно, соответственно посмотрев на него. Прижав вторую ладонь к моей щеке, он слегка посмеиваясь прошептал:

– Буду хранить эти шрамы до конца жизни.

На это я фыркнула и закатила глаза.

– Сбавь обороты Дон Жуан. Давай лучше рассказывай зачем позвал.

Глаза парня вновь восторженно засияли.

– Сегодня вечером я пройду обряд объединения со стихией, и если все пройдет хорошо, то на рассвете Дархан проведет посвящение! На этом мое обучение считается оконченным, – торжественно-радостным голосом объявил Глеб.

– Что?.. – для меня эта новость стала громом среди ясного неба, – Но как же... Как же мы с тобой...

– Не переживай! Я говорил сегодня с Дарханом. Он ска-

зал, что ты делаешь феноменальные успехи в обучении, и скорее всего в течении пары месяцев тоже будешь готова к посвящению. За это время я съезжу домой, расскажу родным о нас, и за тобой вернусь! Мне от отца достался небольшой домик в деревне неподалеку от Ергак, мы сможем жить там! – глаза парня горели счастливым огнем, пока он говорил об этом, – Только представь! Мы, вдвоем, в своем доме, и никто больше не станет нам мешать!

Не зная, что сказать, я лишь растерянно хлопала глазами, слушая как Глеб рассуждает о планах на наше совместное будущее.

Не слишком ли это все быстро...

Увидев мое замешательство, парень слегка поумерил пыл, и более спокойным голосом добавил:

– Я знаю, что все это слишком неожиданно и звучит чересчур настойчиво... Но я не предлагаю тебе сходу жениться или заводить детей. Мы просто будем рядом друг с другом, постараемся понять сможем ли и дальше по жизни идти вместе рука об руку. В конце концов, тебе ведь все равно некуда отправиться после стана...

Действительно...

Вот только как я сейчас ему скажу о том, что происходит между нами с Ханом?

Увидев, что мой настрой не изменился, Глеб нахмурился, и в глазах парня засквозило огорчение.

Боже, Кара, какая же ты идиотка! Для него сегодняшний

день стал огромным праздником, а ты портишь все...

Натянув на губы улыбку пошире, я с радостным писком бросилась парню на шею, и прошептала:

– Я так рада за тебя! Прости, просто я сразу начала думать о том, что нам придется расстаться раз ты уезжаешь.

Глеб обнял меня в ответ.

– Конечно нет. Нет...

Слегка отодвинувшись, я спросила:

– А мне нельзя будет посмотреть на посвящение? – для большего эффекта пришлось соорудить умоляющую моську, – Ну хоть одним глазком?

– Прости, но к сожалению нет. Правила тут устанавливаю не я, – парень пожал плечами, – Таинство посвящения доступно лишь Дархану и самому посвященному. Даже Хан не имеет права присутствовать на нем. Но зато обряд единения со стихией может посетить любой ученик стана.

– Ну и ладно, не так уж и хотелось, – наигранно обиженным голосом произнесла я, и мы вместе с Глебом рассмеялись.

Глеб вдруг резко оборвал смех, и настороженно осмотревшись вокруг, затащил меня внутрь постройки.

– Ты же не откажешь мне в прощальном поцелуе? – вкрадчиво спросил парень, прижимая мое тело к одной из пушистых овечьих шкур, в немалом количестве развешанных на стенах постройки.

Давай, Кара! Расскажи ему всю правду. Сейчас!

Голос разума просто вопил о том, что сейчас самое время открыть все карты. Но я конечно же в очередной раз его не послушала, вместо этого рассеяно пробормотав:

– Конечно...

Глеб осторожно приник к моим губам, обеими руками сминая рубашку на талии. Сперва его поцелуи касались лишь моих губ, и все было почти нормально. Мне даже весьма успешно удавалось гнать от себя воспоминания о том, как я вчера точно так же позволяла себя целовать Хану. Но потом его губы спустились ниже, прочертив влажную дорожку от скулы до ключиц, захватывая участки обожженной кожи, и к горлу поднялся ком...

Господи, ну что я творю... Я же никогда не смогу подпустить его к себе так же как Хана! Нам не стоит даже пытаться быть вместе... Конечно, сейчас Глеб влюблен меня, но пройдет время и чувства остынут – когда он поймет что я не могу ему ответить взаимностью. Да, у него доброе сердце, и вероятно он еще помучается со мной несколько лет, но в итоге... В итоге он поймет какую совершил ошибку... Мы оба пойдем. Так может и не стоит упиваться этим самообманом...

– Ты плачешь? Что случилось, Кара? – взволнованно спросил Глеб, отпрянув от меня, – Если я слишком...

– Нет, нет, – поспешила я его успокоить, – Просто не хочу разлуки.

И снова ложь...

Глеб удрученно вздохнул, и прижал меня к себе, заста-

вив уткнуться лбом в его щеку с едва ощутимыми следами небритости.

– Расставание не будет долгим. Оглянуться не успеешь как мы вновь будем вместе.

– Верно... – тихо поддакнула я, так и не решившись рассказать ему правду.

Выпустив меня из объятий, парень вдруг помрачнел, и свел брови на переносице.

– Кстати говоря, я позвал тебя сюда не только по этому поводу...

Я похолодела... Неужели он сам все узнал? Но как...

– ... ты обещала мне рассказать об отравлении.

Чтобы не застонать от облегчения, я прикусила язык, и прочистив горло, честно рассказала обо всем, что произошло в тот вечер, включая созданные мной ненароком сплетни и поход к Хану, за исключением только реакции последнего.

Выслушав меня, Глеб озадаченно потер переносицу, со словами:

– То есть ты думаешь, что это все-же была не Лейла?

С тяжелым вздохом я неопределенно покачала головой.

– Я не знаю, Глеб. Правда. Все это слишком странно. У Лейлы хотя бы был мотив, а больше я вроде бы никому в лагере дорогу не переходила.

– Да... Крайне запутанная история. Теперь, когда я знаю о покушениях, и о том что преступник не пойман, оставлять

тебя в стане без защиты еще тяжелее. Даже не знаю, что делать... Вряд ли мне разрешат остаться здесь еще на какое-то время.

Глеб выглядел растерянным.

Чтобы не портить ему праздник и развеять сомнения, я улыбнулась, и уверенно сказала:

– Не переживай. В конце концов я могу попросить помощи у Дархана, верно?

Глеб медленно кивнул, соглашаясь, и казалось бы на этом можно было считать разговор закрытым, но через пару мгновений он вдруг добавил:

– Знаешь... Я пожалуй попрошу Хана присмотреть за тобой. Хоть он и ведет себя в последнее время странно, в его честности я по крайней мере не сомневаюсь.

Ох и зря, Глеб... Ох и зря...

– Не стоит, правда, – покачала я головой, уже привычно пряча покрасневшие от стыда щеки под волосами.

– Нет, Кара, – решительно отрезал парень, – Иначе я просто не смогу спокойно уехать домой. Не переживай, я сегодня же поговорю с Ханом, и до кучи постараюсь узнать, что с ним происходит. Может смогу как-нибудь привести парня в чувства.

Это вряд ли...

Понимая, что спорить с ним бесполезно, я плотно сжала губы, чтобы не сорваться на грубость. Ладно, переживем как-нибудь излишнее внимание Хана эти пару месяцев. Глеб

не должен из-за меня лишаться шанса как можно скорее увидеть свою семью!

– Сегодня меня уже освободили от занятий и работ, так что я до вечера свободен, – на лицо Глеба вновь вернулась улыбка, – Как ты смотришь, если мы проведем это время вместе?

Единственное чего я сейчас хотела, это побыть в одиночестве и хорошенько обдумать все что творится в моей жизни. Но отказать Глебу конечно же не смогла. Пришлось выдать более-менее правдоподобную улыбку и согласиться.

До самого ужина мы были только вдвоем. После разговора парень сразу-же предложил прогуляться до озера, но я отказалась, сославшись на то, что хочу побыть с ним наедине, а на озере вечно кто-нибудь да крутится. На деле же я просто не могла находиться с Глебом там, где еще прошлой ночью позволяла себя целовать другому... После моего отказа нам пришлось сойтись на том, что лучше всего будет отправиться в лес. Сперва мы просто гуляли у самой границы лагеря среди высоких старых сосен закрывающих своими макушками небо и болтали обо всем на свете, а потом наткнулись на раскидистый дуб, толстые ветви которого спускались до самой земли. Глеб подошел к дереву вплотную, и выбрав ветку помощнее, забрался на нее, откинувшись спиной на замшелый ствол.

– Иди ко мне, – парень рукой поманил меня за собой, – Здесь совсем не высоко, ты сможешь забраться!

Я тоже приблизилась к дубу, и подцепив одну из длинных кудряшек, стала наматывать ее на палец, раздумывая с какой стороны будет проще взобраться.

Глеб протянул мне руку, и мягко улыбаясь, сказал:

– Давай же! Хватайся за руку и я сам втяну тебя. Не бойся!

Не бойся? Я хмыкнула. Глеб совсем не знает какое у меня было детство, и сколько раз мне приходилось забираться на самые высокие деревья, прячась от обидчиков.

Сделав вид, что принимаю его помощь, я протянула руку, но в последний момент ухватила ее за ветку, и уперевшись носком сапога в ствол дерева, одним махом подтянула свое тело вверх. Мгновение, и я уже сижу на ветке напротив Глеба, и с ехидной ухмылкой наблюдаю за озадаченным выражением на лице парня.

– Да... Не знал что ты акробатикой увлекалась, – произнес он, поборов изумление.

Я хмыкнула и пожав плечами, стала по ребячески болтать ногами в воздухе.

– Просто ничего другого не остается когда за тобой бежит оболтус раза в два больше тебя, с целью вылить полынную настойку на твою голову, потому как его матушка сказала, что она изгоняет нечисть, которой по мнению местной ребятни я и являлась. Моя внешность подарила мне не особо радужное детство, поэтому пришлось учиться и по деревьям ползать, и сдачи давать...

Хоть я и говорила все это шутливым тоном, Глеб резко

помрачнел. Сжав мою ладонь, он внимательно заглянул мне в глаза, и произнес:

– Мне жаль, Кара... Ни один ребенок не достоин такого.

– А мне не жаль Глеб, – честно ответила я, – Нет, правда.

Благодаря тому, что я вытерпела в младшем возрасте, сейчас любое оскорбление в адрес моей внешности вызывает у меня лишь улыбку. Я стала гораздо сильнее благодаря издевательствам подаренным сверстниками. И такая закалка очень пригождается в жизни, потому я и не жалею ни о чем.

Услышав это, Глеб лишь медленно покачал головой, направив взгляд куда-то вдаль.

Чтобы побыстрее сменить тему, я поинтересовалась:

– А как же ты? Каким было твое детство?

В глазах парня мелькнула тоска смешанная с нежностью. Видимо его детство было куда лучше моего...

– У меня было все. Полная семья, друзья, игрушки, поездки с родителями на море и большой дом, полный тепла и уюта. Только вот все это было уничтожено по моей вине... Торнадо, в которое обратилась моя прорвавшаяся сила, унесло жизни отца и старшего брата. Мама же после трагедии замкнулась в себе и в течении месяца стала совсем седой. Только я и маленькая сестренка заставляли ее каждый день подниматься из постели. Дом был разрушен в щепки, и мы переехали в съемную квартиру. Матери пришлось работать за двоих чтобы прокормить нас всех и обеспечить жильем... Тогда я еще не знал, что все это из-за меня, и злился

на маму, когда она стала уделять нам с сестрой гораздо меньше времени. А потом появился Дархан... Он все рассказал мне, и предложил уйти с ним в стан. Я согласился, боясь что уничтожу и мать с сестрой тоже... – в голубых глазах парня отразилась бесконечная печаль, – Надеюсь у них все хорошо...

– А как же домик, который остался от отца? – осторожно спросила я, – Почему вы не переехали в него?

– Отец вырос в том доме. Слишком много его вещей там осталось, и слишком многое маме напоминало о нем... Она просто не смогла...

Не зная, что сказать и как поддержать парня, я просто прижалась к нему, и обхватив руками притянула к себе. Услышав историю Глеба, я еще больше уверилась в том, что не хочу знать, что произошло с моей семьей на самом деле. Иначе я просто не смогу жить с этим.

Так мы и просидели до самого вечера на этом старом дубе, рассказывая друг другу разные истории из жизни – иногда забавные, но чаще грустные...

Когда пришло время возвращаться, мы по очереди спрыгнули с ветки, и прежде чем уйти, Глеб прижал меня к дереву, остановившись в миллиметре от моих губ, и прошептал:

– Это последний шанс поцеловать тебя. И прости, но я его не упущу...

После этого он мягко прижался к моим губам, не пытаясь углубить поцелуй. Такое впечатление будто Глеб просто пы-

тался запомнить мои губы, навсегда запечатлев их отпечаток на своих устах...

Он действительно любит меня.

И я его люблю.

Вот только совсем не той любовью, которой он ждет от меня...

Вернувшись в лагерь, Глеб сразу же ушел в свою юрту – ему нужно было собрать вещи в дорогу. А я от нечего делать поплелась в столовую, решив помочь на кухне с ужином, и заодно записать себя в график дежурств. Прошел уже месяц как я в лагере, и избегать трудовой повинности и дальше было как-то не хорошо.

Миновав пока еще не накрытые столы, я подошла к кухне, которая представляла собой небольшую деревянную пристройку, плоскую крышу которой венчала кирпичная труба. Все окна в помещении были распахнуты настежь, выпуская на улицу жаркий пар и умопомрачительный запах свежего хлеба.

Шагнув в открытую дверь, я увидела девушку лет шестнадцати, колдующую над кастрюлями у большой русской печи. Легонько постучав по косяку, чтобы привлечь ее внимание, я сказала:

– Вкусно пахнет. Помощь нужна?

Девушка обернулась, и улыбнувшись откинула за спину две толстые черные косы, обрамляющие круглое смуглое лицо, явно выдающее в ней тувинские корни.

– Помощь нужна всегда, но вот тебя я на кухне не ожидала увидеть! Я кстати Туя, – произнесла она с легким акцентом.

Улыбнувшись в ответ, я спросила:

– А почему ты не ожидала меня увидеть?

Девушка оторвала от большого рулона бумажное полотенце, и стерев им влагу с покрасневшего от жара печи лица, ответила:

– Ты разве не знаешь? Дархан освободил тебя от дежурств чтобы ты могла как можно больше времени посвящать занятиям. Говорят ты делаешь большие успехи!

Я криво улыбнулась, не зная что ответить на это. Откуда мне станет известно про свои успехи... Хан не особо щедр на похвалу.

– Ладно, бог с ними с дежурствами, – глядя в добродушное лицо местной кухарки, ответила я, – Мне нечем заняться, поэтому позволь помочь. Все полезнее чем без дела слоняться, верно?

Туя рассмеявшись хлопнула в ладоши, и поманила меня к себе, явно радуясь неожиданной компании в моем лице.

Как оказалось все уже было почти готово. Осталось лишь нарезать овощи, и разложить все по тарелкам. За работой мы вели неспешную беседу.

– А ты что здесь одна работаешь?

– Нет, что ты! – ответила Туя, нарезая тонкими пластиками свежие огурцы, – Почти всеми заготовками и накрыванием столов занимаются другие ребята. Я только варю, жарю и

пеку из подготовленных заранее продуктов. У меня неплохо получается, потому Дархан предложил постоянно работать на кухне, и освободил от остальных дежурств. А я что? Мне нравится готовить! Вкусная еда – залог хорошего настроения!

Я улыбнулась.

– И то правда. Ты действительно очень вкусно готовишь!

– Что есть, то есть! – зардевшись согласилась она, и мы рассмеялись.

– Весело тут у вас, – раздался голос за нашими спинами.

Смех на кухне резко оборвался. Синхронно обернувшись, мы увидели в дверном проеме Хана, и Туя тут-же выпрямилась по струнке, и пригладила растрепавшиеся косы.

– Доброго вечера, Хаган! Желаете сегодня пообедать отдельно? Я сейчас мигом все соберу! В лучшем виде!

Я бросила на девушку недоуменный взгляд, пытаясь понять, как она так быстро превратилась из нормального человека в лебезящее желе.

– Не надо, Туя, – остановил ее Хан, – Я здесь не за этим, – парень обратил взгляд на меня, – Идем. Поговорить нужно.

Пожав плечами, я кивнула на прощание Туе, и вышла вслед за Ханом на улицу. Догнав и подстроившись под его шаг, я недовольно спросила:

– А беседа не может подождать? Как-то не хочется остаться без ужина.

– Разговор не терпит отлагательств. Поторопись, и успе-

ешь поесть, – бросил он, ускорив шаг.

Заметив не особо доброжелательный настрой Хана, я не стала допытываться куда он ведет меня, а лишь молча старалась поспевать за широким мужским шагом. Конечной точкой нашей прогулки стала его юрта.

Втолкнув меня внутрь, Хан с порога выдал:

– Ты что Глебу наплела?

Бросив исподлобья недоумевающий взгляд, я пробурчала:

– Вообще не понимаю о чем ты. Если он все таки пришел к тебе просить моей защиты, то тут уж извини, я от этого тоже не в восторге!

Долбанув кулаком по косяку, Хан навис надо мной и прошипел:

– Нет, моя хорошая! Я о том, что он думает будто я тайно влюблен в тебя!

Я ахнула, прижав ладонь к губам.

Глеб не понял, что я что-то чувствую к Хану... Он решил, что это Хан влюблен в меня!

Зло сощуриив глаза, парень продолжил:

– Не ты ли не так давно признавалась мне в любви у озера? – его голос ядовитой змеей заползал мне под кожу, – Так какого черта я один должен отвечать за это?!!! Вспомни, Кара! Ну же! – Хан встряхнул меня за плечи, – Разве я говорил тебе хоть что-то о любви?!! НЕТ! ТАК КЕМ ТЫ СЕБЯ ВОЗОМНИЛА?!

Его хриплый голос сорвался на крик полный злости и да-

же ненависти.

Он снова меня ненавидел...

А я просто стояла сомкнув до боли веки, чтобы не выпустить ни единой слезы, и сжав кулаки так, что кончики ногтей резали кожу ладоней.

Губы парня вдруг исказила странная полуулыбка. Схватив за талию он дернул меня к себе и хрипловато протянул:

– Хотя... Если мы оба так “сильно” любим друг друга, – на слове сильно Хан сделал особый акцент, – То ты же не будешь против маленького совершенно невинного поцелуя?

Прежде чем я успела хоть как-то среагировать, горячие губы парня уже захватили меня в свой плен. Рука мгновенно сползла с талии и по хозяйски обосновалась на моем бедре прилично стиснув ягодицу.

Каюсь... Первые секунд тридцать я пребывала в каком-то тумане, позволяя себя целовать и кажется даже отвечая на жаркие ласки. Сердце против воли билось как птица в клетке, а внизу живота растеклась горячая лава, делая ноги ватными а голову пустой. Но когда вторая ладонь Хана нагло попыталась забраться под ткань кофты, прокладывая себе путь к обнаженной груди, то мой мозг на мгновение включился, напоминая о недопустимости происходящего.

Уперев ладони в грудь парня, я попыталась оттолкнуть его от себя, попутно уворачиваясь от поцелуев в шею, которые медленно но верно перерастали в довольно болезненные засосы.

Почувствовав сопротивление Хан недовольно рыкнул на меня, и схватив за запястья, толкнул к стене юрты неподалеку от двери. Когда мои руки оказались надежно зафиксированы его ладонью у меня же за спиной, парень вновь приник губами к коже, оставляя горячие влажные следы на щеках и ключицах.

– Что ты творишь... Отпусти меня... Я не хочу... – вопреки словам, голос был наполнен дрожью и придыханием, выдавая во мне желание.

– А я не верю тебе, маленькая лгунья, – чувственно шепнул Хан, опалая меня жгучим взглядом.

Высвободив из стальной хватки одну из моих ладоней, он вдруг прижал ее к своей щеке.

– Разве ты бы не хотела чтобы я всегда целовал только лишь тебя? – настойчивое движение, и моя рука под его натиском спускается с щеки к шее, – Обнимал, – ладонь движется еще ниже, скользя по тонкой ткани футболки к груди, а губы Хана прижимаются к моему виску, нашептывая, – Ласкал по ночам, прижимая к себе твое обнаженное тело, – эта фраза бросила меня в жар, заставляя покраснеть до кончиков волос. Я уже не могла остановить парня, слушая его, как кролик, замороженный удавом, – Делал тебя полностью своей... – еще одно движение, и моя ладонь ныряет под футболку, прикасаясь к коже внизу живота прямо над бляшкой ремня.

Не успела я стыдливо отдернуть руку от обнаженной го-

рячей кожи, как дверь рядом с нами распахнулась, проливая на пол юрты дневной свет.

– Хан, слушай, я у тебя не оставлял свою фляжку? Даже не представляю где она может...

Голос Глеба оборвался, когда его взгляд обнаружил нас. Резко оттолкнув от себя Хана, я сделала шаг в сторону парня, и с сожалением взглянув на него, опустила глаза, понимая как нелепо будут звучать сейчас мои оправдания.

– Не надо, Кара, – в голосе Глеба звенел металл, – Я иди-от... Надо было трезво смотреть вокруг себя, а не витать в мечтах. Прощай.

Направившись к выходу, он на мгновение остановился напротив Хана, бросив на него полный ненависти взгляд.

– Никогда, слышишь? Я никогда тебе этого не прощу.

Хан тоже не стал оправдываться. Ощущение его полной непоколебимости разрушали лишь плотно сжатые губы и кулаки.

Глеб вышел хлопнув дверью и оставил нас наедине.

Поникнув, я тоже направилась к двери, по пути бросив не глядя:

– Можешь радоваться. Сегодня ты разбил сердце Глебу и полностью уничтожил мое чувство достоинства. Поздравляю.

Ужин я конечно-же пропустила...

ГЛАВА 15

У костра в этот вечер собрался весь стан.

Оно и понятно, обряд единения с силой не то событие, которое стоит упускать. Каждый присутствующий сегодня мечтал оказаться на месте Глеба.

После того как он застал нас с Ханом, прошло уже немало часов. За это время я успела сходить помыться, привести себя в порядок и постараться хоть немного избавиться от ощущения собственного ничтожества, помогая раскладывать подношения для обряда. Хан тоже был здесь, но мы старались даже не смотреть в сторону друг друга. Когда все было готово, над поляной раздались три громких удара бубна, сообщая о том, что начинается обряд. Поставив рядом с костром последнюю пиалу, наполненную молоком, я удалилась, затерявшись среди толпы. Не стоит лишний раз мозолить Глебу глаза. Вряд ли это настроит его на нужный лад.

В этот раз обряд единения шел не более пятнадцати минут, не считая конечно еще получаса подготовки к нему. Когда все подношения для духов были сделаны, Глеб взял в руки бубен и присоединился к Хану и еще паре ребят. Он не танцевал вокруг костра как та девушка в мой первый день пребывания в лагере. Его единение было похоже на схватку со стихией. Парень яростно бил в бубен, рваными движе-

ями раскачиваясь из стороны в сторону, стоя на коленях и поднимая вокруг себя гулкие порывы ветра. Когда ритм бубна в руках Глеба стал вдруг стремительно нарастать, парень закричал и откинув инструмент на землю, раскинул руки в стороны. В тот-же миг порывы ветра будто бы замерли, а потом резко обрушились на Глеба, впитываясь в его грудь.

Я тихо вскрикнула, решив, что что-то пошло не так, и вскочив на ноги, рванула к парню, тело которого безжизненным мешком лежало около костра.

– Стоять! – прошипел Хан, перехвативший меня за талию на полпути к Глебу, – С ним все хорошо! Единение прошло успешно, ему просто нужно восстановить силы, – наклонившись еще ниже к моему уху, он надменно добавил, – Научись сдерживать свои эмоции – выставляешь себя посмешищем.

Я оглянулась, и увидела, что действительно взгляды всех присутствующих обращены в основном в мою сторону. Кто-то недоумевал, кто-то хихикал, а некоторые и открыто злорадовались.

– Здесь тебе не юношеский летний лагерь, рыжая. Пойми уже это, – сказал Хаган напоследок.

Услышав эти слова, я вырвалась из его хватки, и вздернув подбородок повыше, вернулась на свое место.

Хан же подошел к костру, и даже не пытаясь привести Глеба в чувства, громко заявил:

– Обряд единения со стихией окончен. Глеб справился, и сегодня на рассвете пройдет посвящение, – народ вокруг

захлопал. Похоже многие действительно были рады за парня, – Теперь ему нужно готовиться к отбытию, а вам всем вернуться в свои юрты. И напоминаю! Никто кроме Дархана и самого посвященного не имеет права присутствовать при таинстве посвящения! Это попросту опасно для вашей жизни.

Недолго покивав словам Хана, ребята начали расходиться.

Я же бросила на Глеба полный сожаления взгляд, желая подбежать и хотя бы обнять его напоследок, но столкнувшись с глазами Хана, в которых читалось предостережение, резко развернулась и ушла к себе.

Треск и шипение костра уже давным давно заглохло, а я все металась из угла в угол, не в силах найти себе место. В голове звучала лишь одна мысль – *” Так нельзя! Нужно хотя бы попытаться извиниться перед ним!!!“*

Дура! Дура! Дура!

Вот как ты будешь спать спокойно, зная что разбила Глебу сердце, а может и жизнь испортила?! Предала его и даже не попыталась попросить прощения и вслух признать свои ошибки.

Так нельзя!!!

Взглянув на часы, я поняла, что до рассвета еще остается около полутора часов. Соответственно если я побегу сейчас, то наверняка успею перехватить Глеба до обряда!

Эх, ладно... Была не была!

И я пулей вылетела из юрты в сторону озера.

Незамеченной миновав лагерь, выбежала к воде, но по дороге ни Глеба ни Дархана не увидела. Видимо они уже на месте...

Решив не сдаваться, я обогнула водоем, и остановившись у ковра из костей и других останков животных, прислушалась к окружающим звукам. Со скалы отчетливо доносился голос Дархана. Значит и Глеб там... Может переждать обряд где-нибудь неподалеку, и поговорить с ним после, уже у выхода из лагеря?

Не особо задумываясь о последствиях (собственно как и всегда), я медленно прокралась за скалу, стараясь не обращать внимания на скрежет птичьих костей под ногами, и спряталась в густых кустах можжевельника, из которых мне прекрасно была видна вся скала, и то что на ней происходило.

А происходило там кое-что весьма занятное...

Дархан, поставив Глеба на краю скалы на колени, что-то бормотал, положив ладонь ему на светловолосую макушку. Костра в этот раз не было. Прервав бормотание, Дархан распахнул прикрытые веки, и я увидела, что в его глазах плещется тьма, закрывая собой и радужку и белок.

Что-то мне перестает все это нравиться...

Спустив сухую старческую ладонь с макушки на подбородок, он резким движением задрал голову Глеба вверх, и о чем-то спросил у него. Глеб ответил, и Дархан удовлетво-

ренно улыбнулся. И от этой жуткой улыбки мне стало страшно...

Уже понимая, что здесь явно происходит что-то странное, я поднялась на ноги, намереваясь выбраться из кустов и прервать обряд, но сделав лишь один шаг, остолбенела.

Изо рта Глеба шла черная пена. И вместо того чтобы помочь парню, Дархан сделал шаг назад, и достал из голенища сапога большой изогнутый нож.

Я тут-же раскрыла рот, чтобы закричать, но от ужаса и шока из горла не вырвалось ни звука.

Я должна это прекратить! Беги, Кара! Беги!

И я побежала... Точнее попыталась это сделать.

Спустя буквально шаг, я с позором свалилась на землю, покрытую останками животных, которые тут-же впились мне в ребра и колени. Дух вышибло из груди, и понимая, что не могу пошевелиться, я с усилием вскинула голову вверх, не желая упускать из виду то что происходит на скале.

А дальше... Хорошо что я не могла закричать... Иначе в лучах сегодняшнего рассвета жизни лишились бы сразу двое обладателей чертовой золотой крови.

Секунда... И Дархан вскидывает нож над своей головой... Мгновение... И он заносит его над горлом Глеба... Миг... И он одним резким движением забирает жизнь парня...

Согнувшись в безмолвном крике полном слез, я кое как приподнялась на локтях, и закатилась под ближайшие кусты, понимая, что если сейчас не спрячусь, то стану следующей.

Не знаю сколько я так лежала, зажимая рот ладонью и глотая слезы, но спустя непродолжительное как мне показалось время, тяжелые медлительные шаги Дархана стали отдаляться от скалы.

Собравшись с духом, я высунула голову из веток, больно оцарапав ухо, и судорожно оглядевшись, поняла, что на скале теперь лежит только тело Глеба, а фигура его убийцы мелькает уже совсем неподалеку от лагеря.

Вскарабкавшись на скалу, я бросилась к парню, и упав на землю рядом с ним, попыталась приподнять его голову, и уложить к себе на колени. Глаза Глеба безжизненно смотрели в небо, а посиневшие губы со следами засохшей черной пены, были приоткрыты в немом крике.

– Глеб... Нет, нет, нет... Открой глаза, прошу! Так нельзя... Это несправедливо... Этого не могло произойти! Нет... Только не ты...

Мой судорожный шепот постепенно переходил в истерический бред сумасшедшего, хорошо сдобренный горькими слезами.

Я прорыдала над его телом не один час. И солнце уже сияло высоко в небе, когда кто-то легонько прикоснулся к моему плечу.

Вздвогнув, я резко обернулась, и увидела за спиной Хана. Отпрянув от него, я встала, и загородив собой доступ к телу Глеба, с подозрением спросила осипшим от слез голосом:

– А ты что здесь делаешь?

В глазах парня не было и сотой доли удивления тем, что позади меня лежит мертвый человек. Он явно знал куда шел и что здесь увидит...

Все еще не веря самой себе, я прошептала:

– Ты знал... Ты знал, что Дархан убьет его... Знал и ничего не сделал!!! – со слезами на глазах я бросилась на Хана, со всей силы хлеща его ладонями по обеим щекам, и крича, – Ты такой же убийца как и он!!! Безжалостный убийца!!!

Хан не пытался успокаивать или отталкивать. Лишь молча ждал когда вся злость и боль выйдет из меня. А я пользуясь возможностью била его со всех сил. Скулы, рот, плечо, ребра, живот... Мне кажется я не обошла ни единого кусочка тела.

Когда выдохлась, то просто упала ничком на землю и разревелась белугой, не понимая что мне теперь делать, и что вообще со мной будет дальше.

За спиной послышался глухой шорох, и я поняла, что Хан сел рядом.

– Сколько еще он убил? – сипло спросила я, глядя в хмурое серое небо, в котором уже кружили вороны, учуявшие новую добычу.

Я боялась услышать ответ... Но должна была знать правду.

– Тысяча триста двадцать два человека... – Хан на секунду задумался, и поправил себя, – Тысяча триста двадцать три.

Ну да... Глеб стал двадцать третьим.

– Но как... Столько жертв... Зачем? – беспомощно прошептала я.

– Это... Сложно объяснить, – слышалось позади.

Приподнявшись, я повернулась к Хану, и села, подтянув к груди колени.

– Зачем ты помогаешь ему? – этот вопрос сейчас интересовал меня не меньше остальных, – Просто потому что он твой отец?

Хан опустил взгляд в землю и процедил:

– Дархан мне не отец... Но у меня нет выбора, Кара.

Не успев удивиться новости, я взорвалась.

– В смысле нет выбора?!?! Что за выбор такой, что ты предпочел участвовать в убийстве безвинных людей?!!

Хан стрельнул в меня напряженным взглядом, и довольно жестко признался:

– Мне нужно было выбрать будут мои родные жить или нет. И я выбрал для них жизнь, как бы это эгоистично не было. И буду делать такой выбор каждый раз! Если бы ты помнила свою семью, то поняла бы меня...

Ничего себе...

– Расскажи мне, – почти приказала я, – Все!

Хан тяжело вздохнул и согласился:

– Хорошо. Я расскажу тебе все что знаю. Но чуть позже. Сейчас нужно похоронить Глеба, иначе вороны растерзают его тело.

Я взглянула в небо на круговорот черных птиц, и поежилась. Потом подползла к Глебу, и закрыла его застывшие глаза со словами:

– Спи спокойно. И прости меня за все... Я ведь так и не успела попросить прощения...

С моей щеки сорвалась слеза, и опустилась на ресницы парня. От того казалось, что Глеб и сам плачет. И от того заплакала еще сильнее я...

Пока я пыталась хоть как-то успокоиться, Хан достал из своего мешка огромный кусок белой холщовой ткани и принялся заматывать в него уже похолодевшее тело моего друга. Потом в ход пошла черная веревка из все того же конского волоса, которой ткань была надежно перетянута.

Легонько тронув меня за руку, чтобы вывести из ступора, в который я потихоньку начала впадать обессилев от слез, Хан произнес:

– Идем. Похороним его за пределами стана.

Безразлично кивнув, я последовала за парнем, взвалившим тело Глеба к себе на плечо. Мне же пришлось нести его пустой заплечный мешок.

Подойдя к воротам я вновь едва сдержала горький всхлип, увидев сумки Глеба с его вещами. Он не знал что идет на смерть... Мечтал как после посвящения подхватит у ворот свои вещи и вернется к родным. Только вот этого уже никогда не случится...

Покинув стан, Хан повел меня к середине равнины,

устланной осколками камней, которые видимо откалываясь от скал, скатываются сюда во время землетрясений и оползней. Выбрав наиболее свободное от скальника место, парень аккуратно положил на землю тело, обмотанное белой тканью, и направился к растущим неподалеку густым зеленым зарослям.

Я не пошла за ним. И спрашивать куда он идет тоже не стала. Просто опустилась на землю, и обхватила себя руками, пытаясь унять нервную дрожь.

Хан вернулся буквально через пару минут и принес с собой небольшую, но острую лопату.

Я цинично хмыкнула, глядя как он втыкает ее в земную твердь.

– Как у вас все практично... И лопатка вон всегда под рукой.

На меня напал какой-то жестокий сарказм. От той невыносимой боли, что сжимала в тиски мое сердце, хотелось сделать больно кому-нибудь еще... Хотелось рвать и метать.

А еще отомстить...

Но об этом я подумаю позже.

Хан ничего не стал отвечать мне. Но по дернувшемуся желвакам было видно, что моя фраза его задела.

Когда неглубокая яма была готова, он отбросил лопату в сторону, и за ноги стащил тело Глеба в могилу. Стерев со лба струйку пота, парень спросил у меня:

– Хочешь попроситься?

Я кивнула, и подойдя к могиле шаткой походкой, бросила в нее горсть земли с тихими словами, которые были слышны лишь самому Глебу и мне:

– Я тебя никогда не забуду...

Мы постояли в тишине еще минуту, и Хан принялся засыпать тело землей. Когда все было готово, он поставил в изголовье могилы каменный осколок.

– Прощайте, – тихо произнес Хан, окидывая взглядом равнину, на которой теперь покоился Глеб.

Я тоже оторвала взгляд от могилы, задумавшись над тем почему парень прощается с бывшим другом во множественном числе. И лишь заметив, что все камни вокруг находятся почти на равном расстоянии друг от друга, я наконец все поняла...

– Они все похоронены здесь... – вырвалось у меня.

Хан покачал головой со словами:

– Не все. Только за последнее столетие.

Что? За последнее столетие... Мне не слышалось?

Увидев в моих глазах немой вопрос, он сказал:

– Я расскажу. Обещаю. Но сначала нужно довести все до конца, или последствия будут грозить мне большими неприятностями... Избавимся от вещей Глеба и тогда поговорим.

Мне не оставалось ничего иного как согласиться с такими условиями, поэтому я молча проследовала вслед за Ханом обратно в лагерь и закинула на плечо легкий рюкзак со снедью, которую для Глеба в дорогу собрала Туя. Хан подхва-

тил остальные вещи, и мы вновь покинули стан. В этот раз наш путь лежал к шумному горному ручью, протекающему неподалеку. Пройдя вдоль него мы остановились под сенью одинокой корявой сосны, спускающей свои извилистые корни в воду, и Хан просто сбросил сумки в ручей. Бурный поток тут же подхватил их и стремительно унес вдаль. Теперь настала моя очередь...

Нужно было просто отпустить лямку рюкзака, но я стояла вцепившись в нее побелевшими пальцами, как будто этот кусок ткани, набитый продуктами, как-то мог мне вернуть Глеба.

Просто я понимала, что этот рюкзак, последнее что меня связывает с ним...

До скрежета сжав зубы, я вытянула руку над водой, и замулив веки, с усилием распрямила занемевшие пальцы. Мешок с всплеском плюхнулся в воду и поплыл вслед за остальными вещами.

Ну вот и все... Будто и не было человека...

Встав на колени, я опустила кончики пальцев в ледяную воду, и подумала – До чего же странно устроена наша жизнь... Вот ты живешь, живешь, грустишь по поводу и без, мелочам радуешься, а главное – думаешь что мир создан только лишь для тебя одного... А потом раз! Несчастный случай или болезнь какая-нибудь, и уже оказывается что это не мир вокруг тебя вертится, а ты сам лишь небольшой эпизод в его необъятной истории, и о том что ты существовал бу-

дет известно лишь из слезливой надписи на выточенном куске мрамора, которую изредка будут перечитывать родственники или случайные прохожие... В такие моменты начинаешь серьезно задумываться о том, какой след ты оставишь в жизни. Просто так бесцельно потопчешься отведенный тебе срок, или же совершишь что-то настолько великое, что еще не одно поколение будет разыскивать твои шаги, чтобы хотя бы прикоснуться к ним...

Тряхнув головой, я вынырнула из своих мыслей, и поплескав немного освежающей влаги на лицо, спросила:

– Все? Теперь мы можем поговорить?

Положительного ответа не последовало, но Хан сел рядом со мной, и раскурив свою трубку, выуженную из кармана штанов, начал рассказ:

– Я расскажу тебе то, о чем мне поведал сам Дархан. Помнишь ту легенду, что ты слышала в мире духов?

Легкий кивок.

– Помнишь чем она закончилась?

Я напрягла память, и выдала:

– Ерден потерял свою силу в схватке с Саяном, и остаток жизни провел лишенным магии. Темный шаман так и не смог заполучить силы Ергак.

– Верно. Но у истории есть продолжение...

ГЛАВА 16

– Когда Ерден понял, что сестра погибла, он обессиленный и едва живой спустился со скалы, желая с ней попрощаться. Но его сил не хватило на это. Он на полпути к озеру потерял сознание и рухнул посреди равнины. Битва лишила его почти всей магии, но тех крох что остались, хватило на то чтобы сознание шамана не погибло, а впало в некое подобие очень глубокого сна или даже комы. Шли столетия... Тело Ердена покрылось мхом и сравнялось с землей, а сердце билось все реже и тише. Еще буквально одно десятилетие и его душа все же отправилась бы к предкам. Но произошло землетрясение, которое и пробудило темного шамана ото сна. Едва очнувшись, он сразу вспомнил о том что произошло. И это заставило его возненавидеть великого Саяна еще больше. Мало того что он помешал Ердену заполучить могущество и бессмертие, так еще и магии в нем теперь осталось лишь на то, чтобы не замёрзнуть ночью в горах. Шаман решил, что не оставит этого просто так. Он задумал пробудить спящего Саяна и вновь вступить с ним в схватку. Однако все было далеко не так просто... Даже в прошлый раз, когда Ерден был полон сил и магии, бой с хранителем Ергак выжал его почти до смерти, а уж теперь... После пробуждения ему пришлось бы по крупице возвращать к себе силу. Но он не

отступал... Выйдя к ближайшей деревне, шаман понял, что провел в забвении не одно столетие, и совсем не знает того мира, в котором ему предстояло существовать. Почти десять лет у него ушло на то чтобы привыкнуть к новой реальности, и когда он освоился, то стал раздумывать над тем как вернуть силу. И вариантов было не то чтобы много... Вновь отправиться в путешествие по миру в поисках природных мест силы? Слишком долго. Разыскивать слабых шаманов и забирать их магию? Рискованно и почти нереально. Этот век сильно отличался от времени в котором родился Ерден. Здесь почти не было шаманов и колдунов. Люди не развивали в своих детях магический дар, и с взрослением он просто угасал. Да и вообще, человечество теперь презирало магию и в большинстве своем даже не верило в нее. К тому же найди он хоть одного реального шамана, то все равно бы не смог забрать у него магию – слишком Ерден был слаб. И тогда сознание шамана озарилось новым планом...

Хан на мгновение запнулся, будто бы не решаясь рассказать то, что было дальше. Повернувшись ко мне, он вдруг отрывисто спросил:

– Скажи, на что бы ты была готова ради того чтобы твои близкие остались живы?

Не выдержав пытливого черного взгляда, я отвела глаза в сторону, и нахмурившись, честно призналась:

– Не знаю... Мне тяжело судить об этом. Ты же знаешь, я не помню свою семью. Но... Но если бы помнила, то навер-

ное сделала бы все чтобы спасти их, – почувствовав как парень легонько поглаживает мое запястье большим пальцем, я резко отдернула руку, и добавила, – Я не хочу судить тебя не зная всей истории. Если ты действительно помогаешь Дархану только из-за того что он угрожает твоим родным, то это наверное оправдывает тебя...

Потеряв мое запястье, пальцы Хана сжались в кулак, и он тоже отдернул руку.

– Хорошо... Тогда слушай дальше...

И история продолжилась:

– Осознав, что магия в современном мире погибает еще в зачатке, он решил искать одаренных детей, чтобы развивать в них дар. Поиски на удивление приносили отличные плоды. Пусть взрослых магов почти не существовало, но духи до сих пор щедро одаривали магией новорожденных детей. Хан брал лишь тех кому исполнилось хотя бы десять лет. Малыши доставляли бы слишком много хлопот.

– Но как он их находил? – перебила я парня.

– Запах. Магия всегда пахнет. После посвящения и ты почувствуешь это. У магии горьковатый аромат прелой осенней листвы и воздуха перед грозой. Это тяжело объяснить... Чтобы понять – нужно хоть раз почувствовать. Не сказать что этот запах слышится за километры, но при сильном выплеске силы вполне возможно почувствовать магически одаренного человека на большом расстоянии.

О как... Получается и у меня есть такой запах? А от себя

я его интересно почувствую?

И сознание тут же подкинуло: – “Почувствуешь, если доживешь...”. Отмахнувшись от этих мыслей, я вновь обратилась во внимание, и стала слушать рассказ.

– Отыскав подходящего ребенка, Дархан – на тот момент он уже отрекся от своего настоящего имени, решив, что оно приносит ему неудачу, так вот, отыскав ребенка по сильному запаху магии, который шел от выброса силы, он предлагал ему уйти с ним в лагерь, чтобы развивать свой дар и не причинять больше никому вреда. Дети конечно соглашались, узнав что мама или папа погибли по сути по их вине. Так и был создан стан золотой крови. Набрав первую группу детей, Дархан призвал своего духа – помощника рода, который беспрекословно помогал ему, и с его помощью создал защитный купол прямо посреди равнины, который закрывал лагерь от посторонних глаз.

– А название? – поинтересовалась я.

– Так назывался его военный отряд, который он в прошлой жизни создал из парней, одаренных не только воинскими качествами, но и магией. Только вот своих воинов он не убивал ради силы, в отличие от детей, которых брал на обучение... Как ты уже знаешь магия растет в человеке примерно до семнадцати-двадцати лет, если ее конечно развивать. Так вот, когда одаренные оказываются готовы к полноценному контакту с магией и миром духов, Дархан проводит посвящение, помогая силе прорваться, а после сразу же уби-

вает посвященного, забирая его магию. Еще ни один ученик не вернулся из стана домой...

После всего что я услышала, сознание буквально вопило о том, чтобы я сломя голову бежала из этого жуткого места, пока еще жива. Но я понимала, что это бесполезно. Запах магии. Он выдаст меня. Но что делать? Просто ждать своего смертного часа или пойти к Дархану во служение как Хан? Ну уж нет...

Кстати о служении...

—А как же ты попал в стан и остался жив?

— Я попал в лагерь как и все, еще ребенком. Также рос и учился, и однажды вот как ты увидел что на самом деле происходит при посвящении. Только мне повезло меньше... Дархан заметил как я подглядывал за ним, и предложил два варианта. Либо буду помогать ему, либо погибну не только я, но и мои родные. И тогда я согласился. С того момента мне приходится разыскивать новых одаренных детей, избавляться от тел убитых, и следить чтобы никто ни о чем не догадался. Когда мне исполнилось двадцать, пришлось врать ученикам о том что я сын Дархана, чтобы они не задавались вопросом, что я в таком возрасте все еще делаю в лагере. Ну, собственно, вот и все...

Я с силой надавила ладонями на ноющие от всей этой информации виски, и сдавлено прошептала:

—Поверить не могу... Столько жертв... Столько детей погибло напрасно... — затравленно взглянув на Хана, я спро-

сила очевидную вещь, – Ты же понимаешь, что нельзя все это оставить просто так? Сколько еще детей должно умереть, чтобы он насытился их магией? Нужно остановить убийства!

Я вскочила на ноги, и стала судорожно тереть рукава кофты, раздумывая, что делать дальше. Хан тяжело вздохнул и затаившись пахучим дымом, отрешенно вымолвил:

– Разве это можно прекратить?

Не выдержав его равнодушия к собственной судьбе и судьбам многих других ребят, загубленных сумасшедшим шаманом, я вскрикнула:

– Прекрати! Неужели ты хочешь всю жизнь убирать за ним трупы?! Нужно что-то делать, нельзя просто так сидеть и ждать своей участи! Если сейчас кажется что выхода нет, это вовсе не означает что нужно смириться с обстоятельствами! – выдохнувшись от крика, я уже почти шепотом добавила, – И лично у меня времени на это остается совсем немного... Перед обрядом единения Глеб говорил с Дарханом, и тот сказал ему что до моего посвящения осталось максимум пара месяцев. А это означает, что с огромной вероятностью я стану следующей, кого ты прикопаешь на той равнине...

Хан вытряхнул из трубки остатки табака и, спрятав ее в карман, поднялся на ноги. Его плечи заметно опустились, а с лица вдруг слетела маска уверенности. Проведя ладонями по волосам, парень с силой сжал их пальцами. Сейчас передо мной стоял не молодой, порой чересчур самоуверенный мужчина, а очень усталый человек, который несет на себе

огромный груз ответственности и вины за множество чужих смертей. Сквозь горький стон, он процедил:

– Я понимаю, что виноват! Помню каждую смерть! Но все зашло слишком далеко. Это уже невозможно остановить... Я бы все отдал, чтобы повернуть время вспять и избежать того дня, когда я связал себя с этим чертовым станом, но сейчас... Я не могу позволить родным погибнуть... Порой я думаю что единственным выходом станет моя смерть. Но я не уверен...

Не в силах смотреть на то как он сломлен, я вскинула голову к небу, и слегка дрожащим голосом произнесла:

– Самоубийство это не выход, а побег. Не думаю, что ты станешь бежать от ответственности...

Хан вдруг сорвался с места, и приблизившись, сжал руками мое лицо, заставив посмотреть на него. Чувствуя дрожь в его руках, и видя почти безумный взгляд, я даже на секунду испугалась.

Не отводя от меня черных глаз с до предела расширенными зрачками, он отчаянно прошептал:

– А что если я очень хочу этого... Просто покинуть этот мир... Освободиться! Только вот... Только стоя на краю, я всегда вспоминаю о том, ради чего я все это делаю...

Зажмурив глаза, он уткнулся носом в мою макушку, и едва слышно добавил:

– Я не хочу потерять своих родных... И тебя потерять не хочу. Я просто не вижу выхода, Кара.

Я вздрогнула, и сразу же отстранилась.

– Не надо Хан. Я тебе никто, ты сам говорил об этом, – в моем голосе звучала сталь, – Прости, но я не хочу играть в твои игры. Тем более сейчас... Имей совесть и оставь меня в покое, хотя бы ради памяти Глеба.

Хан отшатнулся как от пощечины.

– Игры? Как можно было не понять, Кара? – парень смотрел на меня удивленным взглядом.

Дернув плечом, я пробурчала:

– О чем ты? Что я должна была понять?

Устало потерев пальцами глаза, он невесело усмехнулся.

– Великие духи, твоя наивность меня в могилу сведет...

Скажи, что я по твоему чувствую к тебе? Ну же, Кара! Давай уже выясним все!

Господи, зачем все это...

Прикрыв веки, я шумно вздохнула, и нелепо раскинув в стороны руки, произнесла:

– Не знаю... Пренебрежение. Злость? Или может ненависть... Вроде того.

Хан расхохотался.

– Что?! Ты серьезно?! Ненависть... Надо же, – вновь приблизившись ко мне, он слегка наклонился вперед, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и промолвил, – Я люблю тебя, черт возьми! Да, я пытался это скрывать ото всех, и в особенности от тебя, но даже сам понимал насколько ничтожно у меня это получается. Актер из меня получился ни-

кудышный, рыжая. Удивительно что ты этого не увидела. Даже Глеб все понял...

После этих слов я выпала в осадок. Любит?.. Да он издевался надо мной все это время!!!

Набрав полные легкие воздуха, я рывкнула:

– Ты издеваешься?! Значит все твои тычки, обвинения и оскорбления в мою сторону – это проявление любви?! Бред полнейший! Ты же не ребенок в конце-концов, чтобы так внимание проявлять!

– Да не было это знаками внимания, Кара! Я просто думал, что если буду плохо к тебе относиться, то ты решишь, что безразлична мне! – парень тоже не выдержав повысил голос.

Вцепившись пальцами в теплую клетчатую рубашку на его груди, я прошипела:

– О нет! Я просто решила, что ты меня ненавидишь за что-то!

Тяжело дыша мы стояли и гневно смотрели друг на друга.

Расцепив занемевшие пальцы, я выпустила ткань, и сделала несколько шагов назад, создавая между нами достаточный пространственный барьер.

– В любом случае сейчас это уже не важно. У нас бы все равно ничего не получилось. Ты же видишь что мы слишком разные... Да мы даже поговорить нормально не можем чтобы не поссориться! Так что давай договоримся сохранять дружеские отношения, насколько это между нами возможно. Это по крайней мере нужно попытаться сделать для того

чтобы остановить Дархана.

– Ты думаешь я теперь просто так возьму и откажусь от тебя? – процедил Хан, – Наивно, рыжая.

Он серьезно?!!

– Да ты верно бредишь!!! Если ты действительно что-то ко мне чувствуешь, то почему не сказал сразу, а дождался смерти Глеба, о которой кстати знал заранее?! Разве это не предательство по отношению к нему?! – высказав это, я устало провела ладонью по лицу, пытаюсь стереть с себя гнев и отчаянье, – Да если бы ты с самого начала относился ко мне нормально, и честно сказал, что чувствуешь, то все было бы по другому! Я бы не стала давать Глебу надежду на что-то. А сейчас... Получается мы оба его обманывали. И мало того что частично виноваты в его смерти, так еще и предали за спиной. Разве на этом можно строить свое счастье?

– Ты все верно говоришь. Но я просто не мог иначе... – прижавшись ко мне лбом, он тихо признался, – Я законченный эгоист, Кара... Глеб не должен был умереть. Дархан убил его из-за меня.

– Что?.. – я не сразу смогла понять о чем он говорит.

– Я попросил Дархана выбрать его следующим для посвящения. На месте Глеба должна была быть ты.

– Нет... – отпрянув, я неверяще покачала головой, – Это неправда. Скажи, что это неправда!

– Прости... Я не знаю всего, но Дархан сказал, что ты особенная, и что для тебя у него приготовлена совсем иная

участь. Я так понял, что ты должна была стать его последней жертвой. Как только ты вновь появилась в лагере, он приказал мне больше не набирать в стан новых детей. Твоя сила должна была полностью заполнить его резерв. Неделю назад Дархан сказал что все готово для последнего обряда, и вскоре он заберет тебя из лагеря. Куда и зачем я не знаю. Но понимаю, что в живых он тебя явно не оставит. Именно поэтому и соврал, что ты еще слишком слаба и если провести обряд сейчас, то магия просто выгорит. Дархан поверил мне... Но решил не терять времени и вместо тебя выбрал Глеба. С этим я уже не мог ничего поделаться... Сейчас у тебя действительно осталось не больше месяца, при условии что Дархан раньше не заподозрит что я могу ему лгать.

Ушам своим не верю... Получается, что Глеб был бы жив если бы первой забрали меня. Хан хотел спасти мою жизнь, но какой ценой...

Пытаясь поймать разбегающиеся мысли, я вдруг вспомнила, что одно слово в рассказе Хана как-то странно зацепило меня.

– Вновь... Ты сказал что я вновь появилась в лагере. Что это значит?

– Это значит то, что ты уже была в стане раньше, – не стал скрывать Хан.

Чего????

– Я помню тебя еще совсем ребенком. Дархан привел тебя в лагерь восьмилетней малышкой, и сказал что ты его шанс

на победу. В тот раз он сам развивал в тебе дар. Прошло два года и по уровню магического развития ты приравнялась к взрослым ребятам. Видимо поэтому Дархан и решил, что такой одаренный ребенок сможет выдержать обряд. Но это было не так. Твое тело и разум не перенесли полного прорыва силы. Магия просто сожгла тебя. Отсюда твои ожоги и вероятно потеря памяти. Дархану тоже досталось от твоей магии, и он вырубился, получив парочку ожогов. Ну а когда очнулся ты уже исчезла... Искали тебя не долго... Первая ближайшая турбаза и Дархан обнаружил пропажу. Обезображенную ожогами, но живую. В этот раз шаман решил действовать уже гораздо осторожнее. Первым своим шагом он подослал к тебе одного из новых учеников, которого ты еще не знала, и тот выяснил, что помимо тела пострадала также твоя память. И это упрощало задачу. Всего то и нужно было прийти и рассказать ребенку уже выученную за долгие годы историю о том, что из-за прорыва магии погибли его родные. И Дархан так и сделал. Точнее попытался. Тебя защитила твоя же магия. Помнишь пожар на турбазе, когда вспыхнули ворота и забор?

Я иступленно кивнула, вспомнив как Далана два дня бегала вокруг сгоревшего имущества, гадая кто мог ей так насолить.

– В тот день и приходил Дархан. После этого случая он понял, что пойти по легкому пути не получится. Придется ждать. И Дархан ждал, вновь обратив свое внимание на ре-

бят из стана. Все изменилось когда ты сбежала с базы. Ручей к которому ты вышла и выдал тебя. В том месте происходит какая-то аномалия – вроде земного разлома или чего-то подобного. Не суть. Главное то, что магия там даёт сбой. Именно поэтому нам удалось беспрепятственно к тебе подойти. Чистая случайность, что мы вообще столкнулись в тот день... Ну а после того как я выловил тебя из ручья, то по приказу Дархана напоил успокоительным с львиной долей вербены. Это позволило еще на сутки заблокировать твой дар. А когда ты оказалась в лагере, где магический фон благодаря большому количеству одаренных ребят имеет смешанную структуру, то твоя сила просто не смогла выделить среди них угрозу. Дальше тебе и самой все известно...

– Ты что-нибудь знаешь о моих родителях? – этот вопрос сам собой сорвался с моего языка.

Хан отрицательно покачал головой.

– Прости. Я ничего не знаю о них. В то время Дархан еще не настолько доверял мне, чтобы делиться подобным.

Укол разочарования больно пронзил сердце, но я лишь сильнее стиснула зубы, успокаивая себя тем, что все равно узнаю правду.

– Ладно, это сейчас не самое важное. Нам нужно что-то придумать. Не знаю, может его все же можно как-то убить или лишить силы?

Хан озадаченно вздернул левую бровь, размышляя над моими словами. Спустя несколько коротких мгновений на-

прижженного молчания он выдал:

– Послушай, это непросто. Вряд ли нам вот так вот сходу удастся найти решение проблемы. К тому же мне нужно немедленно возвращаться в лагерь и сказать Дархану что все готово, иначе он начнет сам искать меня и скорее всего что-то заподозрит. Лучше после обеда встретимся на тренировочной поляне и все обсудим.

– Хорошо, – неохотно согласилась я, – Тогда давай возвращаться.

Всю обратную дорогу до лагеря мы не разговаривали. А когда подошли к юртам, то и вовсе едва кивнув друг другу, разошлись по своим жилищам.

Умывшись и переодев одежду, местами заляпанную грязью, и порванную о колючие кусты, я собрала волосы в косу и без сил рухнула на постель.

Слишком тяжелый день... Слишком долгий...

Скандал с Ханом. Разрыв с Глебом. Его смерть. И неожиданное признание в любви от того, кто казалось меня ненавидел.

Худший день в моей жизни.

Несмотря на щемящую боль в груди и ужасающие картинки произошедшего, вспышками возникающие в моей голове, слез не было. Ни слезинки. Видимо я выплакала все что было.

Полностью погруженная в дурные мысли, я провалялась в постели до самого обеда, едва не пропустив его. Тело попро-

сту отказывалось шевелиться, и мне стоило огромных сил соскresti себя с мягкого покрывала, и отправиться в столовую.

Жаркое из ягненка показалось абсолютно пресным, и я через силу запихала в себя полпорции, чтобы хоть как-то восстановить энергию. Но даже эти крохи я поедала со скоростью улитки, а потому вышла из-за стола последней. Хан кстати на обед так и не явился – видимо он все ещё находился у Дархана.

С тяжелым вздохом взглянув на остатки еды, я поднялась и направилась к выходу из столовой.

Интересно, сколько мне придется ждать Хана?

– Кара!

Услышав звонкий голос, сопровождающийся поспешными шагами, я остановилась, и развернувшись увидела перед своим лицом деревянное полено, которое через мгновение обрушилось на мой висок.

А дальше была темнота...

ГЛАВА 17

Пробуждение принесло мне удушливый запах сырости и гнили. С трудом разлепив веки, я застонала от боли пронзившей голову. К горлу подступила тошнота, заставляя сознание кружиться и наполняя рот вязкой слюной. С усилием сглотнув ком в горле, я переждала пока желудок немного успокоится и попыталась встать.

Вокруг была кромешная темнота, лишь на потолке немного рассеиваемая тусклым светом, проникающим сквозь щели между досками. Но этот свет позволял разглядеть только паутину, да пыль, зависшую под потолком.

Оперевшись ладонями в грязный, покрытый пылью и кажется мхом пол, я встала сначала на колени, а потом немного переведя дух поднялась на ноги, тут же потеряв равновесие. Тело поехало в бок, но меня спасла стена, на которую так удачно оперлось мое правое плечо.

– Ну и где я, черт возьми? – собственный шепот показался мне слишком громким в этом странном помещении.

Глаза стали потихоньку привыкать к темноте, и вокруг начали прорисовываться какие-то высокие шкафы, полки и большие тюки на полу. Не придумав ничего лучше, я усеялась на один из таких тюков, предварительно ощутив его со всех сторон, проверяя на наличие грызунов или какой-ни-

будь другой мерзости.

Примостив мягкое место, на которое я в очередной раз умудрилась найти себе приключения, я обхватила себя руками. Просидев так минут пять, вдруг подумала: – "А чего это я собственно говоря тут сижу просто так, когда можно воспользоваться своими прекрасными голосовыми данными?"

И я заорала во весь голос:

– Ээээй!!!! Помогите!!!! Меня тут заперли!!!!

Для верности еще и кулаком по стене подолбила.

Над головой тут-же послышались быстрые семенящие шаги, и в потолке распахнулся люк, проливая свет на обстановку вокруг и узенькую железную лесенку, по которой спускался мой похититель.

А точнее похитительница.

– Ну привет, Кара.

– Ты... – по началу я не поверила своим глазам, – Зачем ты все это устроила?

Спустившись на пол, девушка подошла ко мне, и остановившись буквально в полушаге, привычным жестом откинув за спину толстые смоляные косы, прошипела:

– Потому что ты – дрянь, своим появлением в лагере спутала мне все карты!

– Туя, ты с ума сошла?! Мы познакомились только вчера! Где я успела тебе насолить за это время?!

Глядя на разъяренную девушку, я уже не видела в ней ту милую простушку, правящую кастрюлями и сковородками.

Передо мной стояла настоящая змея! Хитрая и коварная!

– Так это ты пыталась отравить меня ядом! – наконец-то дошло до меня, – Но почему???

Туя склонила ко мне свое идеально круглое личико, и со злостью процедила:

– А нечего было хвостом крутить перед Хаганом. Он мой!

От нелепости этих слов я не смогла сдержать глухого смешка.

– Ты меня прости конечно, а он сам то об этом знает? – мои слова прозвучали довольно насмешливо, и девушка взбесившись еще больше, замахнулась на меня, пытаясь залепить пощечину.

Но не тут-то было... Во мне снова проснулся ребенок, который привык давать сдачи наперед.

Перехватив пухлую ладонь, я вывернула ее в сторону, заставив Тую согнуться и взвизгнуть от боли. Второй рукой схватив ее за одну из кос, дернула на себя и прошипела прямо в ухо:

– Когда в следующий раз полезешь ко мне с кулаками, то вспомни что я отвечу тем же. Только вот беда – силы у нас не равны! И перевес явно в мою сторону!

Напоследок хорошенько стукнув ее по уху, я отпустила руку, и Туя кулем рухнула на грязный дощатый пол.

– Тварь! Ты еще пожалеешь!!! – ее глаза горели злостью и унижением.

Я пожала плечами.

– Может быть. Но тебе сейчас лучше позаботиться о своем будущем. Оно может быть весьма и весьма не радужным после всех твоих поступков. Карма – дама злопамятная. Да и вообще, почему я, Туя?! Есть Лейла, которая открыто проявляет чувства к Хану, но избавиться ты решила именно от меня!

– Потому что за все это время Лейла так и не дождалась от Хагана ответных чувств! В отличии от тебя, – было видно, что это признание далось ей с трудом. С губ девушки буквально сочился яд.

Не зная что на это сказать, я покачала головой и обошла Тую широким кругом. Поднявшись по лестнице, захлопнула за собой люк, и прошептала себе под нос:

– Ничего. Пускай посидит немного – мозги остудит.

Как оказалось, подвал, в котором я была запрета, находился прямо под кухней. Туя видимо решила, что в ее владения никто не станет совать нос.

Вытерев пот со лба, я обнаружила на тыльной стороне ладони полоску крови. Ощупав голову, поняла что на виске есть небольшая пульсирующая рана, которая и была ее источником.

Боже, такими темпами на мне скоро живого места не останется!

Голова все еще слегка кружилась, и я не сразу поняла, что свет попадающий сквозь пол в подвал был вовсе не дневным. На кухне горели свечи. Много свечей. А за окном сто-

яла ночь.

Черт! Хан! Мы же должны были обсудить все!

Ускорив шаг, я направилась к его юрте.

Парень встретил меня взволнованным взглядом и довольно резким вопросом:

– Где ты была?! Я весь день тебя искал!!! – заметив кровь на лбу и щеке, он тут-же приблизился, и повернув мою голову на свет, начал внимательно осматривать ее. Спустя минуту над моим ухом раздался до предела злой и сердитый возглас, – Кто. Это. Сделал?

Я тяжело вздохнула.

– Ты не поверишь...

Пока Хан обрабатывал рану на виске, я все в подробностях рассказала ему, не забыв упомянуть о том, что его поклонницы меня когда-нибудь в гроб загонят!

– Туя? Не может быть...

Хан тоже не ожидал такого от этой кроткой и скромной с первого взгляда девушки..

– Ну, видимо она решила, что все же сможет найти путь к твоему сердцу через желудок, – усмехнулась я.

Заклеив уже обработанную рану пластырем, Хан заставил меня выпить приличный глоток успокоительного, чтобы я смогла наконец-то нормально выспаться, и присел рядышком на край кровати. Едва ощутимо касаясь пальцами моих скул, он протянул:

– Путь к моему сердцу – это настоящий лабиринт, в кото-

ром и черт ногу сломит... И пока что через него пробралась лишь одна рыжая бестия.

Стараясь унять сладко екающее сердце и напоминая себе о том, что не стоит верить каждому слову Хана, я слегка кашлянув отвернула голову в сторону двери, и как можно более бесстрастно произнесла:

– Путь к твоему сердцу это пропасть, в которую даже пробовать соваться не стоит.

Парень хмыкнул.

– И не поспоришь...

Немного поерзав по кровати, я все же слегка отодвинулась от Хана, которому судя по напряженной позе это не совсем понравилось.

– Что теперь с ней будет? – поинтересовалась я, все еще пряча взгляд.

Краем глаза я заметила, что Хан неопределенно повел плечом.

– Даже не знаю. Магии в ней самый минимум, так что вряд ли Дархан станет проводить посвящение. Сила просто перегорит. Вероятнее всего он просто выгонит ее.

Я хмыкнула.

– Получается, что вместо наказания, Туя заслужила себе спасение. Жизнь весьма и весьма несправедлива...

– Ты хочешь чтобы она погибла?

Этот вопрос меня удивил. Изумленно вскинув брови, я резко повернула голову. Хан внимательно наблюдал за мной,

будто и правда допуская мысль, что я могу желать чьей-либо смерти.

– Нет конечно же! Даже ее спасению я буду рада. Просто было бы гораздо справедливее, если бы лагерь покинул какой-нибудь хороший человек. Разве вообще можно желать кому-то смерти?

– А как-же Дархан? Разве он не заслуживает смерти?

Действительно...

Я замялась.

– Это другое... Дархан заслуживает смерти, но это вовсе не значит, что я желаю такого исхода.

– А какого исхода ты хотела бы? – полюбопытствовал парень, добавив, – Даже если он совсем нереален.

Я всерьез задумалась над этим вопросом.

– Так сразу тяжело сказать... Но я бы точно не желала кровопролития. Наверное мне бы хотелось чтобы Дархан осознал что он натворил. Распустил стан, добровольно отказался от своей силы и вечной жизни. Ответил за все по современным законам. Наверняка окончание дней в теле простого человека не обладающего магией и властью было бы для него наказанием еще и похуже смерти.

– Да... На такое нам вряд ли стоит рассчитывать.

Я согласно кивнула и между нами повисло неловкое молчание. Поднявшись с кровати, тихо произнесла:

– Я наверное пойду к себе. Все равно уже поздно и мы вряд ли сейчас сможем что-нибудь дельное придумать.

Хан промолчал. Неловко кашлянув, я махнула рукой в сторону двери, напоследок сказав:

– Ладно. До завтра.

Так и не дождавшись хоть какой-то реакции, направилась в сторону выхода. На полпути Хан окликнул меня:

– Постой...

Я остановилась, но разворачиваться не стала. За спиной послышались осторожные шаги.

– Останься... Я хочу обсудить с тобой то, что происходит между нами. Обещаю не приставать.

Хан остановился прямо за моей спиной, и затылком я почувствовала его горячее дыхание.

Остаться... Вряд ли это приведет к чему-то хорошему. Но тем не менее я согласилась. Когда-нибудь нам все равно предстоит это обсудить, так что не к чему тянуть. Развернувшись на пятках, я сложила руки на груди и с невозмутимым видом произнесла:

– Хорошо. Говори.

Хан видимо не ожидал, что я так быстро соглашусь, а потому замешкал. В его глазах застыла растерянность и кажется даже немного смущение.

– Я никогда раньше никому не признавался в любви, поэтому надеюсь на твое снисхождение, – набравшись смелости он признался, – Когда я выловил тебя из ручья, то не поверил своим глазам. Конечно я чувствовал резкий запах магии, но никак не думал что найду там именно тебя. Спустя

столько лет ты очень сильно изменилась, но эти рыжие кудри и пронзительные серые глаза невозможно было не узнать. В остальном эта девушка оказалась абсолютно другой. Ребенком ты была очень открытой и доверчивой, а у ручья я увидел колючую, замученную до худобы девчонку с удивительно взрослым взглядом. Я сразу почувствовал к тебе влечение, но никак не мог соотнести его с тобой настоящей. Я все еще периодически видел в тебе ту малышку. Потому и скалился на тебя как шакал...

Слушая Хана я ловила себя на мысли, что именно сейчас верю каждому его слову. Или просто очень хочу этого...

Не отрывая от меня напряженных черных глаз, в которых отражался яркий свет свечей, парень продолжил:

– Когда я признал свои чувства, то сам себе настрого запретил привязываться к тебе. Я ведь знал, что ты станешь одной из следующих жертв и не хотел выбирать между тобой и своими родными... Но судьба распорядилась иначе. Я ничего не смог с собой поделать! С каждым днем влюблялся в тебя все больше и больше. Как мальчишка... И одновременно до безумия боялся, что ты узнаешь о моих чувствах, – Хан невесело усмехнулся, – Видел, что ты тоже равнодушна ко мне, и понимал что если сама сделаешь первый шаг, то я просто не сдержусь. Оттого и вел себя как последний урод!

Ладонь Хана взлетела в воздух и замерла у моего лица, лишь едва касаясь завитков волос надо лбом. Я же безуспешно старалась унять сходящее с ума сердце и упорно душила

в себе острое желание как кошка прижаться к его ладони, требуя большей ласки.

—Ну, а потом стало очевидно, что Глеб испытывает к тебе схожие чувства. И от этого я взбесился еще больше... Начал везде следить за вами и сходить с ума от ревности. А ты все твердила что хочешь быть с ним и только с ним. Я чуть рас-судка не лишился слыша все это...

Оставив в покое волосы, Хан вдруг опустился передо мной на колени и притянув к себе, прижался щекой к моему животу, сбивчиво шепча:

— Я делал много плохих вещей, Кара. Очень много, и место мне в аду. Меня не простят ни живые ни мертвые... Но я люблю тебя. Даже больше — я одержим тобой... И готов сделать что угодно чтобы удержать тебя рядом. Даже если нужно будет вновь пойти на преступление... Я сделаю это.

Его руки еще сильнее сжали мою талию.

—Знаешь.., — я была полностью обескуражена словами Хана, — Твое признание в любви очень сильно смахивает на исповедь сумасшедшего.

Хан тихо усмехнулся.

—Но мне понравилось, — призналась я.

Я буквально кожей почувствовала как сердце Хана заби-лось сильнее после этих слов. Это заставило меня задумать-ся... Мне тяжело доверять ему. Но даже если он сам по какой-то причине обманывает меня, разве может лгать его сердце? Боже... Я еще очень сильно пожалею об этом.

Если бы я тогда только знала насколько была права...

– Я не стану тебе рассказывать о своих чувствах – ты и так все прекрасно знаешь волей случая, – с неким смущением произнесла я, – Конечно по закону жанра после твоего признания я должна была томно закатить глазки и рухнуть в твои объятия, но пойми... Я не могу. Не сейчас. Слишком много всего произошло. И смерть Глеба... Не думаю что это было бы правильно. Давай пока что оставим все как есть, сейчас существуют проблемы глобальнее наших с тобой чувств.

Не сдержавшись, я провела ладонью по шелковистым черным прядям, ниспадающим на плечи парня, и тихо добавила:

– Я очень надеюсь, что когда-нибудь все это сумасшествие закончится, и тогда мы сможем хотя бы попытаться... Быть вместе.

Хан с тяжелым вздохом еще раз стиснул мою талию, и резко отпустил в, поднялся на ноги.

– Ты же понимаешь, что не отделаешься от меня просто так? – спросил он с невеселой ухмылкой, – Когда-нибудь тебе все равно придется упасть в мои объятия.

Чтобы не сгореть от смущения, мне пришлось опустить взгляд в пол.

– Я надеюсь на это, Хан...

После этой фразы я развернулась, все еще пряча глаза, и поспешно покинула юрту. Немая пауза, что повисла между нами грозила перерасти во что-нибудь далеко не дружеское.

А я пока не спешила переходить эту черту.

Оказавшись за пределами владений Хана, я вдруг поняла насколько сильно устала. Самым лучшим лекарством от сегодняшнего дня для меня был сон, и мне несомненно стоило как можно скорее оказаться в своей постели.

Однако не судьба...

Подходя к своему жилищу, я заметила, что в соседней юрте, где живет Лейла, все еще горит свет. Это и заставило меня в полушаге от собственной двери резко свернуть вправо. Лейла оказалась невиновна в том, в чем я ее подозревала. А это значит, что мне стоило извиниться перед ней.

Остановившись на пороге юрты, я украдкой бросила взгляд сквозь небольшое окошко в двери. Девушки не спали. Они играли в карты, сидя прямо в пижамах на овечьих шкурах, и тихо хихикая. Среди них была и Лейла.

Набравшись смелости, я несколько раз постучала, и не дожидаясь приглашения, приоткрыла дверь. Услышав тихий скрип несмазанных петель, девушки разом обернулись в мою сторону, удивленно глядя на позднюю гостью.

– Ты чего тут забыла? – не особо дружелюбно бросила Лейла, веером бросив старые потрепанные карты на пол.

– Мне нужно поговорить с тобой. И наверное извиниться.

Соседки Лейлы заинтересованно переглянулись между собой и притихли, ожидая чем закончится этот разговор.

Лейла поднялась на ноги, и сложив руки на груди, надменно вскинула одну бровь.

– Ну так извиняйся! Девочкам тоже интересно послушать в чем ты так провинилась передо мной!

Тяжело это признавать, но Лейла права. Я должна извиниться при всех. Из-за меня весь стан считает ее почти что убийцей.

Шагнув внутрь юрты, я тихо закрыла за собой створку двери, и обведя взглядом всех присутствующих, призналась:

– Все вы знаете что произошло со мной несколько дней назад... В общем это была не Лейла. Не она пыталась меня отравить. Я была не права выставив столь серьезные обвинения без должных доказательств. Бутылек из под яда ей подкинул совершенно другой человек, желая подставить. Сегодня я лично узнала об этом, и потому признаю свою ошибку и прошу у тебя прощения.

Взгляд Лейлы вспыхнул неподдельным интересом. Девушке не терпелось узнать кто-же на самом деле ее так подставил. И по всей видимости только из-за этого она на мгновение поджав губы, снисходительно произнесла:

– Ладно, так и быть. Я прощаю тебя! – потом девушка подхватила со своей кровати шерстяной плед и укутавшись в него потопала к двери, по пути сунув ноги в мягкие тапочки, – Ладно девчонки, вы играйте, а мы пойдем поболтаем.

Схватив за локоть, Лейла буквально вытолкнула меня наружу.

– Ну же! Давай рассказывай, кто это был?!

– Туя, – не стала скрывать я.

Глаза девушки значительно расширились и она пораженно протянула:

– Туууя? Да ладно!!! Ты хочешь сказать, что наша тихоня-поварешка свернула на тяжкий путь криминала и беззакония? Но с чего вдруг?

Из моего горла вырвался нервный смешок.

– Потому что мы с тобой посмели покуситься на ее беспечное будущее рядом с Ханом. От меня она решила просто избавиться, а на тебя скинуть всю вину, видимо чтобы очернить перед возлюбленным. Вот так вот.

Лейла аж рот приоткрыла от удивления.

– А ты то как обо всем этом узнала?

Удивительно как общий враг сближает людей... В тоне Лейлы больше не было неприкрытой враждебности, даже больше – со стороны наверное могло показаться, что мы и вовсе подружки, секретничающие о чем-то под покровом ночи.

– Пару часов назад Туя стукнула меня поленом по голове и утащила в свое логово под кухней. Ну, там она собственно говоря и разоткровенничалась.

Поплотнее закутавшись в шерстяную ткань, Лейла шмыгнула слегка покрасневшим от вечерней прохлады носом и недоверчиво прищутив раскосые глаза, поинтересовалась:

– Погоди, а как ты выбралась?

Я неопределенно дернула плечом.

– Да просто она то ли от излишней самоуверенности, то

ли от чрезмерной глупости даже связать меня не догадалась. Видимо решила, что после встречи с поленом моя черепушка уже будет достаточно дезориентирована чтобы раздумывать о сопротивлении.

Услышав это, Лейла звонко расхохоталась.

– Вот идиотка! Слушай, я только сейчас поняла кто мне периодически в шампунь луковый сок заливал! А я то наивная, думала это соседки с зависти...

– Луковый сок? – скривилась я.

– Ага. У меня после этого шампуня волосы неделю луком воняли! Брр, – девушка брезгливо дернула плечами, – А что теперь с этой гадиной кстати? Выгнали?

Я покачала головой.

– Пока нет. Я заперла ее в том подполе, где она меня держала и рассказала обо всем Хану. Пусть они с Дарханом сами с ней разбираются.

Лейла согласно покивала головой, но в глазах ее появился недобрый блеск.

– Эй. Ты чего задумала? Не советую заниматься самоуправством, – предостерегла ее я.

Девушка поморщилась.

– Ой, да брось! Будто бы мне больше заняться нечем! Ладно, адьос, аривидерчи, я спать и тебе того же советую.

Подмигнув мне напоследок, она скрылась за дверью юрты, а я так и осталась на крыльце в полном одиночестве и крайне смешанных чувствах. Как бы эта злопамятная стервочка не

натворила чего...

Не смотря на целый рой тревожных мыслей в голове и нехорошее предчувствие, я все же поддаюсь соблазну теплой манящей постели и отправилась спать.

ГЛАВА 18

Сон... Это был просто сон – уверяла себя я, стоя в одной лишь длинной вельветовой рубашке в клетку поверх белья, посреди обрядового кострища. Над головой блекло мерцали звезды, потихоньку уступая место утренним сумеркам, а вокруг стояла предрассветная тишина, в которой собственное судорожное дыхание казалось крайне неуместным.

А может я и сейчас все еще сплю?

Ущипнув себя за запястье и почувствовав резкую боль я поняла, что все же избавилась от странного сновидения. Но оставался один вопрос... Что черт возьми со мной происходит?

Вернувшись к себе после разговора с Лейлой, я не раздумывая рухнула в кровать, лишь успев избавиться от обуви и джинсов. Только моя голова коснулась подушки, как сознание тут-же уплыло в темноту, наполненную тревогой и ожиданием чего-то неизбежного.

Вот тут-то и начались странности...

Сквозь сон услышав громкий женский плачь, я распахнула глаза и резко села в постели. Вокруг все также стояла ночная темень, нарушаемая лишь тусклым мерцанием свечного огарка на прикроватной тумбочке. Крик повторился. И этот голос был мне слишком знаком...

Вскочив на ноги, я поспешно покинула юрту, прислушиваясь к звукам и пытаясь понять с какой стороны доносятся эти завывания. Как назло, вокруг вновь воцарилась тишина, поэтому не придумав ничего лучше, в итоге я поспешно направилась к Хану за помощью.

Проходя мимо кострища я замерла как вкопанная, потому что передо мной внезапно возникла Лейла, чей голос меня собственно и разбудил. Девушка появилась буквально из воздуха в полушаге от меня.

Вскрикнув от неожиданности, я прижала ладонь к груди, в попытках унять бешено колотящееся сердце.

– Ты издеваешься Лейла?! Какого лешего так пугаешь? Как ты вообще тут появилась...

И тут я наконец-то обратила свое внимание на одну маленькую странность... Маленькую, но масштаба коллосального. Лейла в прямом смысле этого слова была соткана из воздуха. Ее тело просвечивалось насквозь и слегка поддерживалось, будто изображение с помехами в телевизоре.

Раскрыв от удивления рот, я как замороженная протянула руку вперед, дабы коснуться девушки. Ладонь нащупала лишь пустоту, от которой веяло могильным холодом и сыростью. Пытаясь избавиться от этого мерзкого ощущения я резко отдернула руку.

– Все было совсем не так... – приглушенный голос Лейлы прозвучал в моей голове, но ее губы все еще оставались плотно сомкнутыми.

– Что? Что не так... О чем ты? Что вообще происходит?! Это какой-то фокус? Если да, то прошу, прекращай меня пугать, а то я так инфаркт заработаю!

Мне правда было страшно не на шутку. Магия магией, но такое...

Кожа Лейлы была мертвенно бледной, а на шее виднелся длинный порез, кровью из которого была залита вся ее одежда. Лицо девушки не выражало абсолютно никаких эмоций, однако из помутневших глаз беспрестанно текли слезы. И это было настолько жутко, что я невольно сделала шаг назад, очутившись прямо внутри кострища. Лейла тут-же двинулась вслед за мной, но остановилась как вкопанная около границы костра, выложенной крупными камнями. В моей голове вновь зазвучал ее голос. Но теперь это были не слова, а уже слышимые мною ранее завывания, наполненные болью и отчаянием.

Я просто не понимала что мне делать... Хотелось помочь девушке, как-то утешить ее, но сковывающий тело страх не позволял этого сделать. Не выдержав жутких звуков, я зажала уши руками и закричала сама, пытаясь своим голосом перекрыть плач Лейлы.

Так я и очнулась...

Как мне стало понятно, что все это был жуткий сон? Все просто. Над моей головой занимался рассвет, а в моем видении была глубокая темная ночь. Ну не могла же я простоять здесь несколько часов?? Осознание этого немного успокои-

ло меня, однако я все еще не могла смириться с тем фактом, что ходила во сне...

Глубоко вдохнув прохладный утренний воздух, я еще раз оглянулась вокруг себя, со страхом ожидая явления еще какого-нибудь пугающего видения, и сделала шаг вперед, выходя из кострища.

Вернувшись к себе, немного поплескала водой из умывальника на лицо и шею, приговаривая:

– Куда ночь туда и сон... Куда ночь туда и сон...

Этим словам меня научила Далана, когда я в первые дни пребывания в ее доме стала кричать и плакать по ночам, мучаясь кошмарами, в которых видела как сгораю заживо. Не думаю что она пожалела меня. Скорее просто хотела чтобы я отстала и не нарушала ее ночной покой. Тем не менее будучи впечатлительным ребёнком, каждый раз просыпаясь от кошмара, я быстрее бежала умываться и шептать свое маленькое заклинание, не позволяющее снам сбыться. Повзрослев я конечно поняла всю абсурдность данного ритуала, но это всегда помогало мне успокоиться.

Перекрыв воду в умывальнике, я легла в кровать и наконец-то забылась долгим сном без каких-либо кошмаров

Пробуждение принесло лишь головную боль и ломоту во всем теле. Со стоном потянувшись, я перевернулась с живота

на спину и заметила на краю кровати Хана, который сидел устало сгорбившись, и не мигая глядел в пустоту.

Приподнявшись на локтях, я хриплым ото сна голосом спросила:

– Ты чего так рано? Что-то случилось?

Все также не сводя глаз с одной точки, он как-то равнодушно отметил:

– Сейчас три часа дня, Кара.

– Что?!

Я взглянула на наручные часы валяющиеся на тумбочке, и со стоном откинулась на подушки.

– Я все проспала! И завтрак и обед и тренировку... Хотя неудивительно. Знаешь, ночка у меня выдалась что...

– Лейла мертва, – перебил меня Хан, кажется даже не вслушиваясь в мою речь.

Я впала в ступор. Медленно сев, переспросила:

– Что? – к горлу подступила волна ужаса.

Так это был не сон...

Хан прижал ладони к лицу, и напряженным тоном вымолвил:

– Сегодня утром я нашел ее в подвале под кухней с перерезанным горлом. Рядом была Туя. Тоже мертвая, – было видно что парень морально раздавлен, – Я не знаю как Лейла там оказалась, но со стопроцентной вероятностью можно сказать что это Туя убила ее, а потом сама отравилась все тем-же ядом, которым она пыталась убить тебя. Я нашел

несколько бутыльков в подвале среди продуктовых запасов.

Услышав это, я онемела. Она все таки пошла... Это я виновата, что не остановила её!

– В руке у Туи был окровавленный кухонный нож. А следы крови вели к телу Лейлы. Я одного не могу понять... Зачем? Зачем она пошла туда? Всего несколько часов и я бы сам пришел за Туей. И все были бы живы... – горько простонал он.

– Это я во всем виновата... – дрожащим голосом призналась я.

Хан отнял ладони от лица и медленно повернул голову в мою сторону.

– О чем ты? – его глаза светились непониманием.

– Вчера перед сном я говорила с Лейлой. Извинилась за то, что обвинила ее в отравлении... Она захотела знать кто на самом деле подставил ее. И я рассказала, – с ресниц сорвалась слеза. Судорожно всхлипнув, сбивчиво добавила, – Я ведь по глазам видела что она что-то задумала! Но даже пальцем не пошевелила чтобы остановить ее... Если бы я тогда...

Хан придвинулся ко мне, и обхватив руками притянул к своему телу.

– Тшшш... Послушай, ты ни в чем не виновата. Если Лейла чего-то хотела, то ее невозможно было сбить с пути, ты прекрасно знаешь это. Тебе не удалось бы ее остановить.

Выпутавшись из его рук я соскочила с кровати и вскрик-

нула:

– В таком случае мне нужно было пойти с ней! Как ты не понимаешь?!

Хан тоже поднялся вслед за мной, и выставив перед собой ладони в примирительном жесте, довольно жестко произнес:

– И тогда сегодня утром вероятнее всего вместо двух трупов я обнаружил бы три. Туя явно была психически нездорова, раз решилась на такое. Далеко не факт, что тебе удалось бы с ней справиться. Лейла ведь тоже была не из робкого десятка.

Осознав что он прав, я поумерила пыл.

Сделав шаг ко мне, Хан прошептал:

– Ты даже не представляешь насколько я рад, что ты не оказалась на месте Лейлы... Я бы не смог жить без тебя...

Сердце на мгновение замерло, услышав эти слова, но разум повел себя иначе.

– Ты считаешь, что чья-то смерть может быть поводом для радости? Пусть и в таком ключе, – черство поинтересовалась я.

Порой меня пугало то, как Хан относится к чужой жизни и смерти. За годы в подчинении Дархана он стал слишком хладнокровен. Лейла ведь не была для него совсем посторонним человеком...

– Я такой какой есть и не хочу лгать тебе. Если будет стоять выбор между твоей жизнью и жизнями сотни других людей, то я всегда выберу тебя! – выдал он, – Мне уже давно

приготовили место в адском котле, поэтому ради тебя я пойду на любой грех... Чего бы мне это не стоило.

Прикрыв глаза я огорченно покачала головой.

– Так нельзя... – это единственное что я могла произнести.

Хан пожал плечами и склонившись надо мной, прошептал:

– Может быть... Но никто не посмеет сделать тебе больно пока я жив. Я любого в ключья разорву только бы твое сердце билось.

От моих губ до его оставалось всего пара дюймов и целая бездна притяжения. И одни духи знают чего нам стоило сдерживать себя...

То что с нами происходит очень похоже на зависимость... И с моей и с его стороны. В каждом его признании я слышу проблески какого-то сумасшествия, но вопреки всему это заставляет меня влюбляться в него еще больше...

Склонив голову к моей шее Хан с шумом втянул носом воздух рядом с волосами лишь слегка касаясь дыханием пары завитков у щеки. Глухо застонав он отпрянул и резко развернувшись, направился к выходу. Громкий хлопок входной двери, и вот, я уже стою в юрте абсолютно одна в крайне растерзанных чувствах.

С бездумным взглядом нашарив у изножья кровати свои джинсы, я оделась и побрела на улицу, сама не зная куда направляюсь.

Разряженный воздух за стенами юрты пах свежестью и дождем, а небесная гладь всюду кишела крикливыми черными воронами, которые будто бы предупреждали о надвигающейся грозе. Ветер, налетая рывками, гнал меня вперед, толкая ноги к тому месту, в которое мне сейчас точно не стоило идти. Но уткнувшись носами кроссовок в крыльцо кухни, я поняла что уже не смогу повернуть обратно...

Смирившись с собственной глупостью и отсутствием инстинкта самосохранения, я огляделась по сторонам, чтобы убедиться в том, что никто не наблюдает за мной, и тихонько приоткрыла дверь.

В самой кухне не было никаких признаков ночной трагедии. Лишь на полу так и остались валяться несколько столовых приборов, которые я вчера уходя нечаянно скинула со стола.

Интересно, а где же сегодня готовили еду?

Дернув за ржавое железное кольцо, я откинула крышку подвала и мне в нос ударил затхлый запах крови и сырости. Подхватив с разделочного стола одну из свечей и спички, я начала медленно спускаться по лестнице.

Когда подошвы обуви глухо впечатались в деревянный пол, я чиркнула спичкой и тут-же поднесла ее к фитилю. То, что показалось в слабом свете парафиновой свечи, оказалось просто ужасно... Я никак не ожидала что тела обеих девушек все еще лежат здесь.

Хан ни словом не солгал, описывая увиденное. На пыль-

ном деревянном полу действительно лежали два безжизненных тела, покрытые кровью. Почти у моих ног, лицом в потолок, покоилась Туя. Ее окоченевшие пальцы все еще сжимали окровавленное орудие убийства, а в уголках приоткрытого рта белела засохшая пена. Неподалеку валялся пустой стеклянный бутылек из под змеиного яда.

Капли крови, засохшие на большом кухонном тесаке, дорожкой бежали от поблекшей стали в самую глубь подвала. Туда где Лейла издала свой последний вздох. Чтобы не обезуметь от страха и с диким криком не броситься прочь, я медленно досчитала до тридцати, в попытке хоть немного успокоиться, и двинулась к телу второй девушки.

Лейла... В своем сне я видела ее именно такой. Некогда смуглая кожа приобрела мертвенно бледный цвет. Через всю шею как рубиновое ожерелье тянулся багровый порез, а одежда была покрыта жутким узором из капелек засохшей крови. Ее глаза... Совершенно пустые безжизненные глаза глядели в пустоту.

Едва сдерживая поток слез, я присела на корточки и дрожащей ладонью прикоснулась к векам девушки, закрывая их.

– Вот так... – тихо прошептала я, а про себя подумала – “Уже двое суток подряд я закрываю покойникам глаза... По моему это слишком.”

Просидев над телом Лейлы еще минут пять я вновь извинилась перед ней за все и уже собиралась уходить, как вдруг заметила, что в ее ладонке зажатой в кулак что-то блестит.

Не без труда разогнув окоченевшие ледяные пальцы девушки, я услышала тихое звяканье, и на пол рядом с рукой Лейлы упал серебряный кулон. Тот самый кулон, что я видела в тайнике Хана!

Надо же... А я и забыла уже про него совсем... Но как он оказался у Лейлы? Неужели я была права и украшение изначально принадлежало ей?

Теряясь в догадках, я потянулась к поблескивающей на полу тонкой цепочке, и едва металл коснулся моей кожи, как голову пронзила дикая боль.

Приступ... Снова...

В этот раз видение было гораздо яснее. Никаких мелькающих изображений, а лишь четкая красочная картинка. Я будто бы смотрела театральную постановку в первом ряду.

Густой темный лес... Посреди него раскинулась широкая поляна с небольшим ветхим домиком. Рядом с жилищем весело журчал узкий ручеек, а на берегу у маленького костерка, спиной ко мне сидела темноволосая худенькая девушка. Я попыталась окликнуть ее, но из горла не вырвалось ни звука.

Девушка тем временем повернулась вполоборота и я увидела на ее руках младенца, укутанного в теплую шаль. Уложив ребенка к себе на колени, незнакомка вдруг выудила из складок длинной перелатанной юбки небольшой кинжал, явно предназначенный для женской руки, и полоснула им по вытянутой ладони. Когда алые капли с шипением упали в

огонь она произнесла тонким мелодичным голосом:

– Санхалан...

Огонь вспыхнул и начал разрастаться, принимая фигуру человека. Пара мгновений и от языков пламени отделился высокий мужской силуэт, делая шаг в сторону девушки.

– Ивина!

Девушка издала громкий вскрик и прижав ребенка к груди одной рукой, рыдая, протянула вторую к мужчине.

– Санхалан! Ты пришел! Я так ждала тебя! Почему тебя не было так долго?!

Рыжеволосый статный красавец опустил на колени, и прижав девушку с младенцем к себе, горько произнес:

– Прости меня, моё сердце... Я не мог по другому. Поверь, каждое мгновение я думал лишь о вас и о том чтобы как можно скорее вернуться!

Девушка – Ивина, тут-же приникла к своему возлюбленному, и глядя на него огромными серыми глазами, полными слез, прошептала:

– Я больше не выдержу разлуки... Наша дочь... Она так плачет когда тебя нет рядом... Мы не сможем без тебя, Санхалан...

Мужчина слегка отодвинулся от Ивины, и обхватил ладонями ее бледное личико.

– Родная, прошу, выслушай меня внимательно, – глаза Санхалана были наполнены безграничной печалью и тоской. Казалось, еще чуть-чуть, и мужчина взвояет от горя, – Мы

больше не сможем видеться...

Девушка вздрогнула, как от пощечины.

– Что? Что ты такое говоришь... Если это шутка, то очень плохая, Санхалан!

– Это не шутка, Ивина... Други хозяева стихий узнали о том, что я нарушил закон. Советом было решено, что я больше никогда не смогу вернуться на землю... Это последний раз когда мы видимся, любимая.

– Нет, нет, нет!!! – девушка разрыдалась навзрыд, уткнувшись лбом в плечо Санхалана. Ребенок на ее руках тоже начал жалобно хныкать, – Неужели нет иного выхода?! Я не верю в это!!! Нет!

Санхалан вскинул голову к небу, и в его глазах тоже блеснули слезы.

– Я не могу ничего сделать... Это моя вина, Ивина! Я не смог совладать со своими чувствами и посмотри что из этого вышло? Мы оба теперь несчастны... А наша дочь будет расти без отца. Всемогущее пламя, только я сам виноват во всем этом...

Казалось, что Ивина даже не слушает его. Девушка выла и кричала, сотрясаясь от горя.

До бела сжав челюсти, Санхалан прижался губами ко лбу своей возлюбленной, и сбивчиво прошептал:

– У меня больше нет времени, родная. Пора уходить... Но знай, я люблю тебя больше всего на свете... Тебя и нашу девочку! Мое сердце навсегда останется с тобой.

С трудом отпрянув от рыдающей в голос Ивины, мужчина протянул руку к своей шее, и снял с нее уже знакомый мне кулон.

– Помнишь, родная? Ты подарила мне его, чтобы я всегда чувствовал что ты рядом. Смотри... Посмотри пожалуйста, Ивина, прошу!

Девушка с трудом сфокусировала на кулоне заплаканный взор.

– Читай, – велел Санхалан.

Хриплым и севшим от крика голосом, Ивина прочла:

– Храни и помни – от любви страдают даже боги...

– Я хочу чтобы этот кулон остался у нашей дочери. Чтобы она всегда знала от какой великой любви она появилась на этот свет.

Санхалан склонился над младенцем, и откинул с ее головки шаль. Из под ткани показались короткие пушистые волосики янтарного цвета... Оборвав цепочку почти наполовину, и тем самым укоротив ее, отец застегнул кулон на шейке девочки и прижался губами к ее лбу.

На этом видение оборвалось...

ГЛАВА 19

Как только боль отхлынула, и я осознала, что только что увидела, меня бросило в жар. Хватая ртом воздух, как рыба выброшенная на сушу, я подскочила на ноги, и тут-же потеряв равновесие, рухнула обратно на пятую точку. Голова кружилась, в горле стоял тяжелый ком. На грани сознания я на коленях подползла к какому-то старому металлическому ведру, и меня тут-же вывернуло в него.

Когда желудок полностью опустошился и мне стало гораздо легче, я отползла от ведра подальше и устало прислонилась спиной к большому мешку с зерном.

Мой отец хозяин огня.

Так вот почему хозяйка земли назвала меня сестрой... И поэтому мои чувства никуда не исчезают в мире духов. Просто во мне самой есть часть этого мира.

Господи, да как это вообще возможно?! Разве духи принимают человеческое обличье на земле? Не понимаю... И что самое печальное, спросить об этом мне не у кого. А может все это просто совпадение? Ну подумаешь, рыжий младенец! Мало ли таких по всему белу свету...

Да... Весь этот внутренний монолог звучал настолько жалко, что я нервно усмехнулась. Не может это быть совпадением, смысл обманывать себя?

Но почему Хан не рассказал мне про кулон и не вернул его? И как вообще он оказался у Лейлы? Она ведь шла отомстить Туе, к чему ей брать с собой эту безделушку?

А может Лейла знала гораздо больше чем говорила...

В том странном видении она сказала мне что все было совсем не так. На что девушка намекала? Может Туя была не просто ревнивой психопаткой, а имела куда более глубокие мотивы?

Великие духи, столько вопросов и ни одного ответа...

"Дух!" – тут же озарило меня. Нужно поговорить с хозяевами стихий – лишь они знают истинную суть событий!

Кое-как собрав себя в кучу, я поднялась и нетвердым шагом направилась на тренировочную поляну. Хана решила не звать. Я все еще не была уверена что могу ему целиком и полностью доверять.

До поляны добралась никем незамеченной и это порадовало меня. Не хотелось терять время на объяснения.

Очувтившись у кострища, я собрала немного хвороста и сложив его домиком подожгла захваченными с кухни спичками. Потом пришел черед зова крови. Вот тут было посложнее... Ножа при себе я не носила, и мне пришлось справляться подручными средствами. Вспомнив о том, что недавно сильно поранила ухо о кусты можжевельника, я начала с силой расцарапывать ранку ногтями пока из нее не закапала кровь. Опустившись на колени около костра я собрала на палец несколько алых капелек, и сунула его прямо в огонь. По-

чувствовав опаляющий жар, резко отдернула руку и подула на кожу. Палец был абсолютно чист – духи приняли зов...

Все нужные для перехода в другой мир амулеты я никогда не снимала, а потому не раздумывая скинула с ног обувь и легла на землю. Расслабиться в таком взвинченном состоянии было не просто, но я все же справилась. Прошло примерно четверть часа и я наконец-то оказалась в мире духов.

Едва восстановив дыхание после перехода, сразу вышла на середину поляны и напряженно воскликнула:

– Духи стихий, мне нужно поговорить с вами! Прошу! Хоть кто-нибудь...

Ответом мне была тишина.

– Пожалуйста... – сквозь зубы протянула я, – Отец. Я умоляю тебя, поговори со мной!

– Он не придет к тебе.

Я резко обернулась. В метре от меня стояла мать земля.

– Почему? – отрывисто спросила я, – Мне просто нужно поговорить с ним.

– Ему запрещено, дитя.

Вот же ж...

– Тогда вы! – не стала сдаваться я, – Расскажите мне, что стало с моей матерью и как я на самом деле попала в стан. Вы же знаете!

– Знаю, – не стала скрывать хозяйка земли, – Но сказать не скажу. Ни духи ни боги не могут вмешиваться в судьбы живых. Таков неотложный закон, сестра.

– Но как же мой отец? Разве он не вмешался в судьбу мамы? – не отставала я.

– Вмешался. Но он заплатил за это сполна.

Не выдержав накала собственных эмоций и равнодушного тона хозяйки земли, я гневно вскрикнула:

– Зачем вы тогда вообще нужны?! Великие духи! Да что в вас такого великого, если вы даже пальцем не пошевелите, пока такие как Дархан свободно ходят по земле, убивая невинных людей?!!

Мать земля взглянула на меня опечаленным взглядом и с глубоким сожалением в голосе ответила:

– Ты думаешь мы не страдаем от этого? Думаешь я радуюсь глядя как мои дети убивают друг друга ради денег и власти? Ох, девочка моя... Не все в силах духов. Мы лишь стережем границу среди живых и мертвых, да сохраняем равновесие между всеми природными силами. Вы, люди, любите говорить – " На все воля духов, на все воля богов" – но это не так. Лишь вы сами вершите свою судьбу. Мы можем только воздать по заслугам плохому человеку, сделав его следующую жизнь при перерождении такой, какой он заслуживает. Но на земле мы не властны над человеком.

– Стоп, стоп, стоп! – остановила я, – Но как же висячий камень? По легенде духи помогли Солонго, сбросив камень с горы. Разве не так?

Женщина лукаво улыбнулась.

– Это не наших рук дело.

– Вот значит как, – многозначительно протянула я, – И вы конечно же не станете мне говорить кто это сделал, верно?

Ясно с вами все!

"Лицемеры" – подумала про себя я, и развернувшись, топала к костру, понимая что большего мне здесь не узнать.

– Постой, – донеслось мне в спину.

Я притормозила и через плечо раздраженно бросила:

– Что еще?

– Хоть ты этого и не чувствуешь, но поверь, твой отец всегда приглядывал за тобой. Он любит тебя, пусть и никогда не сможет сказать об этом лично.

– Спасибо... – едва слышно произнесла я, и шагнула в костер.

Вернувшись из мира духов ни с чем, я застегнула на шею короткую серебряную цепочку, опустив кулон в ямку между ключицами, и решив что иного выхода нет, направилась к Хану.

Попробую устроить допрос ему...

Судя по ощущениям, за гранью я пробыла около пары часов. Время уже клонилось к вечеру и все ребята должны возвращаться в свои юрты, однако по пути в лагерь я не встретила ни единого человека.

Стан будто бы вымер...

Небо все так-же хмурилось, сбрасывая на землю редкие капли мороси. Стерев с носа дождевую влагу, я задумалась и решила, что все спрячутся по домам в ожидании грозы.

Ладно. Надеюсь хоть Хан у себя.

Но мои ожидания не оправдались. Его юрта была пуста...

Предчувствуя что-то неладное, я проверила еще несколько жилищ поблизости, но и там тоже никого не было.

Да что черт возьми происходит?! Какой-то обряд вне лагеря, а меня не позвали?

Теряясь в догадках, я быстрым шагом направилась к себе, по пути вспоминая – " А ведь когда я шла к кухне и на тренировочную поляну, вокруг тоже никого не было... Получается к этому времени стан уже был пуст? Но почему тогда Хан ничего не сказал когда приходил днем? Что-то мне все это не нравится... "

–Тусгай.

Вот это уж точно не к добру...

Услышав голос за спиной, я встала как вкопанная, не дойдя до своей юрты всего пару шагов. Медленно повернувшись, тихо выругалась, осознав что старческий голос мне не померещился. Рядом стоял Дархан. С ножом. С тем самым ножом, которым он прирезал Глеба...

Я громко сглотнула.

–Твое время пришло, дитя. Сегодня тебе позволено обрести контроль над своим даром.

О нет... Нет, нет, нет! Только не это!!!

Ничего не ответив, я начала медленно пятиться назад.

Дархан улыбнулся. А ведь по виду и не скажешь, что этот милый, добродушный с первого взгляда старикан на самом деле сумасшедший маньяк... Неудивительно что он смог заманить в стан столько детей.

—Не делай глупостей, девочка. Мы ведь оба прекрасно понимаем, что от судьбы не убежишь.

Я нервно усмехнулась, сказав:

—От судьбы может и нет, а вот от чокнутого психопата вполне себе.

И тут-же что есть сил рванула в сторону выхода из лагеря, пока шаман не успел опомниться.

Удивительно, но чавкающие звуки сапог Дархана, топающих по раскисшей от сырости земле, приближались с невероятной скоростью.

Черт побери, он что спринтер?! В его почтенном возрасте вредно так быстро бегать в конце-то концов!!! Как он вообще так быстро меня догнал? Может зелье или заклинание какое?

В общем бежать мне пришлось недолго. Неподалеку от озера сильная рука схватила меня поперек талии, а вторая прижала к носу и рту какую-то тряпку, пропитанную едкой, вонючей жидкостью, от запаха которой я тут-же провалилась в темноту.

Холодный ветер насквозь пронизывал мое тело, заставляя дрожать и ежиться. Голова была наполнена каким-то странным туманом, и потому, когда я открыла глаза, не сразу осознала, что лежу на краю скалы, прижимаясь щекой к холодному мокрому камню. Когда сознание наконец просветлилось, и до меня дошло, что от падения с десятиметровой высоты мое тело ничего особо не отделяет, то я рывком перекатилась на бок и вскочила на ноги. Голова сильно закружилась от резкого подъема, и в целом я чувствовала себя так, будто по мне проехали асфальтоукладочным катком. Даже дыхание давалось с трудом. Такое впечатление, что все мои силы ушли на то, чтобы подняться с земли. Не удержавшись на ногах, я пошатнулась и упала на колени, раздирая джинсы и раскраивая кожу об мелкие острые камни.

– А, очнулась... – Дархан, сидящий неподалеку от меня в позе лотоса, вытащил из голенища сапога свой нож, и кряхтя, медленно поднялся с земли, – Ты долго спала, Тусгай. Я уже и сам хотел тебя будить.

– Что... Что со мной... – язык еле ворочался во рту, превращая речь в нечто несвязное и непонятное.

Шаман медленно приблизился и, глядя на меня сверху вниз, провел сухой старческой ладонью по волосам и щеке. У меня тут-же возникло острое желание отдернуться от этой жуткой ласки, но тело к сожалению отказывалось слушаться и я смогла лишь слегка склонить голову на бок.

– Не пытайся сопротивляться, дитя. В твоей крови сейчас течет сульфозин. Доза очень слабенькая, но ее как раз хватит для того чтобы обездвижить на несколько часов тело. Ну, ну, ну... Не сверли меня так взглядом. Зная твою крайне любопытную натуру, я конечно же удовлетворю эту праздную любознательность, – великодушно сжалился надо мной шаман, – Сульфозин вводят буйным психам, делая их особенно покорными. Такое лекарство конечно достать было не легко, но ты бы ведь все равно отказалась добровольно подчиниться своему предназначению, верно? Ну, вот поэтому мне и пришлось попотеть разыскивая его.

Я с ненавистью глядела на этого психа, одержимого всевластием, и сгорала от ярости, осознавая, что действительно теперь не смогу ему препятствовать. Тело было будто и не моим вовсе...

Наконец-то отняв ладонь от лица, он зашел мне за спину, и прижал ее к макушке, наклоня мою голову назад так, чтобы я могла видеть его.

– У сульфозина конечно же есть множество весьма неприятных побочных действий. Через некоторое время поднимается температура, начинается агония... Ломка и дичайшие боли во всем теле. Однако ты можешь не переживать об этом. Как только я проведу посвящение, твоя сила выжжет препарат из тела.

Эта новость меня одновременно напугала и порадовала. С одной стороны стоило опасаться что что-то пойдет не так

и лекарство все-же останется в моей крови. Но с другой... Если я вновь буду способна управлять своим телом, да еще и смогу полностью владеть магией, то наверняка получится сбежать от этого психа, верно?

– По глазам вижу что ты рада данному исходу... Ну да ладно, нам уже пора начинать! Знаешь ли, только с рассветом магия этого места начинает совсем сходиться с ума. Чувствуешь? Гнетущая атмосфера, которая буквально кричит тебе о том, что нету ничего лучше смерти...

И действительно... С каждой минутой в груди разрасталось странное чувство, толкающее на мысли о том как было бы приятно полететь с этой скалы вниз... Кошмар. Вот почему это место буквально устлано ковром из останков животных.

– Просто скала на которой мы сейчас стоим, на самом деле является могилой древнего колдуна, промышлявшего при жизни ритуалами, завязанными на жестоких жертвоприношениях. Сильный был колдун... Сильный... Сейчас уж таких и нет, – поделился Дархан, – Но зато это место позволяет магии проклюнуться в таких юных птенчиках как ты! Ваша сила начинает ощущать необходимость защитить своего хозяина и мгновенно прорывается наружу.

Слушая Дархана я мечтала лишь об одном – чтобы все это поскорее закончилось, потому что тело начинало периодически пронзать болью, схожей с сильными ударами тока, а собственный мозг уверял меня в том, что все эти мучения

закончатся как только я умру, тем самым навевая мысли о том, что самоубийство это нечто светлое и прекрасное.

Оторвав от меня взгляд, Дархан воодушевленно уставился на занимающийся рассвет и начал бормотать какие-то непонятные мне слова на незнакомом языке. Его речь постепенно стала перетекать в завораживающее песнопение и в моей груди начал буквально разрастаться огонь, доставляя боль и ощущение того, что тело сейчас просто испепелиться.

Речитатив, доносящийся из уст шамана становился все громче, а меня не отпускала мысль о том, что в этот раз я уже могу не пережить обряд. Дархан ведь даже не соизволил провести единение со стихией. Вдруг огонь вновь не примет меня?!

Когда внутреннее пламя полностью поглотило мое существо, из горла вырвался крик, и тело будто-бы взорвалось, разлетаясь на мелкие атомы и тут-же собираясь обратно.

И я вспомнила... Все вспомнила.

“Нет... Этого не может быть” – первая мысль которая посетила мое уже абсолютно ясное сознание. Как же я раньше не поняла...

С этими мыслями вновь пришла темнота и удушливый смрад, который совсем недавно уже погружал мой разум в забвение.

ГЛАВА 20

В этот раз пробуждение не принесло никаких неприятных ощущений. Более того телу было мягко и приятно, будто оно плыло на пушистых белоснежных облаках.

Сладко потянувшись, я улыбнулась сама себе и приоткрыла веки, щурясь от яркого солнца, заходящего за горизонт. Я давно не чувствовала себя так хорошо. Тело казалось наполненным искристой энергией, от которой хотелось бежать на встречу ветру, куда глаза глядят, а сознание впервые за долгие годы было абсолютно ясным. Как-будто мне наконец-то вернули что-то родное, до безумия важное – то без чего я все это время не могла быть собой...

И тут меня накрыло оглушающей лавиной воспоминаний. Мама... Папа... Мое детство... И чертов стан... А еще он. Тот из-за кого моя жизнь в один момент оказалась полностью разрушена.

Дархан...

А точнее – Ерден.

А если еще точнее... Хан.

В груди медленно разрастался ком отвращения к самой себе. Как я могла оказаться такой идиоткой?! Почему не распознала лжи???

Отвернув голову от солнца, я прикрыла слезящиеся от яр-

кого света глаза, и села в своей импровизированной постели, которой оказался целый ворох пушистых овечьих шкур тонкой выделки.

Надо же... Как заботливо для убийцы.

Сложив руку козырьком, я приставила ее к глазам и огляделась. Мне несомненно было знакомо это место. Даже больше – я уже бывала здесь. Правда не в этой реальности.

Висячий камень, вот где я оказалась. Только в этот раз мне повезло очутиться далеко от обрыва. Некто очень предусмотрительный соорудил мне постель на так называемой “смотровой” площадке, шагах в пятнадцать от самого висячего камня.

Скинув с колен одну из шкур, служившую мне покрывалом, я тихонько поднялась, стараясь не создавать лишнего шума, и огляделась.

Похоже, что на скале я одна.

Хотя...

На краю обрыва медленно дотлевали оранжевые угольки, обложенные мелким скальником. Значит кто-то из них явно неподалеку.

Прокравшись к висячему камню, я ухватила пальцами за трещину в шершавой серой поверхности, и заглянула вниз. Голова тут-же закружилась от огромной высоты, но еще хуже мне стало, когда я перевела взгляд на один из каменных уступов у подножья горы. Там было распростерто тело мужчины с неестественно вывернутой ногой и залитой

кровью грудью.

Это был Дархан.

Хватая ртом воздух и пытаюсь прийти в себя, я прикрыла глаза и откинулась спиной к камню. Над ухом раздался до боли знакомый голос:

– Я не мог оставить его в живых. Он ослушался моего приказа и причинил тебе боль. Дархан заслужил эту смерть. Но всех остальных ребят из стана я просто отпустил, все они живы и вероятно уже находятся дома.

Вслушиваясь в слова Хана, я никак не могла решиться и поднять веки. От осознания того, что все это время я любила человека, который загубил тысячи невинных жизней, хотелось умереть. Сердцу было настолько больно, что я равнодушно игнорировала свой разум, буквально вопящий о том, что нужно бежать, спастись и бороться за жизнь всеми возможными способами!

Мне хотелось лишь одного. Чтобы не было так больно. Чтобы я никогда его не любила.

Великие духи... Прошу помогите. Я не справлюсь.

Но духи молчали. Все верно... Им ведь нельзя вмешиваться в человеческие судьбы.

Поэтому я сильнее стиснула челюсти и посмотрела на своего потенциального убийцу, в которого я так отчаянно влюбилась. Едва встретившись с Ханом глазами, я задала лишь один вопрос:

– За что?..

Пристальный черный взгляд и такой же короткий ответ:
– Так надо.

– О! Ну это конечно все объясняет! – не сдержалась я, – Так надо? Ты серьезно?! Кому надо – тебе? А я тут при чем?!!! Почему моя жизнь должна быть разрушена по одной лишь твоей прихоти?!!! Хотя плевать на меня! Ты убил больше тысячи, тысячи человек, Хан!!! Или как мне теперь звать тебя? Может быть Ерден?!

Сморгнув злые слезы, я выжидающе уставилась на парня, в душе надеясь, что всем его поступкам есть какое-то оправдывающее обстоятельство. Но нет... Хан молча опустил взгляд и признался:

– Слишком много жизней было загублено ради этой цели, чтобы все бросить. Тогда все жертвы станут напрасными... И я не хотел губить твою жизнь. То есть нет, не так... Когда ты в первый раз появилась в лагере, то я действительно думал, что полностью раскрыв твой дар, убью тебя и заберу силу. Но потом... Когда встретил тебя у ручья... Что-то перевернулось у меня внутри. И я понял, что никогда не смогу причинить тебе вред.

Я истерически рассмеялась, и сквозь безумный хохот выдала:

– И ты серьезно сейчас думаешь, что это оправдывает тебя? Ты просто псих! Что за цель такая, ради которой ты готов убить кучу человек, в том числе и маленького ребенка?!
Ничего не сказав, Хан взял меня за руку и подвел к дого-

рающему костру, а сам развернулся и пошел в другую сторону. Буквально через минуту он вернулся с одной из шкур на которых я спала. Постелив ее на камень, парень сказал:

– Садись. Разговор будет долгим.

Глядя на всю эту мнимую заботу я вновь едва сдержала слезы, но все же присела на краешек шкуры, прижав к груди колени и обхватив их руками. Сам Хан расположился напротив меня, свесив одну ногу над пропастью.

И не боится же...

Сделав нехитрый пас рукой, он превратил тлеющие угли в жаркое пламя, которое в надвигающихся сумерках очень живо отражалось в его бездонных черных глазах. Глядя на искры, гаснущие в воздухе, парень наконец-то начал говорить:

– Ты уже знаешь историю про спящего Саяна. И знаешь о том, что это вовсе не выдуманная сказка. Все что я тебе рассказал – правда. За единственным исключением... Главным злодеем сего эпоса является вовсе не Дархан, а я. На самом деле это Дархан был тем мальчиком, что невольно стал свидетелем истинного положения дел и в итоге согласился на жизнь в моем подчинении. Вот только со временем он втянулся и начал получать удовольствие от убийств. Мне даже порой приходилось сдерживать его. Но ты уже и сама обо всем этом догадалась. Сегодня он перешел черту. После того как я догнал тебя и ввёл в сон при помощи специального раствора, то приказал Дархану не причинять тебе вреда. Но

он послушался, за что собственно и поплатился...

Так вот почему мне не удалось сбежать... За мной гнался вовсе не немощный старик, а сам Хан.

– Я родился в 1620 году, в государстве Юань. Моим отцом был не самый удачливый каан одного из монгольских улусов, а матью русская рабыня. Она умерла едва я появился на свет. Отец не обладал той мудростью и хитрым умом, которым должен обладать правитель, а потому находился не на лучшем счету у великого хана. Более того, не раз поднимался вопрос о том, чтобы отнять у него титул. Отсутствие военных успехов, почти пустая казна, да и к тому же у отца не было законного наследника мужского пола – все это способствовало пренебрежительному отношению со стороны других каанов. Понимая что еще немного и он лишится всего, отец не придумал ничего лучше, чем обратиться за помощью к Уроборосу. Заставив местного шамана провести обряд, он воззвал к великому змею и стал просить о том, чтобы тот помог ему стать достойным правителем. Взамен он предлагал уроборосу в жертву ежемесячно по одной своей наложнице. Змей согласился помочь отцу, но счел плату не соответствующей. Ему не нужны были кровавые жертвы. Взамен на помощь, Уроборос попросил у отца половину души одного из его кровных детей. Но вот беда... Детей то было всего двое – я и моя сестра. И конечно же в жертву был отдан я, бастард, которого отец не особо то и жаловал. Когда он повел меня к обрядовому костру, я даже не догадывался насколько вско-

ре изменится моя жизнь и я сам. Уроборос принял жертву и забрал половину моей души, оставив вместо нее этот знак.

Хан задрал край футболки, указав на уже виденную мною ранее татуировку. Но сейчас я уже поняла, что это не просто чернила. Знак был буквально выжжен на коже Хана.

– Изначально отметка была одним большим шрамом, вроде тех что есть у тебя, но я нашел одного умельца в соседнем улусе, который вскрыл уже зажившие раны и вогнал в них сажу. Я не мог оставить на себе выжженное клеймо, потому что такими в мое время отмечали лишь рабов, но вот зато тату уже не являлось чем-то зазорным. Но все это было гораздо позже... После обряда к отцу действительно повернулась удача. Он выиграл несколько сражений с врагом и наполнил казну до верху. Великий хан теперь был к нему благосклонен, ну а я... Я потерял часть себя. Ушла жалость, сочувствие, милосердие, сострадание. Но я не посчитал это лишение чем-то ужасным, более того я получил ту рациональность и расчетливость которой мне всегда не хватало. С этими новыми приобретениями довольно скоро я стал одним из лучших военачальников Монголии, и спустя несколько лет сверг с власти своего отца. Я достиг всего того о чем даже и не мечтал, но не чувствовал от этого удовлетворения. Мне нужно было больше власти. Тогда я бросил свой улус и уехал к одному темному шаману, которого все звали Ухэшгуй, что значит бессмертный. Ухэшгуй согласился учить меня, потому что ему нужно было передать кому-то свою силу, накоп-

ленную годами. Получив все нужные знания я не пожелал ждать пока шаман уйдет к духам сам, и поэтому просто убил его, забрав магию себе. И вот тогда я что-то почувствовал... Меня будто переполняла сила и величие. Я понял что хочу больше...

– И ты начал забирать крупицы магии у природы, губя места силы, а потом и самих людей... – перебила я Хана.

Парень кивнул.

– Да. Это было похоже на зависимость, я уже не мог остановиться, заменяя все то хорошее, что когда-то было во мне, чувством абсолютного превосходства над остальными существами. Спустя несколько лет я начал собирать войско из одаренных физической силой и магией молодых парней. Стан золотой крови... Они помогали мне взамен на то, что я раскрывал в них дар. Когда мы с первым поколением золотых воинов достигли Ергак, то к нам присоединилась моя младшая сестра. Она сбежала из дома, потому что новый кан моего улуса пытался выдать ее замуж за своего военачальника, который ей в деда годился. Солонго было всего шестнадцать когда она попала в мой стан... Ну а дальнейшую историю ты знаешь сама.

Знаю...

Не знаю только одного – как мне на все это реагировать? Нет половины души... Звучит как что-то из области фантастики. Хотя сейчас вся моя жизнь – одна сплошная фантастика.

– Хорошо. Допустим я тебе верю. Но объясни, почему Уроборос забрал лишь половину твоей души? И разве он может вмешиваться в жизни людей?

Хан неопределенно повел плечами.

– Уроборос существует вне двух миров, он как бы везде и одновременно нигде, и законы мира духов над ним не властны. Уроборос это сама жизнь – ее начало и конец. А по поводу души... Не знаю, такова была его плата. Змей не всегда милостив, но мудр и справедлив. Видимо так он хотел наказать отца за то, что ради власти тот готов пожертвовать самым дорогим – своим ребенком. Уроборос вероятно предвидел, что я свергну родителя и лишу его всего желаемого, если потеряю лучшую половину своей души. Ну, а если бы он забрал всю мою суть, то я бы просто превратился в дикого зверя живущего инстинктами, а не разумом.

Кошмар. Как можно превратить своего сына в жестокое чудовище ради престола? Хотя и в истории мира это вовсе не ново...

– Неужели ничего нельзя изменить? – с затаенной надеждой спросила я, – Как-то вернуть часть твоей души. Может быть стоит вновь обратиться к Уроборосу?

– Нет. Не смей даже думать об этом! Ты же видишь, что обращения к высшим никогда не заканчиваются ничем хорошим. И я тому живой пример. Тем более... Я и так изменился. По сравнению с тем, каким я был раньше, сейчас все куда лучше. После смерти сестры во мне что-то щелкнуло.

Я будто-бы посмотрел на себя со стороны и понял какое я чудовище. Будто крупица утерянной части души вновь вернулась ко мне... Да, это не взрастило во мне сочувствие и милосердие ко всем тем людям, которые погибли ради моей цели, но я понял что сам виноват в смерти Солонго.

– И именно поэтому сейчас ты все еще продолжаешь убивать людей ради вечной жизни и власти! – меня просто переполнял гнев и злость на него, – Хватит, Хан! Ты бы не поступал так, если бы изменился...

– Все не так!!! – вскрикнул он, – Со дня смерти Солонго я не убивал никого ради власти или своего удовольствия! Я делал это, чтобы вернуть сестру!

– Что?.. – шокировано прошептала я.

Хан шумно выдохнул сквозь зубы и прикрыл глаза, в которых плескалась досада и недовольство.

– Очнувшись от многовекового сна я был уже другим. Мне больше не хотелось править миром и иметь вечную жизнь. Все это осталось в прошлом. Я желал лишь одного... Вернуть единственного родного мне человека – сестру, которая несмотря на все те ужасы, которые я творил, всегда была рядом. Но я был почти без сил! А нужный обряд требовал куда больше магии, чем для того чтобы просто стать бессмертным. Но я виновен в ее смерти и должен все исправить... Для этого и создан новый стан, для этого нужны все жертвы!

Лицо парня было осенено каким-то болезненным безуми-

ем. Он как будто был не в себе. И это пугало...

– И что же... Ты готов и мной пожертвовать ради сестры? – все же спросила я, хотя ответ казалось бы очевиден.

– Что? Нет! – Хан оказался удивлен этим вопросом, – Я же сказал, что никогда не причиню тебе вреда! Когда-то я действительно собирался лишить тебя жизни ради силы, но сейчас все по другому! Послушай, Кара... Я знаю тебя почти с рождения. Когда тебе было всего пару месяцев, я искал одаренных детей в округе и почувствовал сильнейший запах магии. Направившись к источнику я наткнулся на небольшой домик в лесу не так далеко от стана, рядом с домом сидела девушка с ребенком на руках. Этим ребенком была ты.

Я знала что он скажет дальше. Потому что сама видела это. Медальон действительно показал мне моих родителей.

– Мало того, что я почувствовал от тебя сильнейший флер магии, оказалось что твоим отцом является сам хозяин огня. И тогда я понял, что лишь одна твоя жизнь сможет дать мне желаемое. Но ты была слишком мала, я не мог сразу забрать тебя в стан. А потому пришлось ждать. Целых восемь лет... Когда я отправил за тобой Дархана, он нашел тебя плачущей над холодным телом матери. Она умерла, не выдержав разлуки с твоим отцом. Молодая женщина... Она выглядела как живой призрак, вся истощенная и седая. И ты конечно же была убита горем, поэтому забрать тебя было проще простого. Я не убивал твою маму, Кара. Ты можешь винить меня во многом, но не в этом.

– Я знаю. Когда дар вырвался, я все вспомнила... И до этого сознание несколько раз подкидывало мне картины из прошлого, едва я только попала в стан.

Хан не сильно удивился сказанному.

– Такое вполне вероятно. С развитием дара и столкновением с предметами и людьми из прошлого, память могла понемногу восстанавливаться. Я боялся. Боялся что ты сможешь вспомнить все раньше времени и сбежишь. Когда ты сказала, что с тобой говорила хозяйка земли, то я чуть с ума не сошел, хоть и знал, что духи не вмешиваются в жизни людей. Но ты дочь одного из великих хозяев... Мне стоило переживать о том, что на тебя эти правила могут не распространяться.

Я грустно хмыкнула.

– Распространяются и ещё как... И кстати, тебе повезло. Я ведь вспомнила все только после посвящения. Ты поэтому все время мне врал? Чтобы я не сбежала? Втирался в доверие получается...

– И да, и нет. Я правда полюбил тебя, Кара... Полюбил настолько, насколько может любить человек с половиной души. Я хотел чтобы ты видела во мне не только жестокого монстра.

Покачив головой, я смахнула слезу и прошептала:

– Но я все равно его вижу... Даже понимая, что ты такой не по своей вине.

Хан до хруста сжал кулаки.

– Что ж... Видимо это было неизбежно. Но ты должна понять, что я все равно не оставлю тебя. Ты моя и на этом точка.

– Это не любовь... – со звериной тоской в голосе простонала я, – Вожделение, больная зависимость, желание подчинить и сделать своей собственностью... Что угодно, но только не любовь, Хан! Я прошу... Отпусти меня. Сделай хоть что-то хорошее, если в тебе есть хоть капля уважения ко мне!

Господи, кто бы знал как больно мне было произносить эти слова. Из глаз беспрестанно лились слезы, а голос и руки дрожали.

По взгляду я уже видела, что Хан меня не услышал. И от этого стало еще больнее...

– Нет... Прости, но я не могу. От тебя зависит моя жизнь и жизнь моей сестры. Но поверь! Я сделаю все, чтобы ты была счастлива рядом со мной!

Пустые слова... Он просто меня не слышит...

– Как ты собираешься вернуть сестру, не потеряв меня? Я же погибну если отнять дар, – сквозь слезы выдавила я.

– Именно поэтому мы сделаем наоборот. Ты заберешь мою силу и вернешь мне сестру.

– Но тогда... Тогда ведь погибнешь ты?

– Нет. У меня нет врожденного дара, вся моя сила получена от других людей. До смерти шамана, который обучал меня, я был обычным человеком. Пустым сосудом. Поэтому магия не является частью меня самого и соответственно от-

дав ее тебе, я останусь жив, пусть и продолжу существование как простой смертный.

Бред... Бред, бред, бред. Все это какой-то дурной сон!

– Все что тебе сейчас нужно – это принять мою силу. Потом я научу тебя обращаться с ней и мы проведем нужный обряд. Ты готова?

“Нет! Нет и еще раз нет, черт возьми!” – подумала я, но вслух равнодушно произнесла:

– А разве у меня есть выбор?

Хан не стал заикливаться на моих словах, и молча придвинулся поближе.

– Я начну произносить нужные слова, а ты должна будешь постараться расслабиться, и когда почувствуешь в области солнечного сплетения что-то похожее на щекотку, максимально открыться и принять силу. Обещаю, ничего плохого ты не ощутишь.

Я заторможено кивнула, сжав в кулаке кулон отца. И тут вдруг вспомнила, что не задала Хану один из самых важных вопросов:

– Мой кулон. Я нашла его в руке Лейлы. Откуда он у неё? И главное – как его получил ты?

Хан вздрогнул, услышав имя девушки.

– Кулон упал с твоей шеи, когда ты воспламенилась во время первого неудачного посвящения. Я подобрал его и спрятал, надеясь, что он поможет мне найти тебя. Я не знал, что Лейла успела его забрать... Так получилось, Кара. Это

просто неудачное стечение обстоятельств. Я не хотел, чтобы с ней случилось что-то плохое. Пусть звучит не слишком правдоподобно, но я считал Лейлу своим другом.

В душе тут-же зародилось нехорошее подозрение.

– Подожди... Но ты же сказал, что Лейлу убила Туя.

Парень раздраженно повел бровью.

– А ты бы осталась в стане, скажи я, что она погибла от моей руки? Сейчас это все уже не важно, Кара! Пути назад нет.

Я вскочила на ноги, и попятившись, сделала резкий шаг в сторону пропасти, останавливаясь на самом краю скалы.

– Я спрыгну, если ты не расскажешь правду!!! Слышишь?! Я не шучу!!!

Мой голос дрожал от эмоций, а кровь кипела от вспышки адреналина. Я должна все узнать...

– Прекрати, Кара! Немедленно отойди от края!

Было видно, что Хан испугался моего выпада, но при этом все еще не воспринимал угрозу всерьёз.

Оторвав одну ногу от земли, я протянула ее вперед, практически зависнув над обрывом. И тогда парень сдался.

– Ладно!!! Твоя взяла! Я все расскажу, только прошу, вернись обратно!

Всё ещё глядя на него с подозрением, я сделала шаг в сторону, и вернулась на то место, где сидела прежде.

Облегченно выдохнув, Хан нервно провел ладонью по волосам, и сказал:

—После вашего последнего разговора Лейла пошла ко мне. Не знаю зачем... Вероятно хотела выяснить, что станет с Туей. Меня в тот момент в юрте не было, но мы с Дарханом как раз направляли туда, чтобы наедине обсудить наши дальнейшие действия. Когда зашли внутрь, ничего подозрительного я не заметил, и спокойно начал говорить Дархану то, что никак не предназначалось для чужих ушей — а конкретно для ушей Лейлы, которая в это время лежала под моей кроватью. Не знаю, какого черта она там забыла! Наверное уронила что-то и полезла доставать, но услышав наши голоса испугалась и затаилась, решив не выдавать своего присутствия. Когда Дархан ушёл, я полез под кровать за шкатулкой и обнаружил её.

Парень вдруг яростно, до хруста сжал кулаки. В его глазах читался гнев вперемешку с какой-то необъяснимой печалью.

—Я не хотел её убивать! По началу просто думал отвести в подвал к Туе, запереть их вместе и держать там, пока все не закончится. Но кухарка все испортила! Она наглоталась яда, которым пыталась отравить тебя, и когда Лейла увидела её тело, то подняла жуткий визг, который мог услышать весь стан и сбежаться туда. Я не мог допустить, чтобы ты все узнала! Пришлось убить её, и вложить нож в руку Туи, подстроив все так, будто бы это она прирезала её, а потом и себя лишила жизни. Я все сделал так, чтобы ты точно поверила... А кулон — кулон Лейла видимо взяла из шкатулки под кроватью... В ту же ночь я вывел всех из лагеря, сказав что на го-

ры надвигается землетрясение, и что оставаться здесь теперь опасно. Все ученики вероятно уже давно вернулись домой.

– Подожди, но почему я не проснулась? Ребята должно быть подняли панику, должна же я была хоть что-то услышать? – задумчиво рассуждала я, попутно вспоминая о том, что той ночью спала как убитая, пока меня не разбудил призрак Лейлы. Когда Хан виновато отвел взгляд, до меня наконец-то дошло, – Успокоительное... Всё дело в нем, верно?

Парень кивнул.

– Это было снотворное.

Вот оно что... Лейла все-же погибла из-за меня. Из-за того что я её не остановила. Я просто спала, когда девушку хладнокровно зарезали и бросили в грязном подвале, хотя до освобождения оставалось всего несколько часов. Погибнуть от руки любимого человека – что вообще может быть хуже? Теперь становится ясно что имел в виду её дух, предупреждая меня о том, что все было совсем не так... Лейла узнала правду, послушав разговор Хана, и меня хотела обо всем предупредить. Только вот я не смогла понять её.

Глаза тут-же наполнились жгучими слезами.

– Пора начинать, – произнес Хан равнодушным и даже отрешенным голосом, не пытаясь больше извиняться или как-то объяснять свои мотивы.

Прикрыв веки, он взял меня за руки, и начал что-то бормотать, постепенно наращивая темп. С каждым словом, его лицо все больше искажалось болью.

Черт возьми! Нужно как-то это остановить... Я не хочу обладать силой отнятой вместе с жизнью у других людей! Но что я могу?!?! Духи вмешиваться не станут, а на случайных прохожих в горах вряд ли стоит рассчитывать.

А может...

Да нет, это безумие! Хан прав, обращаться к Уроборосу может быть слишком опасным...

Подняв взгляд на парня, я заметила, что он уже произносит слова сквозь стиснутые зубы, а на лбу скопилось несколько бисеринок пота.

Не давая себе времени на то чтобы передумать, я тоже прикрыла глаза и стала взывать к великому змею. Я делала это так как могла, без всяких обрядов и заклинаний, но от всего сердца. Но когда почувствовала в груди легкую щекопку, о которой говорил Хан, то поняла, что все напрасно. Сдавшись, я распахнула веки и просто стала ждать своей участи.

Шли секунды, минуты... Но ничего не происходило. Внимательно присмотревшись к Хану, я осознала что он замолчал вовсе не потому что заклинание закончилось. Он застыл... Осторожно отняв свои ладони, я с удивлением отметила, что парень так и сидит не шелохнувшись и вытянув руки вперед.

Не понимая что происходит, я медленно поднялась и оглянулась вокруг. Застыл не только Хан, застыло вообще все вокруг, включая ветер, пламя, искры в воздухе и даже

ворона пролетающего высоко в небе над нашими головами. Нелепо раскрыв рот, я крутилась вокруг себя, подмечая все новые и новые детали.

Что-то пошло не так или у меня снова галлюцинации?

За спиной раздалось хриплое ехидное хихиканье. Едва развернувшись в сторону звука, я тут же завизжала, чуть не потеряв сознание от страха. Прямо над обрывом, неподалеку от меня, в воздухе висел огромный черный змей, свернувшись в восьмерку. Попятившись назад, я запнулась за кожуру на которой сидела, и махом грохнулась на пятую точку. Однако это меня не остановило и я продолжила движение назад уже сидя, ерзая на мягком месте и помогая себе ногами.

Змей расхохотался еще громче.

– Ну ш-ш-ш-то-ж-же ты, дитя. Неуж-ж-жели я такой с-с-страш-ш-шный?

Голос существа был полон иронии и насмешки.

– З-с-сачем з-с-с-вала, раз-с-с боиш-ш-шьсья?

– Уроборос? – удивленно пробормотала я, прекращая движение.

– А ты з-с-с-вала кого-то ещ-щ-ще?

Поспешно поднявшись с каменистой поверхности, я набравшись смелости, воскликнула:

– Нет! Нет, мне нужны именно вы! Вы помните Хана? То есть Ердена! – я указала рукой в сторону парня, – Много веков назад его отец отдал вам половину души сына взамен на то, что вы поможете ему удержать в руках власть!

Уроборос даже украдкой не посмотрел на Хана, но внимательно слушал меня, поэтому я продолжила:

– Я умоляю!!! Помогите! Пожалуйста, верните ему душу! Он же не виноват в грехах отца! Хан совершил множество преступлений из-за того, что в нем не осталось ни капли жалости и сочувствия, и я боюсь что жертвы никогда не прекратятся! Его жестокость... Она переходит все границы!

Змей будто бы понимающе покивал шипастой головой, уперев кончик хвоста в подбородок. Устремив взгляд в пустоту, он выдал:

– Так давай я отправлю его к духам и дело с-с-с конц-с-с-ом?

– Что?! Нет!!! Я не для этого к вам зывала!

Уроборос раздраженно вздохнул и по человечески закатил глаза.

– Ну а ч-ш-ш-то? Ты ж-ш-ше с-с-сама говориш-ш-шь ш-ш-то он убил много ч-ш-ш-еловек! Вот и реш-ш-шение!

Не понимая как еще объяснить я тихо произнесла:

– Я люблю его...

– А-а-а... Ну это с-с-серьез-с-сно! – вновь сыронизировал змей.

Меня уже начинало подтрясывать от того, что у древнего божества характер язвительного подростка!

– Хорош-ш-шо, допус-с-с-тим я помогу тебе. Но чш-ш-то я получу вз-с-с-амен?

Я как-то растерялась... Что я могу дать взамен?

Расстроено покачивая головой, я призналась:

– У меня ничего нет кроме кулона, подаренного отцом. Я думала что сотни сохранных человеческих жизней станут весомым аргументом...

– О, это важ-ш-ш-но лиш-ш-шь в мас-с-ш-ш-табах твоей ж-ш-ш-изс-с-ни, но никак не для вс-с-с-еленной, потому мне нет дела до с-с-сотни или даже тыс-с-яч-ш-ши принес-с-с-енных в жертву этим мальч-ш-шиком. Но я помогу тебе. Ты мне понравилас-с-сь, з-с-с-абавная малыш-ш-шка.

Серьезно?! Так просто????!!!

Вне себя от радости я едва не подпрыгнула на месте, захлопав в ладоши. В моей голове уже расцвела прекрасная картина того, как уроборос вернет Хану душу и все образуется.

Однако не все так просто...

Змей выставил перед собой кончик хвоста как указательный палец, произнеся:

– Но! Я не могу прос-с-сто вернуть твоему другу его душу, это не в моих с-с-силах. Я лишь с-с-спос-с-собен обернуть для него время вс-с-спять, вернув мальчш-ш-шика в тот момент, когда его отец-с-с призс-с-свал меня. С-с-соглас-с-сна?

– Что? Но это значит... Значит, что я его больше никогда не увижу?

Уроборос плавно покачивал головой.

Но это ничто по сравнению с тем, что все убитые Ханом

люди будут жить.

– Я согласна!

– Хорош-ш-шо, тогда прощ-щ-щ-щайтес-с-сь.

И все вновь отмерло. Ветер подхватил мои распущенные волосы, языки пламени пустились в пляс, а Хан увидев рядом с собой змея, подскочил на ноги, пряча меня за собой.

– Уроборос... Зачем ты здесь?!

Змей даже не взглянув на него, обратился ко мне:

– Время...

Я кивнула, и дернув Хана за рукав, развернула его к себе.

– Послушай! Нам нужно торопиться. Уроборос вернет тебя в тот момент, когда твой отец обращался к нему. Сделка не состоится и ты будешь жить нормальной жизнью как обычный человек. И твоя сестра будет жива!

С трудом поспевая за смыслом моей сумбурной речи, Хан воскликнул:

– Постой! Но как-же ты?

С трудом растянув улыбку сквозь дрожащие в глазах слезы, я вымолвила:

– Я люблю тебя. И всегда буду любить...

Привстав на носочки, я лишь на мгновение прижалась к его губам и тут же сделала несколько шагов назад, кивая змею.

Свернувшись в круг, Уроборос прикусил себя за кончик хвоста и как колесо стал с огромной скоростью раскручиваться на месте. От его тела полетели золотые искры и по-

середине образовавшегося круга открылась черная воронка, которая начала стремительно затягивать в себя Хана.

– Нет!!! Кара!

С абсолютно диким взглядом Хан сделал резкий рывок вперед и ухватил меня за руку.

– Что ты делаешь?! Отпусти!!! – я попыталась отцепить от себя его руки.

– Это не выход, Кара!!! Я не хочу оставлять тебя!!!

Воздух вокруг загудел и мое тело медленно стало подниматься в воздух вслед за Ханом, толкая к краю скалы. Что он творит?! Понимая что осталось буквально пару секунд до того как Хана засосет в воронку, а мое тело так и останется висеть в воздухе над обрывом, я закричала:

– Отпусти, еще шаг и я разобьюсь!!!

Но Хан просто не успел. Хлопок и нас обоих утянуло в портал...